

«ПЛЮГАВАЯ СЕМЕЙКА».

В том верхнем, правящем слое, который возглавлял дворянскую машину монархии, особая роль принадлежала царским родственникам — «великим князьям». Пользуясь «правами родства», они вторгались в различные отрасли управления России, занимали высшие, преимущественно военные, посты, обделяли без всякого труда свои коммерческие аферы, и вообще всеми доступными им способами старались забирать в свои руки все то, что могло им достаться благодаря их особому положению.

Сами по себе, как личности, великие князья не заслуживают, конечно, ни малейшего внимания; но «деятельность» их характеризует ту государственную машину, в которой они копошились, — и именно с этой точки зрения может представлять интерес и переписка этих лиц.

Теперь уже установлено, что семья Романовых, в лице своих главных представителей, носила явные следы умственного и психического вырождения. Об этом убедительно говорит М. Н. Покровский ¹⁾; и это же явно вытекает хотя бы из отзывов о семье Романовых крунейшего слуги погибшей монархии графа Витте, который имел возможность близко наблюдать различных отпрысков этого романовского гнезда. Действительно, если проследить все отзывы Витте о великих князьях, то в конце концов чуть не каждый из них оказывается или слабоумным, или психически ненормальным, или преступником.

Впрочем, ничтожество погибшей династии ясно было для наблюдательных людей еще больше чем за сотню лет до нашего времени. Нам пришлось встретить рукописный отзыв

¹⁾ Предисловие к «Переписке Н. и А. Романовых» 1923 г., том III, стр. XXVIII и след.

о Романовых, относящийся к самому началу XIX века. Один литературный труженик рассуждает в своих интимных записях о семье Романовых. И вот какими словами заключает он свои грустные о них размышления:

«Из сего явствует, какая это плюгавая семейка и как недостойна она быть тем, чем есть и желает еще быть. Доказательство тому есть вред отечеству, какой наделала сия плюгавая семейка» ¹⁾).

Так мыслил, в глубине души, человек XVIII века; и, конечно, он не был одинок в этом мнении. Ряд подтверждений этой умственной и нравственной «плюгавости» Романовых дает и настоящая книга.

Различные представители Романовых предстают здесь перед нами в их письмах к Николаю II. Часть этих лиц сметена революцией, часть и до сих пор выступает в различных шутовских ролях в странствующей по Европе романовской труппе.

Первое место занимают здесь письма главного «кандидата на русский престол» в. к. Николая Николаевича — этого, по остроумно-меткому выражению М. Н. Покровского, претендента, если «не по рождению, то по вырождению» ²⁾).

Не представляя ничего особенно нового для уже установившейся характеристики этого «претендента», письма его к Николаю II дают, однако, несколько ценных указаний, определяющих собственный, беспристрастный взгляд великого князя на свои умственные способности.

Так, в одном из этих писем, посланном с Кавказа, куда Н. Н. Романов был в августе 1915 года назначен наместником, он умоляет племянника-дядю не препятствовать разным железнодорожным аферам своего помощника по Кавказу «Влади Орлова»; если помешать этим аферам, то, — как утверждает великий князь, — это подорвет здоровье «Влади», и он, Николай Николаевич, лишится своего помощника. Это вызовет непоправимые последствия:

«Ну же, — объясняет Н. Н., — особый подбор людей, а главное — глава; во Владе я ее имею. Теряя его — я все теряю».

¹⁾ Этот отзыв, относящийся к первому десятилетию XIX-го века, принадлежит одному малоизвестному писателю из круга Радищева (М. И. Антоновский).

²⁾ См. вышеуказанное предисловие, стр. XXXII.

Это откровенное признание достаточно ясно характеризует умственное развитие этого великого князя, который, как видим, чувствовал себя совершенно потерянным без помощи чужой головы.

Но было бы, однако, ошибкою думать, что голова великого князя Николая Николаевича была вовсе не способна к каким-либо более или менее разумным мыслям. Очевидно, Н. Н., из скромности, несколько принизил свою самооценку. По крайней мере, одно из суждений, высказываемых им в печатаемых здесь письмах, свидетельствует о значительной зрелости его мысли. Мы имеем в виду то, что еще в 1908 году Николай Николаевич в записке, поданной Николаю II, высказывал вполне основательное мнение, что «престиж великих князей подорван окончательно, и Россия к ним не может относиться с доверием». И хотя это справедливое признание вырвалось у великого князя под влиянием раздававшихся в Государственной Думе нападок, — это не уменьшает ценности такого авторитетного свидетельства.

Желая как-нибудь вознаградить себя за вынесенные от Думы нападки, Н. Н. Романов пишет сам себе от имени Николая II рескрипт, в котором выражает себе «особенную, сердечную благодарность» за попесенные труды, и сам же восторженно отзываясь о своем «выдающемся научном и практическом знании воспитания войск» и о «понимании истинного духа военного дела». Николаю II не стоило, конечно, никакого труда подмахнуть свою подпись под этим, написанным себе его дядей, рескриптом.

Если мы прибавим к этому, что «выдающееся научное и практическое знание воспитания войск» заключалось, главным образом, в зверском обращении с солдатами, вследствие чего великий князь «сумел к себе внушить ненависть всей гвардии и всего петербургского военного округа»¹⁾, то сцепление всех этих отдельных штрихов даст, кажется, достаточную характеристику этого «претендента по вырождению».

И, тем не менее, кандидатура в. к. Николая в цари выдвигалась во время имперпалитической войны довольно решительно.

Некоторые подробности об этом дает одно из печатаемых здесь писем к Николаю II в. к. Николая Михайловича. Он

¹⁾ Это последнее свидетельство берем из «Дневника А. В. Богданович» (П. 1924 г., стр. 483). Черносотенный автор дневника, конечно, не мог в этом погрешить против истины.

обращает внимание царя на те средства, при помощи которых создавалась почва для этой кандидатуры:

«Эта популярность, — пишет Н. М. Романов, — была искусственно подготовлена из Киева Милицей, совсем исподволь и всеми способами — распространение в народе брошюр, всяких книжонок, лубков, портретов, календарей и т. п. Благодаря такой обдуманной подготовке, популярность не упала после падения Галиции и Польши, и снова возросла после кавказских побед».

«Популярность эта, — говорит далее Н. М. Романов, — вовсе не идет на пользу престола или престижа императорской фамилии, а только к мушкетированию мужа великой княгини, славянки, а не немки, а равно как и его брата и племянника Романа. При возможности всяких смут после войны, надо быть на-чеку и наблюдать зорко за всеми ходами для поддержания сей популярности».

Правда, здесь дело не только в лубках и книжках, которыми создавалась реклама кандидата в цари. Несмотря на крайнюю умственную ограниченность в. к. Николая, у него (вероятно, под влиянием его ближайших советчиков) было смутное понимание, что для того, чтобы идти к царскому «престолу», надо искать какую-то опору; потом, рассчитывая, что можно будет все и всех скрутить, а пока, в подготовительный период, нельзя грубо противодействовать тому «общественному мнению», с которым не хотел считаться Николай II. Тогдашнее «общественное мнение» имело вполне определенные границы: по замечанию другого великого князя, Николая Михайловича, в печатаемых здесь письмах, это «общественное мнение» простиралось «от митрополита Питирима до Челнокова и от Бориса Васильчикова до Гучкова». Николай Михайлович не мог, конечно, представить, что существует какое-либо другое общественное мнение. Но, если даже взять указываемые им пределы и разделить это пространство на две части, то можно, кажется, признать, что с правой, вполне черной его частью, Николай-дядя был работать не прочь. А так как Николай II не хотел считаться ни с кем кроме Питирима - Распутина, то у Николая - дяди являлось некоторое преимущество перед его царствующим племянником. Высокий рост, громкий голос, властный характер были другими условиями, которые, в глазах офицерства и черной «общественности», создавали выгодные условия для кандидатуры в цари.

Но Распутин и те, кто стояли за ним, предчувствуя это, поспешили убрать Николая - кандидата на Кавказ; а Николай - царя при таких условиях уже легко было держать в своих руках.

Выше упоминалось имя «Милицы». Эта великая княгиня, которой принадлежит организация рекламирования в. к. Николая, — лицо, весьма влиятельное в романовской семье. С ее именем связан один из напечатанных в настоящей книге документов — и это побуждает нас уделить место ее личности.

Жена захудалого великого князя Петра Николаевича, она все свои практические расчеты связывала с личностью его брата, Николая, женатого на ее сестре Анастасии. Если бы Николай — кандидат сделался царем, Милица стала бы полударницей; а так как в. к. Николай был бездетен, то наследником его явился бы сын Милицы — Роман. Ради осуществления таких перспектив и старалась Милица об усилении «популярности» Н. Н. Романова.

Милица, в глазах царствующей четы, была (до тех пор, пока ее двусмысленная роль не стала разгадана) специалисткой по самым разнообразным вопросам: по акушерству, по религии, по вопросам внешней политики и т. п. Но главная сфера ее компетенции заключалась все-таки в области религиозно-мистической. Милица была, между прочим, придворным поставщиком разных старцев и пророков: при ближайшем участии этой великой княгини был призван ко двору как сам Распутин, так и его предшественник, французский авантюрист, «доктор» Филипп.

Цель этой религиозно-мистической деятельности Милицы была чисто-коммерческая. Она заключалась в получении от Николая II «многочисленных и значительных сумм»; это, по словам Половцова, являлось прямым последствием «чтений и бесед о высшем, лучшем, неземном мире, представителями коего они (Милица, ее сестра Анастасия и Филипп) являются в придворной развращенной среде»¹⁾.

Во время мировой войны, в 1915 году, когда аппетиты русских империалистов разыгрывались в полной мере, и Николай II обдумывал планы предстоящих захватов, он счел нужным запросить отзыв Милицы по вопросу о будущих границах Черногории. Ответу на этот запрос и посвящено печатаемое здесь письмо Милицы. Подкрепляя свое мнение авторитетом своего отца, известного авантюриста, черногорского князя Николая, Милица высказывает пожелания о том, какие именно земли должны быть присоединены к будущей Черногории. Предполагалось включить

¹⁾ «Дневник А. А. Половцова» — «Красный Архив», 1923 г., том III, стр. 158.

в нее Герцеговину, южную часть Далмации, острова Рагузу и Катарро и пр. Таким образом, подобно тому, как раньше, бывшая черногорская принцесса, желая услужить своей родине (а более всего себе), выпрашивала у Николая II разные денежные субсидии, так теперь тот же услужливый Николай должен был, ценою крови русских солдат, урвать для Черногории разные, желательные ей, земли.

Вообще, надо сказать, что черногорские принцессы постоянно старались влиять на направление русской балканской политики. Балканы — этот пороховой погреб Европы — через черногорских пауков имели тесную связь с самой командующей верхушкой царской России. Конечно, многоголовая гидра войны была в Париже, Лондоне, Берлине, Петрограде, Вене, но змеинный хвост ее был явственнее всего на Балканах. И «черногорки», принадлежа к наиболее активным прихвостням русской империалистической клики, старались посколько было в их силах, подливать масла в огонь, в расчете, между прочим, и на то, что великая, мировая бойня будет способствовать осуществлению «национальных задач» маленькой Черногории. Наглядным доказательством этому являются и те политические комбинации, которые замыслились во время войны «черногорками» на почве их семейной связи не только с русской, но и с итальянской царствующей династией¹⁾.

Николай Николаевич и Милица принадлежали к одной ветви «дома Романовых» — к «Николаевичам», политические расчеты которых связывались с кандидатурой в цари самого Н. Н. Романова.

В настоящей книге выступает и другой «претендент на русский престол» — в. к. Дмитрий Павлович. Любимец Николая II, Д. Романов стал своеобразным «героем» после того, как в компании с Пуришкевичем и Юсуповым убил Григория Распутина.

В печатаемых здесь письмах Дмитрия Романова наглядно выступает обычный тип светского шалопая; все интересы этого «претендента на престол» сводятся к гонкам на автомобилях, к скачке на лошадях, к разным светским развлечениям. По собственным словам Дмитрия, его тянет только «к своим лошадям, чтобы прыгать». Когда он хочет излить Николаю II свою душу — «поделиться мыслями», то решительно ничего, кроме пустой болтовни и различных помпозостей, написать не может.

¹⁾ Об этом подробности в примечаниях.

Вместе с тем великий князь, как это видно из писем, был совершенно малограмотным человеком¹⁾. Полнейшее умственное убожество, ничтожество во всех отношениях сказываются в каждой его строке. И если мы печатаем эти письма, то только потому, что в лице Дмитрия Романова обрисовывается общий тип «великих князей». Самый тон этих писем, грубо-пошлые остроты, непечатные выражения—все это характеризует как этого великокняжеского недоумка, так и его старшего друга—Николая II.

Большое количество печатаемых в этой книге писем принадлежит великим князьям из линии «Михайловичей». Представители этой романовской линии (в общем, люди все-таки более развитые, чем другие их родственники) занимались преимущественно различными политическими интригами и связанными с ними финансовыми аферами, удобоисполнимость которых была вполне обеспечена благодаря тому, что один из «Михайловичей» — Александр, был женат на сестре Николая II — Ксении. Поэтому, не рассчитывая выдвинуть из своей среды «кандидата на престол», «Михайловичи», в своих личных интересах, с особым усердием поддерживали существовавший династический порядок. Так, в. к. Николай Михайлович пишет Николаю II по поводу «популярности» в. к. Николая Николаевича: «других вариантов (т.-е. кроме Николая II и его потомства) в династическом отношении я не признаю и никогда признавать не буду». И это вполне естественно, потому что всякая другая комбинация могла бы, в силу изменения личных отношений, пошатнуть то удобное положение, которое имели «Михайловичи» при Николае II.

Более всего в настоящей книге писем только что упомянутого Н. М. Романова.

Николай Михайлович Романов был известен, как историк времени царствования его деда (по боковой линии) Александра I. Исторические работы великого князя имели некоторую ценность, но это в значительной степени объясняется тем, что автор, благодаря своему исключительному положению, имел возможность пользоваться такими материалами, которые, не были никому, кроме него, доступны.

Если другие великие князья призваны были стоять во главе различных отраслей высшего военного управления, то великий князь Николай Михайлович, как историк, считался чем-то вроде главы

¹⁾ Это не объясняется французским воспитанием, потому что столь же малограмотно Дмитрий писал и по-французски.

казенной русской истории; это положение определялось его должностью председателя официального «Русского исторического общества», содержавшегося на средства миллионера Половцова, а также на правительственные субсидии. Подведомственных ему историков или лиц, желавших таковыми считаться (членов этого общества), Николай Михайлович держал строго и «подтягивал» их, по его выражению, «по своему фасону».

Но, если как историк, Николай Михайлович имел некоторые достоинства, то, как великий князь, он принадлежал к одним из наиболее зловредных представителей этой породы. Граф Витте, выделяя этого великого князя и его брата Александра из сонма других царских родственников, называет этих двух лиц «злополучными великими князьями»¹⁾. Витте рассказывает, что именно по настоянию этих великих князей был проведен известный столыпинский акт о роспуске на три дня Государственной Думы и Совета, для того, чтобы издать помимо последних закон о земстве в западных губерниях. Когда некоторые члены даже такого «благонамеренного» учреждения, как Государственный Совет, осмеливались высказать робкое недовольство этим мероприятием, Николай Михайлович находил, что нужно «разогнать» весь этот Совет.

Такие факты достаточно показывают, что представлял собою, несмотря на свое политическое фрондерство, этот великий князь.

Печатаемые здесь его письма затрагивают, между прочим, вопрос о подготовке к созыву мирного конгресса, — эта мысль была возбуждена перед Николаем II самим Николаем Михайловичем в 1916 году. Не подлежит, конечно, сомнению, что поднять об этом вопрос было всегда своевременно. Но почему великий князь заинтересовался этим вопросом? Дело объясняется очень просто: ему самому захотелось быть представителем России на будущей международной конференции.

И, вот, возникает целый план, осуществления которого Н. М. Романов настойчиво добивается у Николая II. С этою целью великий князь начинает заискивать и перед Сазоновым, уверяя его, что он, Николай Михайлович, «был бы в восторге работать под его (Сазонова) руководством». На справедливый ответ Сазонова, что «великие князья не пользуются любовью и уважением русского общества», Николай Михайлович апеллирует к Николаю II. Он «не пользуется уважением», но имеет

¹⁾ Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания», 1923 г. Том II, стр. 449.

великокняжеское положение, имеет — по собственному признанию — «язык без костей». Чего же нужно еще более? В конце концов, весь этот вопрос был для великого князя только одним из способов заполнить свое пустое время — чем-то в роде охоты на вальдшнепов и перенелов, об успехах на которой Н. М. Романов тогда же уведомлял Николая II.

Брат Николая Михайловича, Александр Михайлович, также представлен в настоящей книге несколькими письмами. Личность этого авантюриста, игравшего особенно большую роль благодаря своему браку на сестре Николая II — Ксении, очень выразительно обрисована уже в воспоминаниях графа Витте. С именем А. М. Романова связаны различные авантюры: участие в корейских концессиях Безобразова, организация (исключительно для личных целей) главного управления торгового мореплавания, денежные злоупотребления при постройке судов, всевозможные доносы и пр.

Печатаемые здесь письма немного прибавляют к этим, известным уже, фактам; письма, относящиеся ко времени войны, касаются вопроса о так называемых «муромцах» (воздушных кораблях), получить которые в свое ведение, исключительно по личным побуждениям, очень добивался великий князь. Здесь он задумывал новую авантюру; но история ее имеет лишь специальный интерес, а потому изложена нами в примечаниях.

Одно из писем А. М. Романова носит другой характер. Это — предупреждение Николаю II о гибельности для монархии его политики. Письмо относится к декабрю 1916 — февралю 1917 года ¹⁾.

Такую же цель «спасения родины» от революции преследовало и письмо брата Александра Михайловича, Николая, посланное Николаю II еще раньше, в ноябре 1916 г. ²⁾. Оно направлено, главным образом, против жены царя, Александры Федоровны. Оказывается, стоило только отстранить ее влияние, — и «сразу началось бы возрождение России». А потом, «когда время настанет, — пишет Н. М. Романов Николаю II, — ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность министрам перед тобой и перед законодательными учреждениями. Это сле-

¹⁾ Письмо писалось, в несколько приемов, в течение почти полутора месяцев.

²⁾ Это письмо помещено нами в примечаниях в конце книги.

ается просто, само собой, без напора извне, и не так, как совершился достопамятный акт 17 октября 1905 года».

Брат этих князей, Георгий Михайлович, идет даже далее, чем они, — он, в ноябре 1916 г., заикается о необходимости теперь же организовать «ответственное министерство».

В то время, когда писались все эти письма, великокняжеская клика уже сознавала, что она стоит на краю гибели. Великие князья делали попытки бороться за спасение себя и монархии. Убийство Д. П. Романовым Распутина должно было, казалось, «спасти» весь строй. Но спасения, конечно, не последовало. Предчувствие скорой гибели и заставило великих князей заговорить о «реформах».

Но Николай Романов и его жена смотрели на это дело иначе. «Глупец тот, кто хочет ответственного министерства» — писала А. Ф. Романова относительно указаний в. к. Георгия и при этом напоминала мнение об этом уже упоминавшегося нами французского авантюриста Филиппа: «Вспомни, даже, — наставляла А. Ф. Романова Николая, — м-р Филипп сказал, что нельзя давать конституций, так как это будет гибелью России и твоей, — и все истинно-русские говорят то же» ¹⁾. И слабоумный Николай, конечно, соглашался с мнением таких, озаренных святостью, авторитетов, как Филипп или Распутин.

Немудрено потому, что большинство царских родственников составляли в это время оппозицию царю, и в голосах их стали звучать ноты, сходные с мотивами другой, кадетской «собственной его императорского величества» оппозиции. Великие князья смотрели на кадетов, а кадеты с надеждою взирали на великих князей. «Они, — говорил в это время про великих князей кадетский депутат Маклаков, — хотели бы, чтобы Дума зажгла порох... Они ждут от нас того, чего мы ждем от них» ²⁾.

Проявлением таких великокняжеских настроений и являются письма к Николаю II в. к. Николая, Георгия и Александра Михайловичей.

Но, пока продолжались эти великокняжеско-кадетские ожидания — надвинулась революция. Однако, и тогда великие князья не потеряли надежды спасти положение. В то время, как кадеты

¹⁾ «Семейная переписка Романовых» — «Красный Архив» 1923 г., том IV, стр. 188, письмо от 14 декабря 1916 г.

²⁾ М. Палеолог. «Царская Россия накануне революции. 1923 г., стр. 302 — запись от 15 (2-го по ст. ст.) января 1917 г.

хлопотали о возведении на «престол» царского брата Михаила, великие князья (в том числе и этот Михаил) решили предложить Николаю выпустить манифест о «предоставлении государству Российскому конституционного строя». В суматохе великие князья позабыли, что подобный акт уже был издан еще 17 октября 1905 г. Не имея возможности получить под своим актом подпись Николая II, великие князья отправили этот манифест своему единомышленнику Милюкову¹⁾. Курьезнее всего то, что все это делалось уже после революции. Немуद्रено, что даже А. Ф. Романова считала этот акт «идиотским».

Обрисовывая «великих князей» в лице их видных представителей²⁾, эти письма их к Николаю II вполне ясно показывают, что, вмешиваясь в государственные дела и пытаясь влиять на направление политики, представители романовской семьи руководились при этом исключительно своими личными, шкурными интересами и на крупнейшие государственные вопросы смотрели лишь как на свои семейные дела. И даже, когда, накануне революции, «великие князья» стали указывать на необходимость «реформ», то и эти голого были продиктованы, конечно, прежде всего страхом за свое положение и властным чувством классового самосохранения.

Надо при этом заметить, что каждый из этих царских родственников обходился государству ежегодно в несколько сот тысяч рублей. Так, из печатаемых здесь писем видно, что дядя Николай II, Павел, получал в год около 270 тысяч рублей «личного содержания» и имел, кроме того, от отца наследство, из народных денег, в несколько миллионов рублей. Но эти колоссальные суммы, шедшие на беспечную и беззаботную жизнь, в конце концов, были уже не так велики по сравнению с тем, во что обходился народу все злодеяния «дома Романовых» в целом и отдельных его представителей в частности.

Отметим еще некоторые другие, более или менее интересные, места из печатаемых писем.

В этом отношении выделяются особенно письма Н. М. Романова: здесь интересны выдержки из его записок о свидании

¹⁾ Подробности обо всем этом — в примечаниях.

²⁾ Кроме упомянутых нами царских родственников, в книге фигурируют и некоторые другие (Павел Александрович, Михаил Михайлович), по разным причинам не игравшие особой роли в механизме старой монархии.

в 1912 году с политическими деятелями Румынии. Беседы с ними имеют ценность уже потому, что основной вопрос, вокруг которого они вертятся, сосредоточен на выяснении той позиции, какую займет Румыния в случае войны русских империалистов с австро-германскими. Это обсуждалось в ноябре 1912 г., в период первой балканской войны (объявленной 2 — 15 октября), когда возможность кровавого столкновения России с Австро-Венгрией и Германией не раз обнаруживалась чрезвычайно остро и даже казалась почти неизбежной. Николай Романов очень желал ввязаться в эту войну. Он заявлял Сазонову, что хочет оказать помощь балканским государствам, даже если б это вовлекло Россию в серьезные затруднения ¹⁾. Подготавливаясь к кровавой бойне, Николай Романов и отправил в Румынию, с целью зондирования почвы, в. к. Николая Михайловича. Тогда, в 1912 — 1913 г.г., война была временно отложена, но вынесенные Николаем Михайловичем впечатления не оказались бесполезными для расчетов при начавшейся в 1914 г. мировой войне; это и подчеркнул Н. М. Романов в письме к царю, написанном в те дни, когда румынская буржуазия, после длительного торга, присоединилась, наконец, к «союзникам» (август 1916 г.).

Нелишне кстати отметить, что в 1912 году, на вопрос великого князя, обращенный к «лидеру оппозиции» Братiano — попытается ли он, если в один прекрасный день окажется во главе правительства, «получить Бессарабию», этот румынский деятель скромно ответил: «Вы шутите, ваше императорское высочество, — даже в качестве пламенного румынского патриота я не могу желать невозможного».

Итак, при монархической России, Братiano находил это «невозможным», но, когда в России восторжествовала рабоче-крестьянская власть, то этот самый Братiano принял деятельнейшее участие во всей той политической комедии, которая называлась «добровольным присоединением Бессарабии к Румынии».

Заслуживает внимания в письмах того же великого князя уже отмеченное его предположение о созыве мирной конференции.

Некоторый интерес имеют также письма великого князя Михаила Михайловича, постоянно жившего в Англии; он был во время империалистической войны председателем русского прави-

¹⁾ Бьюкенен. «Мемуары дипломата», 1924 г., стр. 38.

тельствственного комитета в Лондоне; через этот комитет шло проведение для русской армии разных военных заказов. Постоянно соприкасавшийся с королем Георгом, Китченером и другими крупнейшими английскими империалистами, Михаил Михайлович в известной степени отражает их настроения. Между прочим, он уверяет, что Англия «нас теперь очень любит». Но в. к. Михаил Михайлович, конечно, и не подозревает, в чем сущность этой любви английских империалистов к русским. Однако, бессознательно для автора писем, отдельные мотивы этой «любви» иногда выскакивают наружу: «В Англии, — пишет М. М. Романов, — все убеждены, что из Архангельска идут десятки тысяч наших войск, которые высаживаются в Шотландии, а затем, через Англию, идут во Францию». Это было писано еще в начале войны (30 августа 1914 г.); позднее русские войска и были, действительно, посланы во Францию, для того, чтобы упрятать за интересы англо-французских империалистов. И, само собой понятно, что последние за это готовы были очень любить «нас».

«Центр всех заказов — Лондон», английские промышленники прямо «из кожи лезут», чтобы выполнять русские заказы — указывает в другом письме великий князь; но он ничего не говорит о тех десятках миллионов, которые шли за эти заказы в карманы английской буржуазии и, именно вследствие этого, создавали чрезвычайно любвеобильное ее отношение к русским империалистам. Таким образом, истинная подкладка этой «любви» достаточно ясно обнаруживается и в письмах М. М. Романова.

Письма других великих князей могут иметь значение по различным частным фактам, — некоторые из них рассмотрены нами в примечаниях в конце книги.

Отметим также, что печатаемые письма знакомят с интимным бытом и «нравами» этой среды, в которую прежде невозможно было пропикнуть постороннему взгляду. Царивший в России сыск касался, как оказывается, и этой среды. Но здесь сыскакой надзор преследовал свои специальные цели: сыщикам, по поручению Николая Романова, приходилось следить за охраной нравственности великих князей и, между прочим, предохранять их от таких браков, которые могли «компрометировать» «дом Романовых». Так, из печатаемых документов ¹⁾ видно, что когда брат Николая II, Михаил, задумал жениться вопреки воле царя, то за этим царским братом был установлен строжай-

¹⁾ Напечатаны в приложении.

ший надзор, и за границу, где предполагался брак, был командирован жандармский генерал с отрядом сыщиков, с целью «принять все меры» к недопущению этого брака; командированному было предписано, в случае надобности, прибегнуть даже к арестам.

В общем картину полного падения и убожества представляет собою вся эта романовская среда. И, если эта «семейка» триста лет сидела на шее русского народа, то только потому, конечно, что были сплывы те помещичьи корни, на которых она держалась, и которые теперь, вместе с романовской семьей, смела рабоче-крестьянская революция.

В. Семенников.

ПИСЬМА
ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ
К
НИКОЛАЮ II

Письма и записки в. к. Николая Николаевича.

I.

Записка в. к. Николая Николаевича Николаю П
об «окончательном» падении престижа великих
князей ¹⁾.

(1908 г.)

1. Я никого не обвиняю.
 2. Гучков мог иметь недостаточно полный материал для правильного вывода.
 3. Гос. Дума при сделанной Гучковым оценке фактов не могла отнестись иначе к речи.
 4. Воен. министр мог иметь основания не опровергать освещения фактов речи Гучкова.
 5. Председатель Сов. Мин. ²⁾ — то же самое.
 6. Речи депутатов Гос. Думы, очевидно, не могут иметь значение для нас, военных. Для нас значение имеет только слово нашего державного верховного вождя.
 7. Впечатление, произведенное речью Гучкова на Россию, налицо.
 8. Нельзя не считаться с выводом, сделанным Россией, в виду того, что не было опровержения.
- Лица, которые могли ответить — на местах ³⁾; — следовательно, государь признает слова, сказанные Гучковым, верными.

¹⁾ Записка не имеет никакого заголовка; она состоит из пунктов, которые дальше приводятся. Написана по поводу речи Гучкова с обвинениями против великих князей, произнесенной в Государственной Думе 27 мая 1908 г. Подробности см. в примечаниях.

²⁾ Совета министров.

³⁾ Т.-е. не уволены от должности.

9. Если это так, то нам, великим князьям, следует просить об увольнении.

10. Если государь император не признает ¹⁾ слова Гучкова верными, выход из теперешнего положения один.

11. В основу выхода из теперешнего нетерпимого положения, конечно, следует поставить сохранение царского престижа и пользу дела.

12. Оставить дело в настоящем положении немыслимо. Престиж великих князей подорван окончательно, и Россия к ним не может относиться с доверием.

13. В недалеком будущем в Гос. Думе нападки возобновятся в несравненно большей степени, с последствиями рокового характера.

14. Зимой предс. сов. гос. обороны был сделан доклад государю императору о необходимости реорганизации военного министерства и положения о совете гос. об. на основании выяснившихся недостатков за три года их деятельности.

Без этого дело идти не может.

15. Речь воен. мин. 17-го июня в Гос. Думе открывает путь к возможности соответственного выхода из теперешнего положения.

А именно — безотлагательно приступить к нужным преобразованиям, сохраняя царский престиж и с пользою для дела.

Кроме того, есть возможность доказать России неосновательность основ речи Гучкова, — не отвечая ему в Думе.

16. Речь военного министра 17-го июня в Гос. Думе произнесена с трибуны. Значит, мысль о преобразованиях военного министерства и сов. гос. об. предусмотрена уже ранее государем императором.

Следовательно, преобразования на очереди и ожидают только высочайшего указания о времени и форме осуществления.

17. Проект указа воен. мин. Главные основания ²⁾.

Предс. сов. гос. об. представил мне еще зимою доклад об усмотренных им недостатках в положении о сов. гос. об. и теперешней организации военного министерства.

Признав доклад этот отвечающим моим воззрениям на сей предмет, повелеваю приступить к реорганизации военного мини-

¹⁾ Надо читать: не признаёт.

²⁾ Далее в. к. Николай излагает проект того указа, который он предлагает Николаю II дать военному министру относительно реорганизации военного министерства и увольнения великих князей.

стерства и пересмотру положения о совете гос. об. на основании моих преподанных вам указаний.

18. Уволить в виду этого великих князей,—выразив им благодарность за их ревностную, примерную и плодотворную деятельность—с пользою для военного дела.

II.

Проект рескрипта в. к. Николаю Николаевичу, написанный им самим от имени Николая II ¹⁾.

Ваше императорское высочество.

27 октября 1905 года я вверил вам войска гвардии и петербургского военного округа.

Ваше императорское высочество высказали мне опасения о трудности совмещения этой должности с обязанностями председателя совета государственной обороны.

Сознавая основательность вашего заявления, я тем не менее повелея вам исполнить мою волю, признавая это тогда необходимым.

25 декабря 1907 года ваше императорское высочество представили мне доклад об усмотренных вами недостатках в положении о совете государственной обороны и новой организации военного министерства.

Ваш доклад совпал в моих воззрениях на этот вопрос.

Поэтому он был подвергнут мною всестороннему рассмотрению.

Теперь я повелея военному министру представить мне это дело в окончательном виде, согласно данным мною указаниям.

Высоко ценя ваше выдающееся научное и практическое знание воспитания войск, ваше понимание истинного духа военного дела, я могу ныне, в виду решенного мною пересмотра положения о совете государственной обороны и преобразования

¹⁾ 26 июля 1908 г. был дан Николаем II Николаю Николаевичу рескрипт, представляющий собою точное (лишь с тремя чисто-стилистическими поправками) воспроизведение этого, им самим написанного, текста. В конце печатного текста рескрипта значится: «На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: Сердечно вас любящий Николай. Петергоф. 26 июля 1908 г.» (см. «Правительственный Вестник», 1908 г., № от 27-го июля).

военного министерства, освободить вас от председательства советом государственной обороны и возложить на вас исключительную заботу о вверенных мною вам войсках.

Я уверен, что нынешнее примерное состояние войск гвардии и петербургского военного округа, благодаря этому, еще выяснится.

За вашу плодотворную деятельность как председателя совета государственной обороны, принесшего столько пользы, изъясляю вам мою особенную сердечную благодарность.

III ¹⁾

Ставка. 15-го октября 1914 г.

Ваше императорское величество,

Приношу несказанную мою благодарность за высококомплиментное письмо.

Все мы будем более чем счастливы приезду вашего величества.

Горячо молю бога, чтобы ко дню приезда общая обстановка порадовала вас.

Вчерашний громадный успех на фронте Ивангорода, южнее Пилицы, был неожиданным подарком господ бога.

Мы только мечтали, что XIV, XXV и гвардейские корпуса еще немного загнут свой фронт, охватывая правый (фланг) противника. Бог же помог сокрушить их на всем этом фронте и принудить к отступлению.

Я придаю этому успеху особое значение по его важности, так как он неминуемо, с помощью божьей, должен оказать влияние на германцев от Ловича-Скерпевицы — Бялобжеги, где теперь идут упорнейшие бои, в особенности от центра до левого фланга.

Из Ивангорода берем тяжелые орудия, более удобные для перевозки. Это необходимо для облегчения взятия укрепленных позиций, наличие которых несомненно.

В Восточной Пруссии германцы страшно упорны и активны. Но и мы тоже — дабы не было переброски к Млаве или Торну.

¹⁾ Это и следующее письмо относятся к тому времени, когда Николай Николаевич состоял верховным главнокомандующим.

В Галиции бои тоже очень упорны. Австрийцы очень часто идут в штыки но, слава богу, нашей контр-атаки не выдерживают.

Надеюсь, что, бог даст, вчерашний крупный успех повлияет и на галицийский театр.

Генерал-лейтенант Янушкевич¹⁾ и мой брат²⁾ приносят их верноподданную благодарность за милостивейшую память о них.

Вашего императорского величества верноподданный, чувства которого к вам словами не высказать, а, с божьей помощью, только, делом

Николай.

IV.

Ставка. 8-го февраля 1916 года.

Ваше императорское величество,

Я только что узнал, что посланник наш в Румынии Козело-Поклевский³⁾, повидимому, успел оправдать себя и возвращается на свой пост.

То, чего я так боялся, — значит, случилось.

Виновником, как кажется, является первый секретарь Арсеньев⁴⁾.

К тем данным, которые известны вашему величеству по обвинению Козело-Поклевского в государственной измене, я имею много данных, которые подтверждают это.

На основании этого не только я один, но все, знающие это дело, уверены, что пока Козело-Поклевский будет в Бухаресте, Румыния не выступит, и, кроме вреда для России, ничего не будет⁵⁾.

Мне неизвестно, как было обставлено выяснение виновности Козело-Поклевского, но из того, что до меня дошло, формального, законно обставленного расследования не было.

Только расследование, в той форме, как закон это требует, может пролить истинный свет на это дело.

¹⁾ Начальник штаба Николая Николаевича.

²⁾ В. к. Петр Николаевич.

³⁾ Собственно: Поклевский-Козелл (Станислав Альфонсович).

⁴⁾ Б. К. Арсеньев — первый секретарь русской миссии в Румынии, боровшийся с политикой Поклевского.

⁵⁾ Несмотря на эти указания Николая Николаевича, Поклевский-Козелл остался на своем посту. При нем состоялось и выступление Румынии (16-го августа 1916 г.). Подробности о подозрениях против Поклевского см. в примечаниях.

Колоссальнейшая важность полного выяснения деятельности Козело-Поклевского заставила меня взять смелость беспокоить ваше величество чтением мною излагаемого.

Я не имею возможности, в полной мере, организовать наблюдение за его деятельностью.

Положение наше на театре войны — серьезное, так как переброска сил противника на оба наши фланга, из-за массы железных дорог, идет много быстрее нашей соответственной перегруппировки. Хотя пока, слава богу, она идет нормально и без задержек.

Агентурные данные дают основание предполагать переброску 3—5 корпусов с Запада. Это, очевидно, ухудшит наше положение.

Из первого моего разговора с генералом Пэджет¹⁾ я надеюсь, получится большая польза для общего дела, и что бог поможет довершить начатое дело, согласно воле вашего величества, во славу вашу и России.

До последней капли крови верноподданный вашего величества

Николай.

V.

Дорогой Ники²⁾,

Дело касается Влади Орлова³⁾.

Официальным письмом я не имею права тебя просить, раз я получил через военного министра твою резолюцию.

Мне остается один путь, — это обращение к тебе с письмом неофициальным, и я уверен, зная твое сердце, что ты меня простишь за причиняемое беспокойство.

Влади, с твоего разрешения, произвел изыскание железной дороги от Козлова до Святого Креста. Эта дорога служит продолжением ветки, ранее им проведенной чрез его имение Воронежской губернии. Это изыскание потребовало громадных расходов, но он смело шел на этот расход, так как имел «высочайшее разрешение», что предрешало дальнейшее.

¹⁾ Английский генерал, приезжавший в ставку Николая Николаевича для военных переговоров. См. примечания.

²⁾ Это и следующие дальше письмо писаны с Кавказа, куда 23 августа 1915 г. Николай Николаевич был назначен наместником.

³⁾ В. Н. Орлов, ген.-майор свиты, был начальником походной канцелярии Николая II; с назначением Николая Николаевича на Кавказ, Орлов был вскоре сделан помощником наместника.

Правда, тогда он не занимал административного поста. Назначение состоялось во время войны, и поэтому отказываться он не имел права.

Твоя резолюция ставит его в безвыходное положение.

Отказ — есть полное его разорение, так как деньги, им затраченные, пропадают.

Если бы разорение касалось бы его одного, но весь ужас, что этим разоряется вся его семья и его единственный сын, который недавно поступил в гвардейскую конную артиллерию.

Влади будет вынужден продать свое имение; таким образом пропадет еще одно крупное дворянское имение.

Будь все это в мирное время, Влади для спасения семьи должен был бы выйти в отставку. Это безвыходное положение, безусловно, роковым образом отразится на уже сильно надорванном здоровье Влади, а я лично лишусь безусловно незаменимого во всех отношениях помощника.

Управление Кавказом — сверх-трудное, благодаря оставленному мне наследию ¹⁾.

Нужен особый подбор людей, а главное — главу, во Влади я ее имею. Теряя его — я все теряю.

Все вышесказанное дает мне нравственное право, более того — обязывает меня молить тебя разрешить Влади то, о чем ходатайствовал через военного министра.

Бывают особо исключительные обстоятельства, где одна монаршая воля может решить не по букве, а по духу.

Я твердо верю, что, ознакомившись со всеми деталями дела, ты найдешь возможным сделать исключение, более того — найдешь это справедливым.

Помоги тебе бог со славою победоносно продолжать начатую, неслыханную по размерам и важности, операцию.

Любовно, с восторгом слежу за каждым шагом. Явная помощь божья уже видна. А это все.

Хотя на Кавказском фронте и тяжело, но надеюсь, что бог поможет выдержать, пока не настанет час, когда ты признаешь возможным, по общему ходу, прислать подкрепление.

Твой горячо тебя любящий верноподданный

Годжоры.
22 июня 1916 г.

Николаша.

¹⁾ Н. Н. намекает на своего предшественника, графа И. И. Воронцова-Дашкова.

VI.

Ваше императорское величество,

Вчера поздно вечером я удостоился получить высококомитетское письмо ваше от 16-го июня. Спешу принести мою глубочайшую благодарность.

Я очень счастлив, что ваше величество изволили одобрить, что я допес вашему величеству о краевом совещании, собранном мною для получения материала для выработки законопроекта о введении земства в Закавказье ¹⁾.

Согласно воле вашего величества, буду иметь счастье и впредь докладывать все важнейшие вопросы по Кавказу.

Вашему величеству благоугодно было выразить свое удовольствие, что я принялся за реорганизацию тыла армии.

По этому вопросу докладываю. С первых дней, по моем приезде на Кавказ, мне стало ясно, что вопрос тыла армии и снабжения поставлен безобразно.

Увы, обстановка, люди работающие, закорючлые взгляды, противодействие командующего армией генерала Юденича ²⁾, который находил существовавший порядок наилучшим, при всей затраченной мною энергии и настойчивости потребовали 9-ти месяцев, дабы все это побороть и наладить по-новому. Сделай я это в более короткий срок, сломив все, — это отразилось бы на нравственном элементе и повредило бы оперативным вопросам. Произошел бы конфликт с генералом Юденичем. Я стремился его убедить и достиг этого.

У генерала Юденича много достоинств, превышающих его недостатки, и поэтому я им дорожу.

Вся наша беда по снабжению армии — это качество дорог и невероятные трудности их улучшить.

Местность — горная, трудная, недостаток рабочих, трудность подвоза материалов — в виду одной железной дороги, которая должна обслуживать не только армию, но и все Закавказье.

С дня, буквально, моего приезда на Кавказ, я сделал все возможное для поднятия провозоспособности Закавказской железной дороги.

¹⁾ См. примечания.

²⁾ Тот самый, который был в 1919 г. вождем белогвардейского похода на Петроград.

В день моего приезда она давала 7 пар поездов, теперь — 15 пар.

Громадное влияние на питание армии и край имеет Владикавказская железная дорога.

Она была подчинена мне, затем была изъята — с этого момента, как я и докладывал, предвидя, пошел хаос. Ваше величество, я не жалуюсь, но докладываю только, чтобы вы знали.

Когда министр путей сообщения ¹⁾ был в Тифлисе, я ему все высказал по вопросу железнодорожному. Он мне сказал, что все мои приказания дорогой будут исполняться, и просит меня ему только сообщить, если что-либо будет неладно.

На-днях, после посланной телеграммы о том, что Владикавказская железная дорога, несмотря на все требования, не подает грузов, он ответил, что дорога подчинена мне. — Совершенно неожиданный ответ...

Очевидно, я моментально принял драконовские меры, и дело налаживается и, надеюсь, пойдет гладко.

Очень прошу ваше величество об сем не говорить министру, так как считаю вопрос ликвидированным.

Докладываю только, что Владикавказская железная дорога должна обязательно быть подчинена мне. Опыт это ясно доказал.

В смысле продовольствия, магазины оказались пусты, и армии грозил голод.

Очевидно, и интендант виноват. Вина его главная во всем. О смеле его я уже ходатайствовал.

Итак, вопрос продовольственный и дорожный связывает армию по рукам и ногам и не дает мне возможности активно действовать.

Активность, нас учили, залог успеха, а с турками это имеет еще большее значение.

Мысль вашего величества о важности активных действий, особенно как начало, Приморского отряда мною была как бы предугадана. Но, увы, время упущено.

Прибывшие части не имели обоза, пулеметов, приспособленных к горной местности. Снабжение их всем этим взяло много времени. Горной артиллерии не имеют, а одна дивизия пришла без артиллерии. В результате турки нас предупредили и теснят превосходными силами.

¹⁾ А. Ф. Трепов.

Для парирования этого Туркестанский корпус перешел в наступление, но пока это не влияет на турок, атакующих по направлению на Оф.

Вообще, пока действиями Приморского отряда я не доволен, и пластунами особенно — сейчас послал генералу Юденичу соответствующую телеграмму.

В виду потери нами времени и создавшейся обстановки, для развития активных действий Приморского отряда необходимо его подкрепить минимально корпусом. Понимаю, что при создавшейся обстановке общей — теперь это невозможно.

Правильная организация снабжения продовольствием Трапезунда базы и развитие ее флотом, при соответственной охране, крайне важна.

Равно необходима доставка продовольствия из Новороссийска в Потти и Батум для края, дабы облегчить Владикавказскую железную дорогу.

Но роль флота этим не ограничивается — необходима правильная доставка грузов для постройки железной дороги по берегу, от Батума до Трапезунда.

Этой дороге я придаю во всех отношениях сверхважное значение.

Надеюсь на обещанную помощь вашего величества в этих вопросах. Прошу меня простить, что утруждаю внимание вашего величества чтением столь длинного письма.

Прошу передать Алексею ¹⁾ мою искреннейшую благодарность за поклон, плю ему мой сердечный привет.

Вся моя семья просит принять душевную благодарность за привет и просит принять таковой же.

С чувством горячей любви и беззаветной вернопреданности есмь, верноподданный вашего величества

Николай.

Годжоры
24 июня 1916 г.

VII.

Тифлис.
17 октября 1916 г.

Дорогой Ники,

Прими мою сердечную благодарность за письмо, которое передал мне Борис ²⁾, от 2-го октября.

¹⁾ Сыну Николая II.

²⁾ В. к. Борис Владимирович.

Несмотря на то, что ты обременен делами, я счел своим долгом в кратком отчете доложить тебе дела Кавказа за первый год.

Чтение займет не более 25 минут.

Я очень счастлив результатом того, что ты нашел возможным исполнить мою просьбу относительно мусульман¹⁾.

Все в восторге. И все-таки я надеюсь получить добровольно до 80.000 мусульман для работ.

Что касается воинской повинности, то доложу лично — в твоей ставке.

Судя по сообщениям твоего штаба и газетам, бои за лето и осень — более чем упорные и, очевидно, вызвали большие потери.

Известие о качестве румын меня не удивило — остались, как были в 1877-78 году.

Без перемешивания с нашими на них надежда плохая.

У нас пока затишье. Турки выдохлись, и мы тоже. Мы — главное от недоедания. Отсутствие полное дорог, местность страшно гористая.

В среднем солдат получает от 1¹/₂ до 2¹/₄ фунта хлеба. Мясо тоже надо берегать.

Перевозки флота как будто налаживаются.

Подробно доложу лично, и именно тебе, так как ты один, который можешь это понять и помочь делу.

Но, повторяю, необходим мой личный тебе доклад.

Больше не буду отнимать твоего времени чтением моих строк.

Радуюсь, бог даст, скоро тебя увидеть.

Надеюсь приехать 7-го ноября.

От всего сердца и души любящий тебя твой верноподданный

Николаша.

¹⁾ Говорится об отмене призыва мусульманского населения для нужд армии. См. примечания.

Письмо в. к. Милицы Николаевны.

Дорогой Ники,

Николаша ¹⁾ передал мне следующее: «Государю угодно, чтобы ты ему написала, как ты находишь: желательно ли, чтобы разграничение между Черногориею и Сербиею было сделано Россиею? Второе: чтобы ты указала границы Черногории».

Мое личное, весьма определенное, мнение не могло бы, конечно, иметь значения, если бы не совпадало с мнением моего отца ²⁾, а его взгляды на оба эти вопроса мне вполне известны.

Мой отец, безусловно полагаясь на то, что России будут понятны ниже изложенные пожелания Черногории в смысле будущих границ, всей душой приветствовал бы разграничение Россиею между Черногориею и Сербией.

Эти желания Черногории оправдываются, во-первых, историей, неисчислимыми жертвами людей, веками боровшихся в защиту креста и угнетенных братьев, а затем и небольшими экономическими выгодами, которых Черногория вполне заслужила.

Пятьсот лет свободная Черногория поддерживала священный огонь православия и надежду на освобождение в других балканских странах, дождавшихся его только в течение прошлого столетия и с тех пор достигнувших значительного развития и процветания. Одна Черногория, окруженная железным кольцом Австрией, томилась в безвыходном положении. Но вот пробил час воли божией!

Я особенно счастлива буду, если над моею дорогой родиной засияет новая, светлая заря, по воле России..... по воле твоей...

В 1711 г. Петр Великий, окруженный турками на Пруте, призвал на помощь Черногорию; два года спустя, в другой, благодарственной грамоте моему предку, владыке - господарю Даниилу I, он говорит: «Вы по нашему желанию, ради единоверия и единоязычия с нами, вооружились всенародно. Не можем мы, по достоинству и по заслугам вашим, за показанное нам

¹⁾ В. к. Николай Николаевич.

²⁾ Король черногорский Николай.

вспомоществование возблагодарить и награждение учинить. Наша царская милость к вам и впредь никогда отъемлема не будет».

Дай бог Черногории, чтобы благородные слова великого царя оправдались в твоём решении.

2) По вопросу о новых, желательных границах я боюсь утруждать тебя сухим перечнем рек, деревень и горных кряжей, потому назову их только в общих чертах—Черногория получила бы: Герцеговину, с той частью Адриатического моря, которая ей (Герцеговине) принадлежит; затем южнее—часть Далмации до Антивари, острова (с Рагузой и Катаро). На северо-востоке—ту небольшую полосу южной Боснии, которую черногорцы осенью заняли собственными силами, без участия сербов; здесь много легло людей...

На юге—от устьев Дрина—весь правый берег его до черногорско-сербской границы южнее Дьяковицы. (Конечно, все, что к северу от Дрина, г. Скутари, озеро). — Это границы — в случае раздела Боснии, Герцеговины, Далмации и части Албании.

Если же в раздел войдут Хорватия, Славония и Сирмия,—то, конечно, часть, отходящая Черногории, должна будет увеличиться; определение этих новых границ у меня подробно имеется.

Прости за эти длинные страницы — знаю, как каждая минута дорога. Особенно думала о тебе в радостный день слачи Перемышля; этот трепет души, чувство бесконечной благодарности к богу и родным воинам мне так знакомо, так близко...

Дай бог тебе еще таких радостей!

Всею душою любящая тебя
и верноподданная

Милица ¹⁾

Киев. 5 апреля 1915 г.

¹⁾ Относительно этого письма см. примечания.

Письма в. к. Дмитрия Павловича ¹⁾.

1.

Дорогой дядя ²⁾,

6 августа 1909 г.
Stenkammar.

Я позволил себе побеспокоить тебя письмом, чтобы спросить, можно ли мне приехать с моей сестрой ³⁾ к вам в Петергоф.

Мария получила приглашение приехать к 15-му августа.

Из Швеции мы думаем выехать 8-го и прямо в Москву к тете ⁴⁾ (богу с ней молиться в монастыре). Там пробудем дня четыре, а потом, если позволишь, к вам и я приеду.

Мне только раз удалось видеть здесь короля и королеву. Это было 7-го августа нового стиля, по случаю дня рождения ее величества.

Этот день был проведен в Стокгольме, а не в Тульгартене, так как король из-за забастовок и предполагаемых беспорядков не мог выехать из столицы.

В городе уже почти все начали работать, хотя фабрики еще бастуют. Все шведы страшно перепугались, когда началась забастовка, и усердно забили тревогу, но все-таки решительных мер бояться принимать ⁵⁾.

Время в Стенкаммаре прошло довольно скоро. Было «уютно и мило». Погода вначале не баловала, много дожди было, но теперь установилась хорошая.

А теперь, чтобы не походить на тетю Еллу ⁶⁾, надо кончить письмо, прости за беспокойство.

Целую ручки тети Аликс. Мой сердечный привет.

Твой Дмитрий.

«Дядя, дай мне черные штаны ⁷⁾».

¹⁾ Исправляем, при печатании, многочисленные орфографические ошибки автора писем.

²⁾ Дмитрий Романов (ему в это время было 18 лет) всегда так обращается к Николаю II, хотя последний приходился ему не дядей, а двоюродным братом.

³⁾ В. к. Мария Павловна младшая.

⁴⁾ В. к. Елизавета Федоровна, вдова в. к. Сергея Александровича, родная сестра жены Николая II.

⁵⁾ Так в подлиннике.

⁶⁾ В. к. Елизавета Федоровна.

⁷⁾ Что это означает — неизвестно.

II.

Дорогой дядя,

Петербург. 1909 г.
3 декабря.

Позволь мне принести тебе мое самое сердечное поздравление к 6-му. Так жалко, что вы не в Царском, можно было бы лично мне тебя поздравить.

В Петербурге время проходит страшно быстро, но все же зима не может пройти без какой-либо смерти — похоронили бедного Жоржа Мекленбургского ¹⁾. Больше не будет он мне на выходах говорить: «Храни тебя бог, душко».

Занятий у меня страшное количество, весь день ими пахиваю, но, конечно, нечего и говорить, что занятия в милой офицерской школе, — одно удовольствие ²⁾. Офицеры на курсе все очень симпатичные; есть, конечно, между ними и похуже, но таких очень мало.

Скоро юбилей школы, и я хотел просить у тебя разрешения, при свидании, позволить мне принимать участие в торжествах, как офицер, проходящий там курс.

Если это возможно, мне было бы страшно приятно.

Жизнь в Петербурге в этом году гораздо спокойнее (я говорю относительно всей досточтимой семьи графини Гогенфельзен) ³⁾, довольно редко видимся и во всяком случае я от этого не страдаю.

А теперь, чтобы не походить на тетю ⁴⁾, которая так любит писать фолианты, позволь мне откланяться. Сердечный привет ее величеству.

Твой Дмитрий.

III.

Дорогой мой дядя.

Петербург. 1910 г.
3 октября.

Прости меня, что я так давно не писал вам, но теперь времени очень мало, так как занятия уже вошли в зимнюю колею.

¹⁾ Герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий.

²⁾ Дмитрий Романов проходил в это время курс учения в офицерской кавалерийской школе.

³⁾ Морганатическая жена отца Дмитрия Романова, Павла Александровича.

⁴⁾ В. к. Елизавета Федоровна.

Последний раз я тебя и тетю видел в Петергофе 9 июня перед вашим отъездом в Балтийский Порт. Я тогда переехал в Красное и там наслаждался. Мне страшно там понравилось, служба в эскадроне меня интересовала, потом у меня еще были полевые поездки с моим профессором тактики, полк. Беляевым. Тут еще (что я тебе и писал) т. Михен¹⁾ (столб семейства) ко мне была страшно милостива. Она, вероятно, старалась доказать, что в Царском Селе и без вас может быть хорошо, если только пожить с ней, но это ей плохо удавалось. Мне каждый раз как-то грустно становилось, проезжая с Кириллом²⁾ или с т. Михен мимо Александровского дворца.

Да! в Красном было очень мило, и только я вошел во вкус, только я привык к офицерам и нижним чинам эскадрона и уже радовался с ними быть на большом параде, как получается телеграмма от папа, что мне — немедленно выезжать к нему в Баварию. Ты можешь себе представить, как я обрадовался! Оказалось потом, что нашлись добрые люди, написавшие папа, что у меня портится здоровье, что у меня почти чахотка, — ну, конечно, папа и перепугался, но меня в ту минуту боязнь эта совершенно не тронула!

Скрепя сердце, я должен был покинуть Красное, ту дивную погоду, которая тогда установилась, и переменить все это на Баварию, с поганой погодой и почти такой же поганой жизнью. Жили мы там в гостинице под именем Steinmetz Hotel, первого класса, но этого первого класса мало было: комнаты темные, сырые, и настроение в них у меня падало страшно. Ко всему тому погода была чертовская, холод собачий, и дождь каждый день.

Пробыв в этом раю пять недель, я уехал в Швецию. Надо, конечно, тебе сказать, что в конце пребывания в Г...³⁾ приехала т. Мари⁴⁾ с дочерьми и тогда стало лучше, так как мы очень часто ездили в моторах, делали большие прогулки и много красивых мест видали, гораздо больше, чем если бы я оставался только у папа. Он не любил ходить по горам, днем спал, а вечером читал вслух!

¹⁾ Тетя Михен — в. к. Мария Павловна старшая, вдова в. к. Владимира Александровича.

²⁾ Сын Марии Павловны — Кирилл Владимирович.

³⁾ Неразборчиво.

⁴⁾ В. к. Мария Александровна, дочь Александра II, жена великого герцога Саксен-Кобург-Готского.

У Марии ¹⁾ было прелестно. Я откровенно скажу, что не ожидал этого, так как прошлые годы было очень так себе, но, повторяю, теперь в Stenkammar'e было чудно. Погода дивная, много на охоту ходили. Я даже был приглашен королем на его лосиную охоту; было замечательно приятно: хотя я ничего не убил, но лосей было множество. За два дня убито было 11 штук. Его величество Le Roi был страшно любезен и, видя, что мне адски не везет, ставил меня на свои номера (очень, очень любезно).

Кроме того, мы часто из Стенкаммара ездили на балы и вечера, у нас бывал народ, и в конце концов время прошло так быстро и приятно, что две недели, что я там прожил, прошли, как один день.

В Петербург я вернулся 5-го сентября и почти сразу начал занятия. Мало куда езжу, так как никого нет еще в Петербурге, только в театры.

С огромным нетерпением жду вашего приезда, чтобы сделать «клопс-штос желтого в середине».

Может быть, в конце октября проеду в Москву и, между прочим, мне хотелось на этот счет с тобою поговорить. Дело в том, что в Москве стоят теперь мои фанагорийцы ²⁾. Как мне быть? Вероятно, они захотят меня у себя видеть. Как ты прикажешь? В этом году к ним поехать или отложить под благовидным предлогом мое к ним посещение до будущего года, до моего совершеннолетия? Потому что, если ехать к ним, то придется это сделать официально. Если ты думаешь, что отложить мой визит фанагорийцам до 1911 года, я могу ограничиться приемом командира полка, когда я буду в Москве.

Теперь пора кончать! Прости, если наскучил столь длинным посланием. Передай тете мою искреннюю любовь. Дай бог, чтобы ей Friedberg принес бы пользу. Я так надеюсь, что она вернется к нам совсем крепкой.

Крепко обнимаю тебя и детей.

Твой Дмитрий.

¹⁾ В. к. Мария Павловна, жена принца шведского Вильгельма, сестра автора письма.

²⁾ 11-й гренадерский фанагорийский полк, шефом которого был в. к. Дмитрий Павлович.

IV.

Дорогой дядя,

Петербург. 1910 г.
21-го октября.

Я страшно, страшно благодарен тебе за твое милое письмо. Я был так доволен его получить, что почтил его вставанием. И во все время его чтения почтительно стоял, согнувшись пополам.

Ужасно я рад, что вы приезжаете сюда, уж очень хочется вас видеть. Тут по Петербургу ходят слухи, что в этом году будут придворные балы, я надеюсь, что это неправда! А если правда, то я себя уже вижу в вихре вальса с Зизишкой Нарышкиной. Какая чудная пара!

Здесь полная зима, мороз и много снега, и веселье петербуржцы уже катаются в сани. Бедные, они думают, что зима уже стала, но нет! Скоро будет тепло, и улицы будут клоаки!

Воображаю шляпу, которую моя сестра напялила себе на свою породистую голову, метра два в диаметре. Вот красота!

В школе занятия начались, но они значительно легче, чем в прошлом году. Опять в манежах слышится: «прямо, оглад—левый руки приед». Как знакомы эти звуки, как много они говорят сердцу!

Много новых офицеров на курсе, и самый милый из поступивших—это Петровский, твой кирасир. Страшно важное чувство обуревают мной при мысли, что я на младшем курсе больше не состою, а нахожусь на старшем.

Офицеры говорят, что у них хвосты отпали, которые были на младшем курсе, и теперь там только струн, а офицеров младшего курса называют хвостастыми зверями!

Еще раз благодарю за письмо. Над твоим я много посмеялся, но все-таки из почтения пустил свой смех на букву э: хэ, хэ, хэ, а не ха, ха, ха!

Почтительно прикладываюсь к руке ее величества.

Твой Дмитрий.

V.

Дорогой дядя,

Париж. 1911 г.
28-го сентября.

Я вчера получил вашу милую телеграмму с поздравлением на мои именины. Она пошла в Петербург, где служащие конторы

не нашли ничего лучшего, как переслать ее мне по почте — заказным письмом. Вчера я ответ послал телеграммой, но думая, что тетя, конечно, будет немножко удивлена моей опоздалой благодарностью, я решил тебе написать.

Странно мне как-то думать, что вы, живя в Ливадии, обитаете новый, совершенно мне незнакомый дом. Очень надеюсь, что он пришелся вам по вкусу.

Как здоровье «Аликс»? Дай бог, что погода и солнце ей будут в пользу и в помощь.

В Париже «все обстоит благополучно». Папа в хорошем настроении и его супруга так же. Хотя оба они не совсем здоровы. Погода чудная, хотя очень холодно — сравнительно, конечно.

Уеду я из Парижа, вероятно, числа 8-го или 12-го октября и прямо в Петербург, в полк, чтобы опять начать верой и правдой служить.

Вероятно, я захвачу здесь Марию ¹⁾ с мужем, которые будут здесь 8-го или 7-го на пути в Стам.

Время здесь быстро проходит, часто бываю в театрах. Видел много смешных пьес и гоготал вволю. Но только штатское платье уже надоело. Каждое утро надо думать о рубашках, чулках, костюмах и вообще заниматься полудамским делом. Скорее бы опять милый вид-мундир одеть.

Жалко мне страшно, дорогой дядя, что я не увижу ваш дом в Ливадии, не буду, как три года тому назад, окунать свое белое тело в морские волны и не буду играть в кости с тобою, дразня жилика и своего противника.

Как ты живешь, что делаешь?

Ах вот, дорогой дядя, я много о вас думал в тяжелое время вашего пребывания в Киеве. Хотел написать, да думал, что и без меня писем было достаточно. Воображаю, бедная тетя, ей это не послужило к улучшению.

Ну, а за сим крепко обнимаю тебя, ручки тети покрываю сладострастными поцелуями и прошу ее не забывать своего «сына».

Всем сердцем и душой тебе преданный

Дмитрий.

¹⁾ Его сестру.

VI.

Петербург. 1911 г.
16-го октября.

Дорогой мой дядя,

Как я обрадовался твоему письму, ты и представить не можешь. Даже мой камердинер заметил это и, взглянув на меня голодным глазом, спросил: «не случилось ли чего?»

Прочитав письмо твое, у меня на душе стало так приятно. Чем-то родным и дорогим повеяло от него, и как-то одну минуточку я, действительно, говорил с тобой. Все-таки, дядя, здорово давно я не видел тебя и очень мне бы хотелось это сделать.

Три дня, как я приехал из Парижа, где время прошло удивительно хорошо. Только папа в начале моего пребывания был довольно кисло настроен, но это и понятно, так как ему сильно нездоровилось. Что-то в кишках! Но потом папа стал опять очень весел и приятен.

Как только я приехал в Петербург, сейчас же попал на панихиды по бедному Струкову. Сегодня я был по наряду от полка, мы возлагали венок на гроб. Хоронить, вероятно, нам не придется, так как придет для этого весь Уланский полк. (Для этого случая, я думаю, будет хорошо, если и я одену уланскую форму — она уже мной заказана.) Это все, конечно, я так сказал, между прочим: оно и без того понятно и логично.

Жалко мне очень Струкова. Хороший и симпатичный был человек он. Такой всегда бодрый и на вид здоровый.

Столица твоя, т.-е. чтобы совершенно точно выразиться — моя столица, нас погодой не балует. Такое г...вно, что прямо ужас. Грязно, холодно. Это в особенности мне заметно после Парижа, где было 14 градусов по утрам, и солнце дуло прямо из всех сил.

Ну, а засим крепко обнимаю мою незаконную мать¹⁾ (виноват, я незаконный сын, а не она незаконная мать). Мокро амбрасирую²⁾ детей. Тебя же заключаю не без некоторого уважения в свои объятия. Твой всем сердцем и душою и телом, конечно кроме жопы, преданный

Дмитрий.

¹⁾ Жену Николая П. Александру Федоровну.

²⁾ От слова embrasser — целовать.

Петербург. 1911 г.
26-го октября.

Дорогой мой дядя,

Ты, вероятно, совершенно не ожидаешь, по какой причине я взялся за перо, чтобы написать тебе это письмо. И, действительно, дело, из-за которого я решился тебя беспокоить, такое невероятное, что и мне самому странно про него писать.

Дело в том, дядя, что я умоляю у тебя разрешения позволить мне поехать на театр войны Италии с Турцией.

Давно уже, с самого начала военных действий, я хотел обратиться к тебе с этой просьбой, но, думая, что война скоро прекратится и что вообще она будет носить характер скорее военной экспедиции, чем настоящей войны, я не решился тебе написать. Но, повидимому, война разгорается, и слишком скорой развязки еще ожидать нельзя.

Это единственный, может быть, случай, дорогой дядя, который позволит смотреть на войну, так сказать, со стороны. Как ты и сам знаешь, я прошел почти академический курс тактики, стратегии, фортификации и административной, и было бы удивительно поучительно сравнить теорию с практикой. Со стороны Италии применяются все последние новости по военному делу. Аэропланы, например, сослужили большую службу уже!

Мне страшно хотелось бы, если, конечно, возможно, поехать туда на сторону итальянцев: ведь, были же иностранные принцы на нашей стороне в русско-японскую войну.

Мне хочется больше узнать, ближе и действительно практически познакомиться с военным делом и, повторяю, такой случай вряд ли опять подвернется.

Работа в манеже, обучение молодых солдат и лошадей — это интересно, но, понятно, нельзя сравнить это все с таким примером и уроком, как война.

Я еще в Париже говорил с папа про то, что я хочу просить у тебя разрешения отправиться в Италию, и, с его стороны — препятствий нет. Полковое начальство тоже меня отпустит.

Дядя, я умоляю тебя, подумай над моей просьбой и, может быть, ты и разрешишь мне исполнить мое желание. Крепко целую тебя, «мамашу мою» и детей.

Твой всем сердцем преданный

Дмитрий.

VIII.

С.-Петербург. 1911 г.
17-го ноября.

Дорогой дядя,

Страшно благодарю тебя за твое милое письмо и за то, что ты так хорошо отнесся к моей просьбе. Конечно, мне было бы приятней, если бы я получил утвердительный ответ на мою просьбу, но на нет—суда нет. Буду и здесь стараться работать. Буду всеми силами стараться принести посильную помощь общему делу!

Начинаем теперь получать новобранцев, хотя занятий пока с ними еще не производят. Они еще присматриваются только и двигаются по казармам еще неуверенно и с большим штатским видом.

Часто в газетах читаю про то, что ты в Ливадии делаешь. И признаюсь, мне каждый раз жалко делается, думая, что меня там нет с вами. Как танцевальные вечера? Это был бы чудный случай для меня схватить Зизишку за бока и помчаться с ней, или, например, сладострастно прижимать баронессу Фредерикс и танцевать с ней, забывая все кругом! Хи! хи! хи!

В Петербурге вечеров еще, слава богу, нет и, надеюсь, долго еще не будет. Ненавижу такие модные вечера. Входишь, обалдеваешь, все кажутся незнакомыми. Барышням руку целуешь, на замужних дам не смотришь. Ах! это ужасно, а на следующий день визиты. Чорт их возьми!

Погода здесь хорошая. Два, три градуса мороза, ясное небо, солнце, но без снега, хотя я лично думаю, что он все-таки появится (снег).

До меня доходят слухи, что мамаша моя (Аликс!) плохо ведет себя. Плохо в смысле здоровья. Это нехорошо. Скажи ей, что я очень этим недоволен. Пускай она меня или бедного чиновника почтового вспомнит, и, может быть, тогда ей лучше станет.

Ну, а засим крепко обнимаю тебя.

Сладострастно иду губами того же у тети, а детей покрываю сочными, не чистоплотными поделуями (пускай оботрутсЯ).

Твой Дмитрий.

Париж, 1913 г.
18-го ноября ст. ст.

Дорогой дядя,

Вероятно, тебе странно покажется, что я вдруг пишу тебе, но, прочтя мое письмо до конца, ты увидишь, в чем дело. Мой отпуск кончается через две недели, но, вероятно, я уеду в Петербург раньше этого срока, а именно около 23-го и 24-го ноября.

Приехал я сюда, чтобы пожить спокойно, но вышло несколько иначе. Вся эта печальная история с моей сестрою очень нас всех здесь огорчила и обеспокоила, так это все было скоро и, скажу даже—неожиданно ¹⁾.

Мне в письме не хотелось бы много говорить об этом, да ты и знаешь почти все из тех писем, которые тебе посылали, и, если не ошибаюсь, со слов Сазонова, который был в Крыму.

Я должен был уехать из Парижа раньше двумя неделями, но счел необходимым подождать в Париже, пока папа не узнает что-либо по делу Марии. Теперь же все, что мы хотели узнать—мы знаем, и я перехожу к тому вопросу, который и побудил меня тебя побеспокоить этим письмом. Нельзя ли мне было бы приехать на одну—две недели к вам в Крым, по моем возвращении в Петербург. Мне так приятно было бы вас видеть, да и с тобою хотелось бы страшно поговорить. Ты так всегда мило и ласково меня выслушивал.

Если мой приезд в Ливадию была бы вещь возможная, то я мог бы быть у вас около 6-го—10-го декабря.

Если ты будешь так добр мне ответить на мое письмо телеграммой или письмом, то пиши прямо в Петербург.

Время в Париже прошло довольно быстро, по все же хочется опять обратно в Россию. Что здесь тяжело, это то, что очень мало дела. Конечно, после службы в полку, приятно провести 3-4 недели барином, но потом тянет опять в полк и к своей работе. Я тут много выезжаю. Общество ко мне очень мило и приглашений много.

Я здесь нашел хороших лошадей и почти каждое утро езжу верхом. Головоломных вещей не произвожу и прямо скажу—меня тянет опять к своим лошадям, чтобы прыгать.

¹⁾ Сестра Дмитрия, Мария Павловна, сбежала от своего мужа, принца шведского Вильгельма.

Погода удивительная. Бывают совершенно летние дни. Солнце, и так тепло, что в пальто жарко гулять.

Ну, а засим прости меня за беспокойство. Крепко целую ручки ее величества и трогательно лобызая детей. Всем сердцем и душой тебе преданный

Дмитрий.

Много думал о тебе, когда узнал о смерти Дедюлина ¹⁾. Вечная ему память!

Х.

Палермо. 1914 г., 19-го марта.

Дорогой мой дядя,

Удивительно, правда, что я вдруг решился написать тебе, ты ведь знаешь всю любовь мою к такого рода спорту. Но, живя так страшно далеко от друзей и близких, хочется иногда поговорить, поделиться мыслями. Так как я теперь нахожусь в полной невозможности приехать с поездом 7.20 к обеду к вам в Царское, я и задумал написать тебе, дорогой мой, и написать не просто глупую «cartolina postale», а прямо письмо.

Конечно, тебе от такого моего решения хуже, так как карточка читается в одну минуту, а письмо, да еще написанное мною — требует много работы и хороший глаз. Но ничего. Возьми это послание с собою, когда пойдешь срать. Время будет досужее, и в крайнем случае можно им и потереться (соедини приятное с полезным).

Остановился я в Palermo, хотя доктор говорил, что надо жить в Тауер-Минне, но там, по словам папа, долго жить невымыслимо. Прогулок нет, сад маленький. Так как главное мне было для здоровья — тепло и солнце, то я направился в Сицилию, где думаю остаться еще недели две или три.

Из Петербурга я попал в Париж, где остался пять дней. Чувствовал я себя так слабо, что о вечерах и праздниках нечего было и думать. Папа и графиню ²⁾ я нашел в хорошем здравии; оба сильно заняты переездом в Царское, который, по их проектам, должен совершиться в конце апреля нашего стиля.

¹⁾ Дворцовый комендант.

²⁾ Графиня Гогенфельзен.

Из Парижа я проехал прямо в Palermo, где остановился в хорошей гостинице, вне города, вне городской пыли и шума. Стоит она над самым морем, террасы опускаются на скалы и, гуляя по ним, можно слышать мягкий и ласкающий шум волн. В день моего приезда погода была плохая, шел дождь и феноменальный ветер. Потом погода стала чудная, ветер продолжался дня три-четыре, и теперь стало чудесно. Я положительно оживаю с каждым днем, уже загорел, и кашель почти прошел. Воздух такой дивный. Чтобы доказать наглядно, какой здесь живительный воздух, достаточно сказать, что месяц тому назад приехала сюда одна англичанка. Она была совершенно больна нервами и так слаба, что почти не могла стоять на ногах. Теперь она играет в теннис, танцует и гуляет, сколько влезет.

Первую неделю я скучал безумно. Хотя со мною милейший мой генерал Лайминг ¹⁾, который трогательно за мной ходит. Дня четыре тому назад приехали сюда «граф» и «графиня» Коковцовы ²⁾. Такова уж моя участь — должен всегда встретиться с Коковцовым. Мы с ними делали многие интересные прогулки, смотрели интересные вещи. Сегодня мы учинили большую прогулку на автомобиле. Поехали смотреть развалины старого греческого храма и театра V века по Р. Х. И вот, идя пешком, я вдруг так страшно ясно вспомнил наши прогулки с тобою, пожалел, что ты всех этих картин не знаешь, и захотелось мне с тобою поговорить и потолковать; единственный, к сожалению, способ это сделать — писать. И я тогда решил немного наплевать на твоё время и затруднить тебя этим длинным и, может быть, скучным письмом. Уж прости меня.

Да, здоровье мое теперь, слава богу, лучше! Что главное приятно — это, что не только физическое здоровье улучшается, но и нравственное тоже. Во время моего пребывания в Петербурге у меня страшно упало именно это нравственное здоровье. Я стал раздражителен и глуп. Потерял самого себя из собственной команды — это очень неприятно. Теперь je me retrouve.

Скучно тебе все это читать — я это понимаю, но понимаю также, что тебе это не совсем безразлично.

Мне хочется поговорить с тобою, и вот, не думая о том, что я буду писать, я просто как бы говорю с тобой, видя тебя перед

¹⁾ «Состоял» при в. к. Дмитрие, исполняя обязанности няньки и лакея.

²⁾ В. Н. Коковцов незадолго до этого получил графский титул.

собою в твоём кабинете в Царском, под висючей лампой. Повторяю, что мне приятно писать тебе, дорогой мой, потому что я знаю и чувствую, что ты понимаешь меня. В Булонь ¹⁾ я посылаю de temps en temps сухой отчет о здоровье и баста.....?!

Весьма снательный Коковдов имеет довольно бодрый вид и, как я уже сказал, он много смотрит.

Публика здесь скучная. Одна морда хуже другой. Чорт знает, что такое. И между всей этой дряни живет одна пара профессиональных танцоров, дающих сеансы каждый день во время чая, и французская кокотка, которая, вероятно, ищет покровителя. На бесптичь и жопа соловей — говорят.

Имеется здесь большой и очень хороший театр — опера. Поют замечательно хорошо. Я дня два-три тому назад был на спектакле и мне очень понравилось.

Ну, а как у вас? Как встреча принца румынского и Missy ²⁾? Как здоровье ее величества? Скажи ей, что я часто думаю о ней, что часто, обливаясь слезами бессильной и непушной страсти, обнимаю свою подушку, думая о ней. Джон мальчишка и щенок по сравнению со мною. Как Алексей и дети? Обними Ольгу ³⁾ и дочерей от меня пожалуйста.

Ну, а теперь пора мне это маленькое письмо кончить. Прости, родной, если я тебе надоел. Крепко обнимаю.

Твой искренно и глубоко преданный тебе

Дмитрий.

PS. Мария ⁴⁾ теперь в Афинах. Известий от нее не имею с самого того дня, что она уехала из Петербурга.

XI.

24-го декабря 1914 г.
Петроград.

Дядя, дорогой мой,

Хочу тебе написать два слова. Во-первых, от всей души тебя поздравляю с праздником и с наступающим новым годом. Дай тебе бог всякого счастья.

¹⁾ К отцу, там проживавшему.

²⁾ Мария — жена румынского наследного принца.

³⁾ Старшая дочь Николая II, в 1912 г. помолвленная с автором письма; потом предполагавшийся брак расстроился.

⁴⁾ В. к. Мария Павловна, сестра Дмитрия.

Хотел я явиться к тебе и даже спросил, когда могу к вам приехать, но тогда это оказалось невозможно, а вчера я был у своего отца, где и узнал, что ты нездоров.

Если состояние твоего здоровья позволит мне как-нибудь к вам приехать в Царское, я был бы очень доволен.

Дело в том, что мне так хотелось бы тебя и тетю увидеть перед своим отъездом в Москву. Я приблизительно назначил себе день отбытия на 26-е декабря. Но, если в этот или в следующий день тебе угодно будет меня вызвать — я с легкостью могу отложить свой отъезд на два-три дня.

Здоровье мое ничего себе, но не могу сказать, что совершенно удовлетворительно. Доктора возлагают большие надежды на мое пребывание в Москве, или точнее в «Усове». Гонят меня туда недель, вероятно, на шесть, после чего надеюсь быть совершенно здоровым и вернуться к службе.

Ну, а за сим крепко тебя обнимаю. Искренно и глубоко преданный тебе

Дмитрий.

Письма в. к. Павла Александровича.

I.

Париж. 24-го февраля 1903 г.

Дорогой Ники,

Пользуюсь очередным курьером, чтобы написать тебе несколько слов. Мне хочется сказать тебе, с каким теплым, отрадным чувством я уехал после свидания с тобой и семьей. Сознание, что ты более на меня не сердись, что ты понял меня и простил, что ты сам мне сказал, что я поступил честно — это чудное чувство, и на сердце у меня так легко! Если может быть какое-нибудь утешение в ужасной кончине дорогого Сергея ¹⁾, то это мысль, что его смерть дала мне твое прощение.

Милый, дорогой Ники, я ни минуты, несмотря на все, не переставал быть тебе преданным, а теперь, более чем когда-либо, повторяю, что я твой всем моим сердцем.

Крепко, крепко тебя обнимаю, целую ручки Аликс и мама. Храни вас всех господь на всех путях ваших!

Твой верный

Павел.

¹⁾ Брат автора письма, в. к. Сергей Александрович, на похороны которого П. А. приезжал из-за границы.

II.

Париж. 12-го апреля 1905 г.

Дорогой Ники,

Сейчас получил телеграмму от Алексея ¹⁾, где он говорит, что тебе угодно, чтобы я приехал один. Я ошеломлен этим, так как ты сам разрешил мне привозить жену с собой! Не говоря уже о тоске разлуки с нею, я в глупейшем положении относительно посольства и французов, которым, сильный твоим обещанием, я сообщил, что жена едет со мной. Умоляю тебя, измени свое решение. Ведь ее никто, кроме ее детей, не увидит; она, бедная, так безумно радовалась повидать их, а главное ее сын будет в конце апреля произведен в офицеры, и ей так хотелось поздравить его в этот день. Умоляю всем, что тебе дорого, не откажи мне в этой моей просьбе. С нетерпением буду ждать от тебя телеграммы.

Крепко вас обнимаю.

Твой Павел.

III.

La Celle St. Cloud (Seine et Oise). Vallée du Lys.

10/23 июня 1906 г.

Дорогой Ники,

Узнал сейчас от барона Фредерикса ²⁾, через которого я ходатайствовал о твоём разрешении выдавать мне часть моих удельных денег ³⁾, и спешу принести тебе мою сердечную, глубокую благодарность за эту новую милость. Этим разрешением ты умиротворяешь всегда жгучий, деликатный и всегда тяжелый денежный вопрос. Если буду иметь в будущем возможность лично поговорить с тобой, лично поблагодарить тебя, ты увидишь, что это не было банальное с моей стороны ходатайство для сравнения с теми, кто находится, как и я, в исключительном положении. Во всяком случае от всего сердца благодарю тебя. Всякая с твоей стороны милость западает глубоко мне в душу и приближает меня к тебе, родине и детям, приближает ко всему,

¹⁾ Брат автора в. к. Алексей Александрович.

²⁾ Министр императорского двора и уделов.

³⁾ 24-го июня 1906 г. состоялся указ Николая II о выдаче ему части полагавшегося ему, как великому князю, ежегодного содержания.

что мне дорого и от чего я, силой любви к жене, должен был оторваться. Не время теперь, когда я пишу, чтобы благодарить за одну милость, просить о другой. Но ты знаешь мою мечту заветную — разрешение ездить в Россию с женой, иметь счастье повидать вас обоих, детей, родных, не расставаясь с нею. Когда это ты мне разрешишь, как все тогда будет хорошо!

Спаси и сохрани тебя господь. Крепко обнимаю тебя, целую руку Аликс.

Всегда был и есмь

Твой Павел.

IV.

Ваше императорское величество ¹⁾.

Вследствие соизволения вашего императорского величества на сердечную просьбу мою о переезде сына моего великого князя Дмитрия Павловича обратно в мой дом (что составляет горячее желание и моего сына), прошу ваше императорское величество о нижеследующем:

В виду того, что с переездом сына в родительский дворец содержание его будет, как и прежде, идти из моих личных средств, я прошу ваше императорское величество соизволить вернуть мне: во-1-х, капитализированный с 1903-го года в департаменте уделов на мое имя капитал, во-вторых, сосредоточить при управлении моими делами ведение дел по содержанию имения «Ильинское» до совершеннолетия сына и, в-третьих, разрешить мне, в отмену указа от 24-го июня 1906 года, пользоваться не частью моего личного содержания, а полностью — в размере 268.750 рублей, как полагается сыну императора ²⁾.

Имея в виду желание вашего императорского величества, вследствие проживания моего за границей, сохранить за собой верховное попечительство над моим сыном, я обязуюсь ежегодно представлять вашему императорскому величеству, во-первых, отчет о содержании моего сына из моих средств, во-вторых — отчет по имению «Ильинское», переданное мною добровольно

¹⁾ Настоящее письмо даты не имеет — печатается здесь в виду связи с предыдущим письмом.

²⁾ В. к. Павел Александрович был сыном Александра II.

моему сыну, и, в-третьих—отчет по личному его капиталу, который никогда не расходовался, а потому и возрос в настоящее время до суммы в размере 704.562 рублей.

Вашего императорского величества горячо любящий дядя
Павел.

V ¹⁾.

12/25 мая 1907 г.

Дорогой Ники,

На твою вторую телеграмму я отвечаю письмом. Твои слова, что о касающемся лично меня вопросе будет разговор «только после выхода замуж Марии» —заставляют меня сразу сказать тебе, что я не могу приехать. Пусть знают, почему, по какой причине, отец не будет ни на помолвке, ни на свадьбе своей дочери. Я все понимал вначале, все выносил терпеливо, но после пяти лет примерной семейной жизни — я вправе ожидать другого отношения к нам обоим.

Ужели ты думаешь, что жену, которую здесь все любят и уважают, у которой здесь положение, как дай бог всем, что ее я оставляю одну, а сам буду участвовать в торжествах свадьбы. Не для этого я ломал все и всем жертвовал, чтобы потом давать унижать и обижать ее напрасно. Если ее не будет на том месте, где ей полагается быть по морганатическому браку со мной, по браку, тобой признанному указами Сенату и министру двора, то и меня там не будет—это мое непоколебимое решение. Если б ты хотел мне сказать, почему она не может приехать в Россию, и при чем тут выход замуж Марии? Если оттого, что я женат морганатически, то Карлова ²⁾ (кавалерственная дама) уже прецедент. Если оттого, что она была разведенная, или вернее—для меня развелась, то недавний брак Николаши ³⁾, тобой разрешенный и тобой благословенный, сразу и навсегда сломал все существующие в этом смысле преграды. Ведь в душе своей ты справедлив и добр и чувствуешь, что я прав.

Иду далее. Не одна эта причина лишает меня возможности благословить мою дорогую Марию. Я не могу быть на свадьбе,

¹⁾ Письма V—X писаны из Boulogne, близ Парижа.

²⁾ Графиня Наталья Федоровна Карлова — морганатическая жена герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого.

³⁾ В. к. Николай Николаевич женился на разведенной жене князя Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского.

пока существует эта позорящая меня опека. А быть официально в разряде штрафованных, при чужих принцих, которые придут на свадьбу моей дочери—эта мысль для меня ужасна и невыносима.

О шведском принце ¹⁾ что я могу сказать? Я его не знаю. Раз дети в опеке, отцу не приходится ни смотреть жениха, ни говорить за или против, ни выражать свое мнение, что выдавать замуж девочку в 17-ть лет слишком рано. Опека решала так много вопросов помимо меня, что естественно оторвала от меня детей, насколько было возможно. Из-за всего этого, из-за твоего и Аликс ко мне сурового отношения я много выстрадал, но все же надеялся, что в конце концов, знал, как мы живем, вы поймете меня и простите. Увы! я горько ошибался. Ужасно больно писать все это тебе, которого попрежнему я горячо люблю, но ты чувствуешь, что правда звучит в каждом моем слове! А за сим храни тебя бог в это тяжелое и смутное время.

Сердечно тебе преданный

Павел.

VI.

27-го октября—9-го ноября 1907 г.

Дорогой Ники,

Алексей ²⁾ передал мне вчера твое милостивое разрешение приехать в Петербург вместе с женой, за что прошу тебя принять мою сердечную благодарность. Как тебе уже писал Алексей, очень прошу тебя выписать детей к 10-му ноября из Москвы в Царское, куда я буду наезжать из Петербурга для свидания с ними.

Еще раз горячо тебя благодарю и остаюсь преданный тебе

Павел.

VII.

28-го марта—10-го апреля 1911 г.

Дорогой Ники,

Ты верно удивишься, получив от меня ящик, но вот в нескольких словах, в чем дело: когда мы были в декабре в Петербурге, жена купила несколько фотографий Алексея ³⁾, который ей ужасно понравился, и привезла их в Париж, поручив лучшей

¹⁾ Говорится о шведском принце Вильгельме, за которого выходила замуж в. к. Мария Павловна.

²⁾ Брат автора письма—Алексей Александрович.

³⁾ Наследник Алексей Николаевич.

художнице m-me Mantovani Gutti сделать с этих фотографий пастели. Жена дала ей все указания для костюма, позы и т. д. и намеревалась просить Аликс принять этот портрет от нее. Пастель был готов и, по-моему, очень удачен, но в последнюю минуту у жены не хватило духу... а потому я прошу тебя передать этот портрет Аликс на Пасху, с моими лучшими пожеланиями здоровья и радостей.

Эскиз, сделанный с фотографии, который послужил художнице моделью, тоже очень мил, и вам может быть будет приятно его иметь.

Пользуюсь этим случаем, чтобы просить твоего разрешения нам присхать в Петербург в конце нашего апреля на три недели. Это время экзаменов нашего Володи. В этом году мы собираемся ехать всей семьей.

Кренко вас обоих обнимаю.

Твой Павел.

VIII.

29-го мая 1913 г.

Дорогой Ники,

Среди всяких юбилейных изданий книжка Ельчанинова представляет наибольший интерес, как проверенная тобою самим. Жена решилась эту книжку перевести по-французски, дабы иностранцы, и в особенности французы, имели правильное понятие о России и ее государе — *le pays ami et allié*¹⁾.

Жена просит вас принять прилагаемые при сем два экземпляра ее перевода. Книжка имеет уже здесь значительный успех, и жена получает каждый день письма от французов, в которых они благодарят ее, что, наконец, имеют правдивый и интересный рассказ о России и ее государе.

Прекрасное предисловие академика маркиза Ségur много способствовало успеху этой хорошей книжки.

С особым интересом следим по газетам о вашем путешествии по историческим местам. Дай бог, чтобы утомления путешествия и всех торжеств не слишком бы ослабили здоровье Аликс.

От всего сердца вас обоих обнимаю.

Твой Павел.

¹⁾ Книжка эта называется «Царствование государя императора Николая Александровича» и представляет собою беззастенчивый панегирик царю, им самим проредактированный. На французском языке книжка была издана при посредстве заграничной агентуры департамента полиции.

IX.

28-го сентября 1913 г.

Дорогой Ники,

Прилагаю при сем письма дочери ¹⁾ и Савинского ²⁾. Получивши их, я решил послать Дмитрия ³⁾ в Берлин, чтобы привезти дочь к нам в Boulogne.

Смотря по обстоятельствам, может быть я и сам поеду в Берлин. Пока это единственный выход из этого тяжелого положения. Как отец, я иначе поступить не могу и уверен, что ты меня поймешь и не осудишь.

Крепко обнимаю вас обоих.

Твой Павел.

X.

21-го октября—13-го ноября 1913 г.

Дорогой Ники,

Посылаю тебе письмо короля шведского, на которое я ответил, опровергая его несправедливые нападки на Марию ¹⁾.

Если бы ты видел, в каком виде бедная девочка к нам приехала!

Ей ежеминутно делалось дурно, она была белая, как полотно, не ела, не спала, ужасно кашляла и до сих пор жалуется на почки. Она только начинает у нас отходить под влиянием любви и ласки.

Возвращаться в Швецию ей немислимо, и я прошу тебя разрешить нам начать переговоры о разводе. Все лучше, чем ее жизнь там и преследования наглого старого гипнотизера Мунте ²⁾. Все это печально и больно.

Ждем сегодня консультации доктора по почечным болезням, который скажет, что предпринять дальше.

¹⁾ В. к. Мария Павловна.

²⁾ Русский посланник в Швеции.

³⁾ Дмитрий Павлович—сын автора.

⁴⁾ Дочь автора—Мария Павловна; она уехала от своего мужа, шведского принца Вильгельма Зюдерманландского,

⁵⁾ А. Munthe—первый лейб-медик шведского двора, личный врач королевы.

Буду тебе сообщать, по мере того, как обстоятельства сложатся, обо всем касательно Марии, зная твою доброту и сердечность по отношению к моим детям.

Крепко тебя обнимаю и целую ручки Алёкс.

Твой Павел.

XI.

Записка в. к. Павла Александровича Николаю II о различных привилегиях для гр. Гогенфельзен¹⁾.

1) Дать жене и детям княжеский титул с наименованием светлости, как это было сделано для Зины, жены покойного Евгения Лейхтенбергского.

2) Чтобы мой брак и дарование титула моему семейству были официально опубликованы указом, ознакомив меня предварительно с редакцией указа.

3) Разрешить жене и моим дочерям проходить на выходах и других официальных случаях сейчас за членами семьи.

4) Прошу разрешения самому представить жену членам семейства, без посредства гофмейстерин.

5) О разрешении жене не расписываться у великих княгинь, а оставлять карточки.

6) О разрешении мне с женой иметь ложи рядом с императорскими в театрах.

Примечание ред. Эта записка была рассмотрена Николаем II, который 1-й и 2-й пункты зачеркнул; против пункта 3-го написал: «как жена ген.-адъютанта»; против пунктов 4-го и 5-го помечено: «да»; против 6-го пометок нет.

XII.

Царское Село. 1 июля 1915 г.

Дорогой Ники,

Глубоко тронут присылкой мне ответа родных мне, чудных моих гродненцев на твою телеграмму. А вот и их ответная мне телеграмма, тронувшая меня до слез. Храни их господь, а что они тебе и родине послужат на славу и честь до последней капли крови, в этом я уверен — на то они и гродненцы²⁾.

¹⁾ Гр. Гогенфельзен — морганатическая жена в. к. Павла Александровича. Записка относится к 1915 г.

²⁾ Гродненский гусарский полк.

29-го июня 1915 года я никогда не забуду!

Завтра явлюсь к завтраку к вам опять старым шефом гродненцев и в форме полка.

Крепко обоих вас обнимаю.

Твой Павел.

Мою телеграмму очень хотел бы себе на память сохранить.

XIII.

Царское Село. 24-го ноября 1915 г.

Дорогой Ники,

К сожалению, меня еще не выпускают и, благодаря этому, я не могу лично тебе сказать, в каком я отчаянии, что доктора меня пока не пускают ехать на фронт. Я так радовался и гордился предстоящим мне назначением.

Об одном тебя умоляю: не ставить на меня крест. Бог даст, к концу зимы я настолько окрепну, что буду в состоянии снова послужить тебе и родине в рядах нашей дивизии, горячо мною любимой армии.

Крепко тебя обнимаю.

Твой Павел.

XIV.

Мест. Сокуль. Штаб I-го гв. корпуса.
22-го августа 1916 г.

Дорогой Ники,

Пользуюсь отъездом в ставку гр. Игнатьева, чтобы написать тебе эти несколько слов.

Цель моего письма — горячо поддержать составленную гр. Игнатьевым памятную записку, которую он тебе представит.

Интересы нашей родной, горячо мною любимой гвардии особенно мне близки и дороги моему сердцу и, как старший представитель гвардии здесь на войне, я и решился выступить ходатаем за ее интересы.

Генерал Гурко вполне одобряет написанное в памятной записке, о чем написал ген. Алексеєву.

Я — слава богу, и счастлив быть здесь, среди нашей дивной гвардии.

От всего сердца тебя обнимаю. Как бы мне хотелось тебя повидать и чтобы ты перекрестил своего старого дядю и друга.

Твой Павел.

Решаюсь просить за начальника штаба II гв. корпуса, достойного генерала Гришинского об оставлении ему мундира лб. Гренадерского полка, как боевой награды за дела 15-го и 26-го июля сего года.

XV.

Царское Село. 7-го января 1917 г.

Дорогой Ники,

Считаю своим долгом донести, что отданный мною приказ о воспрещении призывным на военную службу артистам участвовать в представлениях последовал в виду нареканий с фронта: благодаря большому количеству всевозможных артистов, поступивших в гвардейские запасные батальоны, в последних находится слишком много уклоняющихся от военной службы. Эти военнообязанные, из-за музыкальных или иных артистических способностей, не посылаются в очередь на фронт. Такое большое количество артистов повело к образованию двойных струнных оркестров. Все это ведет к нежелательному разгулу в офицерских собраниях запасных частей, где вино льется рекой и даже продается на сторону.

Исключение было мной сделано по просьбе министра императорского двора только для императорских театров. Если же тебе благоугодно будет сделать исключение и для «Музыкальной Драммы», то я буду ждать на то приказаний.

Искренно тебе преданный

Павел.

Письма в. к. Николая Михайловича.

I.

14 января 1916 г.

Пишу по следующему поводу, не желая затруднять в Петрограде словесным докладом. В виду того, что в нынешнем году не состоится годичного заседания имп. исторического общества, на которых читались отчеты по деятельности губернских архивных комиссий и ты разрешал обычные субсидии, — напомним, что за последние три года выдавалось по 18 тысяч рублей различным архивным комиссиям.

В настоящем году, при тяжелых обстоятельствах, я ходатайствую только о двух архивных комиссиях: Нижегородской и Саратовской, особенно нуждающихся и показавших весьма полезную деятельность.

Вместо 18 т. рублей, потребуется только 6 т. руб., т.-е. по 3 т. на каждую из двух губерний.

Если ты согласишься выдать эту сумму в 6 т. рублей, то прикажи меня известить.

Кроме того, еще осмеливаюсь напомнить о присылке двух твоих фотографий, одной в бытность наследником, другой — государем, для напечатания в Экспедиции заготовления госуд. бумаг для юбилейного издания 50-летия нашего общества.

Весь твой

Николай М.

II.

22 апреля 1916 г.

К сожалению, на сей раз я хочу поделиться с тобой некоторыми мыслями, прямо до меня не касающимися, но в связи с которыми связано мое личное ходатайство. Вот в чем дело. Скоро пойдет третий год небывалой войны. Думается, что с каждым месяцем мы приближаемся к развязке. Мне мнится, что победа будет на нашей стороне и союзников, а в худшем случае ни победителей, ни побежденных не будет, и война прекратится от финансового истощения народов. Дурного исхода войны я не допускаю.

Так или иначе необходимо уже теперь подготовиться к выбору тех людей, которым будет вверено на будущем совещании или международной конференции поддерживать честь

и величие России. Эти избранные (вероятно, 5 или 6 человек) не должны быть ни бюрократами, ни бумагомарателями, ни люди с душой чиновника.

Для такой почетной задачи нужны люди самостоятельные, имеющие образовательный ценз в широком смысле этого слова, и лица смелые, не боящиеся мнения ни газет, ни различных сфер нашей болотной столицы. На будущей конференции предстоит задача нелегкая держать все время высоко знамя своей родины, не уступая ни врагам, ни союзникам по тем вопросам, которые могут затронуть величие царя и интересы России. Думая и передумывая все обстоятельства, которые уже возникнут на предварительных переговорах, меня тревожит все то, что могло бы случиться тогда, когда дело дойдет до выработки условий мира на будущей конференции. Потому я дерзаю обратить твое серьезное внимание на вопрос о выборе лиц для этой сложной работы, не только по министерству иностранных дел, но и по ведомству военному, морскому и финансов.

Теперь перехожу к личному ходатайству. Я бы желал попасть в число этих избранных, несмотря на то, что я — великий князь, заранее отказываясь от всех преимуществ, связанных с титулом.

Очевидно, прецедентов таких еще не бывало и, может, моя мечта испугает господ Сазоновых и Извольских, но и война тоже не заурядная и без прецедентов.

Ты хорошо знаешь мои качества и мои недостатки.

Язык мой без костей, я могу вспылить и наговорить дерзостей, но я не боюсь ни людей, ни клеветы; многому учился в молодых годах и научился в зрелом возрасте, ровню ничего не ищу, но хотел бы принести действительную пользу именно тебе и нашей дорогой России. По этому вопросу я уже неоднократно беседовал с твоей матушкой и сестрой Ксенией, и обе они усиленно поддерживали мое стремление, а потому, не откладывая в долгий ящик, я решил теперь по совести откровенно тебе передать мои соображения, может быть смелые, но искренние, на твое благоусмотрение. Еще много времени все обдумать и обсудить, а может быть когда-нибудь и лично с тобой побеседовать на эту тему, которая не дает мне покоя ни днем, ни ночью, особенно припоминая, как историк, все бывшие конгрессы печальной памяти. Прощу принять мои поздравления с наступающим днем ангела ее величества.

Весь твой Николай М.

III.

28 апреля 1916 г.

Возвращаясь к затронутому вопросу в моем письме от 22-го апреля, обращаю твоё внимание на выбор и роль будущих избранников на конференции или конгрессе после окончания международной войны.

Если выбор твой состоится в течение ближайших месяцев, то избранные должны будут приступить, не теряя минуты, к предварительной работе, и вот почему.

Прежде всего им надо снюхаться между собой и просто познакомиться. Засим, получивши от тебя или Сазонова общую директиву, приступить к обсуждению тех главных пунктов, по коим уже достигнуто соглашение с нашими союзниками. Обсуждение должно быть самое всестороннее, как по главным, так и по второстепенным пунктам, так как не только я один, но и многие другие на Руси изверовались в прозорливости наших представителей иностранной политики. У них отсутствует божеская искра, а преобладает рутинная, ослепляющая всякий проблеск вдохновения.

Аргументы против заблаговременного избрания лиц для выработки единства действия и программы на будущих совещаниях не выдерживают критики. Опасения, что это могло бы послужить поводом к толкам о мире, не основательны. Напротив, если войскам даже в траншеях станет известно, что они умирают и их калечат не даром, и что уже теперь правительство озабочено выработкой не только почетного, но и выгодного мира, (это) произведет лишь ободряющее впечатление.

Смею думать, что сам милейший Сазонов не всегда обладает даром предвидеть—*«prévoir et puis décider»*, который явился бы залогом успехов на будущем судилище Германии, составленном из ее нынешних врагов. Аппетиты будут большие. Надо будет считаться не только с европейскими союзниками, но и с японцами, а, может быть, и с американцами, о которых часто забывают в стенах у Певческого моста¹⁾.

Если я так напираю на удачном выборе наших будущих русских избранников на конгрессе, то потому еще, что люди такого склада ума, как эта известная канарейка со своей нескончаемой трелью, в лице В. Н. Коковцова²⁾, самодовольный

¹⁾ Министерство иностранных дел.

²⁾ Бывший председ. совета министров и министр финансов.

снобизм величавого Извольского ¹⁾, извительный анализ Полыванова ²⁾ — вряд ли были бы у места на будущих совещаниях. Нужны люди дела, свежие и несвязанные с прошлым и со сделанными уже промахами.

Перебирая списки военного ведомства, я положительно останавливаюсь на имени генерала Головина ³⁾, которого смелые мысли напугали нашу академию генерального штаба, а он мог бы избрать себе младших сотрудников.

Из адмиралов, способности которых больше известны тебе, чем мне, хорошие отзывы слышны об адмирале Канине ⁴⁾ и менее единодушные — о Русине ⁵⁾.

По ведомству финансов мне казалось бы, что сам Барк ⁶⁾ и, например, Покровский ⁷⁾ были бы оба весьма ценны для тех сложных вопросов денежного характера, которые будут самыми трудными при обсуждениях с союзниками.

Позволяю себе сделать краткий обзор предыдущих конгрессов и конференций за XIX столетие, как отрицательные примеры нашей бдительности.

В 1815 году заседали в Вене управляющий мин. ин. д. гр. Нессельроде, гр. Поццо-ди-Борго и князь Андрей Разумовский. Первый — полунемец, полужеврей, второй — продувной корсиканец и, наконец, Разумовский, хотя и русский, но дряхлый и вполне рамошный (в молодых годах он был любовником первой супруги Павла Петровича ⁸⁾). Едва ли это трио было на высоте своей задачи, и интересы России были представлены весьма оригинально, но, конечно, личное влияние императора Александра I сыграло главную роль, особенно по делам Польского королевства, возбудившим радужные надежды поляков и закончившимся революцией 1831 года.

¹⁾ А. П. Извольский, бывший министр иностр. дел, русский посол во Франции.

²⁾ После отставки Сухомлинова, был военным министром; уволен 15 марта 1916 г.

³⁾ Головин, Николай Николаевич — ординарный профессор Николаевской военной Академии.

⁴⁾ Командующий Балтийским флотом.

⁵⁾ Начальник морского генерального штаба; с 1915 г. — помощник морского министра.

⁶⁾ Министр финансов.

⁷⁾ Государственный контролер; впоследствии (с 30 ноября 1916 г.) — министр иностранных дел.

⁸⁾ Вел. княгиня Наталья Алексеевна, скончавшаяся в 1776 г.

После Крымской кампании собралась конференция в 1856 г. в Париже. Здесь главным представителем России явился князь Алексей Орлов и некоторые бесцветные чиновники. Результаты совещаний были более чем плачевны для наших интересов.

Наконец, в 1878 г., после турецкой войны, собрался достопамятный конгресс в Берлине. Графы Петр Шувалов и Убри были представителями России под руководством самого канцлера князя Горчакова, больного и ослабленного¹⁾, то появившегося в Берлине и возбуждавшего всеобщие насмешки на конгрессе, то удалившегося обратно в Петроград, где он играл еще более грустную роль.

Таковы были наши представители на конгрессах XIX столетия, и какие получились плачевные результаты!

Вероятно, на будущем конгрессе роль главы наших интересов выйдет на Сазонова, так как союзники выставляют по обычаю своих министров иностранных дел. В связи с этой возможностью я и писал Сергею Дмитриевичу²⁾, что был бы в восторге работать под его руководством в качестве простого рядового, очевидно, при твоём одобрении.

24-го апреля я получил от него ответ на мое послание, хотя и любезный, но вовсе не одобряющий моих планов. Затем по телефону Сазонов просил приехать к нему, и я провел с ним более часа в самой оживленной беседе, но, к сожалению, каждый остался при своем мнении. Сазонов стоит на той точке зрения, что второстепенная роль не подобает для великого князя, равно как и несение ответственности, особенно в нынешнее время, где все великие князья не пользуются любовью и уважением русского общества, кроме все возрастающей популярности Николаши³⁾.

Нахожу странным, что Н. Н.⁴⁾ может нести и уже нес громадную ответственность, а я не могу нести никакой. Сазонов пугает меня, что я даже могу потерять доброе имя, как историк, а, кроме того, иностранцы на конгрессе посмотрят на меня косо.

Логика здесь мало. Говоря о желанных для себя сотрудниках на конференции, Сазонов выдвигает на первую очередь графа Бенкендорфа⁵⁾. Хотя он и заслуживает уважения, но вряд ли

¹⁾ Ему было 80 лет.

²⁾ Сазонову.

³⁾ В. к. Николай Николаевич.

⁴⁾ Николай Николаевич.

⁵⁾ Русский посол в Англии.

немецкая его фамилия и вероисповедание произвели бы на русскую публику хорошее впечатление.

Как я тебе докладывал 23-го числа, имя Шебеко ¹⁾ было бы более подходящее, но на него вряд ли согласится Сазонов, видя в его лице возможного преемника; Бенкендорф же для него не был бы помехой.

Вся эта длинная беседа меня, не скрою, огорчила, так как, любя Сазонова, я надеялся у него встретить более широкие и ясные кругозоры.

Он долго говорил и о польском вопросе. Возможно, что издание теперь же манифеста было бы своевременно и произвело бы известный эффект, так как чары воззвания за подписью Николаши ²⁾ уже испарились, а есть угроза, что немцы могут возложить польскую корону на голову кого-либо из их многочисленных принцев или эрцгерцогов.

Относительно популярности Николаши скажу следующее: эта популярность была мастерски подготовлена из Киева Милицей ³⁾, совсем исподволь и всеми способами — распространением в народе брошюр, всяких книжонок, лубков, портретов, календарей и т. п. Благодаря такой обдуманной подготовке, популярность не упала после потери Галиции и Польши и снова возросла после кавказских побед.

С самого начала кампании я неоднократно писал твоей матушке и предупреждал о киевских интригах, тебе же писать не мог, состоя при штабе генерал-адъютанта Иванова и не нарушая правил дисциплины.

Теперь я свободно говорю, говорил уже, когда вылично взяли бразды верховного управления армиями, и повторяю и ныне, что на Кавказе Милица не дремлет.

Смею тебя уверить, по моему глубокому убеждению, что в династическом отношении явление этой популярности меня тревожит, особенно при том возбужденном состоянии нашего общественного мнения, которое все яснее обрисовывается в провинции.

Популярность эта вовсе не идет на пользу престола или престижа императорской фамилии, а только к муссированию мужа великой княгини ⁴⁾ славянки, а не немки, равно как и его брата

¹⁾ Был до войны русским послом в Австро-Венгрии.

²⁾ В. к. Николай Николаевич; от его имени в начале войны было издано воззвание с различными обещаниями «польскому народу».

³⁾ В. к. Милица Николаевна.

⁴⁾ В. к. Петр Николаевич.

и племянника Романа¹⁾. При возможности всяких смут после войны, надо быть на-чеку и наблюдать зорко за всеми ходами для поддержания сей популярности.

Вам известна моя беззаветная преданность вашему покойному родителю, вашей матушке, вам и вашему роду, за который ежеминутно я готов лечь костью, но других вариантов в династическом отношении я не признаю и никогда признавать не буду.

Извиняюсь за это длинное послание, и если я не могу принести лепты своей пользы на деле, то буду горевать молча — и только, тем более, что я одинок, не занимаю особых должностей и ровно ничего для себя лично не желаю.

Весь твой

Николай М.

P. S. Сегодня посылаю представления на юбилей Истор. общества²⁾. Хочу похвастать в охотничьем отношении: 29 числа в Заречье я убил 7 вальдшнепов без промаха!

IV.

13 мая 1916 г.

На этих днях А. Н. Куломзин³⁾ посылает тебе окончательный список наград, проверенных ст.-секр. Танеевым⁴⁾, в надежде, что все это поспеет ко дню юбилей общества, т.-е. к воскресенью 23 мая.

Просматривая сей окончательный список, я нашел некоторые изменения, но обращаю твое внимание только на трех лиц: на профессора С. Ф. Платонова⁵⁾, на В. В. Щеглова⁶⁾ и на барона Таубе⁷⁾. Всем трем, вместо просимого мною ордена св. Владимира 2-й степени, предложено объявить только благодарность. Я же ходатайствую о пожаловании всем трем той же очередной

¹⁾ Князь Роман Петрович.

²⁾ 50-летие существования; общество было основано в 1866 г.

³⁾ Статс-секретарь Николай П.

⁴⁾ Главноуправляющий «собственной его величества канцелирией».

⁵⁾ Профессор Петроградского университета, известный историк.

⁶⁾ Гофмейстер, заведующий собственной библиотекой Николая II. Через Щеглова, между прочим, производилась доставка Николаю перлюстрированных писем.

⁷⁾ Барон М. А. Таубе — сенатор, доктор международного права.

награды, ордена св. Владимира 2-й степени, несмотря на то, что они еще не выслужили срока для награждения. Ходатайствую в виду полезной деятельности всех трех на пользу общества и исключения ко дню пятидесятилетнего юбилея, не огорчая этим исключением А. С. Танеева, всегда оберегающего все предвиденные сроки для наград, что, конечно, в его роли и обязанности.

Сегодня же я посылаю другую бумагу А. Н. Куломзина, как председателя архивной комиссии общества, где испрашивается материальная помощь 5-ти архив. комиссиям: Тверской, Ставропольской, Воронежской, Полтавской и Пермской (впервые). Опять таки, в связи с юбилеем общества, я осмеливаюсь поддержать ходатайство А. Н. Куломзина и его комиссии о выдаче каждой из архивных комиссий по три тысячи рублей, что составит всего пятнадцать тысяч рублей.

Тому три месяца, не зная, что наше общество посмотрит на дело шире, чем я, я испрашивал той же милости для двух архив. комиссий: Нижегородской и Саратовской, на что получил ваше милостивое разрешение. Теперь же возбуждаю дело о пяти новых комиссиях, очевидно, ко дню юбилея.

Глубоко извиняюсь, что задержал ваше внимание писанием об этих представлениях. Это далеко не моя специальность!

Засим надеюсь, что вы остались довольны вашим путешествием по югу России и что, может быть, мы будем иметь счастье тебя видеть здесь или 23, или 25 мая, чтобы поблагодарить за юбилейные милости.

Весь твой

Николай Михайлович.

V.

26 мая 1916 г.

Еще раз приношу мою самую глубокую благодарность за то доверие, которое ты проявил не только к имп. ист. обществу, но и ко мне лично.

Мы уже сразу приступили к занятиям. 24 мая, в 9 ч. вечера, было общее собрание общества, на коем не видали больных и отсутствующих членов: Иконникова, Чечулина, Филиппова, Извольского, Чарыкова, Сазонова, Герье, Модзалевского и, вероятно обиженного, что остался без награды, ген.-ад. Скалона,

не приславшего даже письма о причине отсутствия. Но генерал-адъютанта я был не в праве представлять, а если он обиделся, то это не говорит в его пользу, как служаки и человека.

Из нашей среды выделилась особая комиссия из старейших членов (*honoris causa*) и наиболее работоспособных. Вот ее состав: 1) председатель—я; 2) вице-председатель—Куломзин и барон Искгуль; 3) члены: гр. С. Д. Шереметев, Кобеко, Филиппов (старейшие), Панчулидзе, Лихачев, Лаппо-Данилевский, Жукович, секр. Сантов и ген.-л. Бородин.

Комиссия заседала уже сегодня 26 и будет еще заседать для выработки программы и распределения ролей между членами 29 мая. На первое заседание были приглашены Ан. Ф. Конн и министр нар. просв. гр. П. Н. Игнатьев, давшие нам весьма ценные указания, о которых доложу при первом свидании с тобой.

Прошу мне выяснить два важных вопроса.

1) Относительно медалей в память рождения имп. Александра II. Если ты одобришь эту мысль, то необходимо немедленно заказать модели, чтобы в течение двух лет монетный двор успел красиво и тонко исполнить работу. Если ты эту мысль одобряешь, соблаговоли поставить меня в известность.

2) Местонахождение будущего памятника имп. Александра II в Петрограде. Все существующие предложения мало подходящие. Самое бы лучшее было бы использовать Царицын луг, или Марсово поле, сделав из него новый сад в «pendant» к Летнему и в середине оставить круг для памятника. Для войсковых смотров можно подыскать особое поле в ближайших окрестностях столицы.

Что же касается самого памятника, то, кажется, это дело было поручено покойному в. к. Владимиру Александровичу¹⁾, а после его кончины—его сыну Андрею. Но, насколько мне известно, все модели, которые были изготовлены в Мраморном дворце, были за негодностью забракованы.

И на сей вопрос о памятнике и о месте соблаговоли дать твои точные указания.

Приношу свои самые искренние поздравления с победами на юге в армиях ген.-ад. Брусилова и молю бога о дальнейших успехах русского оружия.

¹⁾ См. примечания.

Трагический конец лорда Китченера ¹⁾ и сопутствующих ему англичан поверг всех нас в смущение и грусть, а я лично оплакиваю кончину милейшего О'Берна, которого видел очень часто в течение его семилетнего пребывания в качестве советника посольства.

Весь твой

Николай М.

VI.

31 мая 1916 г.

В виду ограниченного времени до 17 апреля 1918 года ²⁾, я вынужден тебя беспокоить моими посланиями для точности самой работы, в связи с твоими указаниями. Для наглядности дальнейшего изложения буду отдельные вопросы отмечать номерами.

1) Член Гос. Сов. Кони состоит душеприказчиком завещания покойного графа Д. А. Милютинна ³⁾ по изданию его мемуаров и дневника. Многие из членов общества, и я особенно, горячо желаем печатать эти записки в томах Сборника ⁴⁾. На это, кроме твоего принципиального согласия, необходимо заручиться согласием двух дочерей графа Милютинна. Затем, в виду незанятого места начальника Ник. Академии Генер. Штаба (последним был Янушкевич ⁵⁾), нужно выяснить дело печатания в нашем Сборнике, так как у Академии не имеется своего органа печати, а отдельных изданий Академия еще не выпускала. Между тем, по заверению Кони, если получится согласие дочерей Милютинна на печатание записок в нашем Сборнике, то уже все остальное будет зависеть от твоего решения.

2) Члену нашего общества князю Н. В. Голицыну, ныне директору Государственного архива, поручаю ко дню юбилея издать особый том Сборника, посвященный личности имп. Александра II. Материалами для этого тома могут служить все те документы, которые находятся в собств. его величества библиотеке и списки которых представил нам Щеглов. Главными подспорьями для изучения личности государя могут служить разные записки воспитателей и учителей, как-то: ген.-ад. Мердера,

¹⁾ Английский военный министр, погибший 21 мая 1916 г.

²⁾ Столетие со дня рождения Александра II.

³⁾ Военный министр при Александре II, деятель «60-х годов», позднее фельдмаршал.

⁴⁾ Издававшегося Русским Историческим Обществом.

⁵⁾ Позднее — начальник штаба верховн. главнокомандующего (при в. к. Николае Николаевиче).

ген.-ад. Юревича, поэта Жуковского и переписка с различными лицами. Подробный список необходимых документов я представлю дополнительно.

3) В собственной вашего величества библиотеке имеется еще дневник князя П. П. Гагарина, председателя Гос. Совета за период начала шестидесятых годов ¹⁾ до вел. кн. Константина Николаевича ²⁾; продолжение этого дневника находится в собрании П. Я. Дашкова. Это тоже документ особой важности, и я испрашиваю разрешения использовать его, так как он относится как раз ко времени великих реформ, особенно крестьянской.

4) В виду того рвения, которое показывает А. Ф. Конн в содействии нашим работам, и для поощрения его деятельности, в виду его лет и расшатанного здоровья, может быть, было бы целесообразно сделать его членом нашего общества. Так как в 1916 году годового общего собрания под твоим председательством не состоялось, может быть, ты разрешишь экстренное собрание под моим председательством для избрания Анатолия Федоровича Конна членом общества.

1-го июня я выезжаю на неделю отдохнуть, так как заболел и хочу покататься по Волге между Ярославлем и Костромой, а также посетить Ростов Великий. 7-го числа я вернусь обратно и примусь снова за работу.

Не нахожу слов поздравить тебя с нашими военными успехами, которые дают надежду на окончательное торжество нашего оружия и правого дела против коварнейших врагов, когда-либо воевавших с нами.

Вера в успех растет, и не только на Руси, но и у наших доблестных союзников. Да поможет тебе господь всемогущий довершить это великое дело до конца!

Весь твой

Николай М.

P. S. Если мои письма тебе надоели, то вытребуй меня в ставку для словесных разъяснений, но в настоящее время всякий лишний человек в Могилеве ³⁾ есть обуза, а потому я и не испрашиваю разрешения на личное появление, а ограничиваюсь пером и длинными посланиями. Извиняюсь за неразборчивый почерк.

¹⁾ Кн. Пав. Павл. Гагарин был с 1862 г. председателем департамента законов Госуд. Совета, а в 1864—1865 г.г.—председателем самого Совета.

²⁾ Был назначен. председ. Госуд. Совета в 1865 г.

³⁾ Там помещалась в это время «ставка».

На сей раз обязан написать несколько строк о впечатлениях поездки по Волге и о Ростове Великом. В общем, могу сообщить только одно отрадное о всем, что видел.

Движение пассажирское и грузовое — небывалое. От Ярославля до Костромы плыл на «Александре Благословенном» и дивился красоте Волги и ее берегов. Оба губернатора, Еврепнов и Хозиков, очень мне понравились. Первый — брат Софьи Дмитриевны, которая при Ксении ¹⁾, и был единственным удачным сотрудником графа Г. Бобринского ²⁾ в Галиции, будучи губернатором в Черновицах, второй был 6 лет вице-губернатором в той же Костроме и знает отлично местные условия. Кроме бесподобных монастырей и церквей, которые я осматривал во всех подробностях, до ризниц включительно, я был на двух фабриках. Обе находятся в Ярославле; одна — кожевенная, сооруженная на частные средства, которая изготовляет 400 тысяч сапог на армию. На ней я пробыл два часа, машины все американские, работают во-всю; сами рабочие производят бодрящее впечатление. Беседовал я со многими: вежливы, услужливы, откровенны и полны желания принести свою лепту труда на пользу и славу России.

Просили меня расписаться в книге, что я сделал, присовокупив, что все нашел в блестящем порядке.

Затем был на фабрике спичек, где работают более 700 женщин из 911 рабочих. Поставлено все дело тоже практично и толково. Наконец, знаменитая мануфактура ситцев и тканей, где 15 тысяч рабочих и образцовый директор Грязнов, который поставил это дело блестяще, даже роскошно, так как имеется театр для развлечения рабочих.

Везде был один, без губернатора, в сопровождении моего егеря, который несет обязанности секретаря, адъютанта, казначея, а также и моей няньки. Наконец, Ростов Великий и его окрестности, где удивительная старина в глуши, как Борисоглебский монастырь в 18 верстах от города, а в самом Ростове

¹⁾ Ксения Александровна, сестра Николая II.

²⁾ Временный генерал-губернатор [занятой русскими войсками Галиции].

образцовый госпиталь (218) при Спасо-Ярославском монастыре, где перебивало 1400 раненых и умерло за 1½ года всего два. Все создано на средства монастыря и ростовских богачей. В виду особого порядка и удивительной чистоты помещения, я сообщил о виденном Алеку ¹⁾, который благодарил перомонахов и врача по телеграфу. В виде отдыха слушал * потом бесподобный глас колоколов, единственный в мире, и дал по 5 рублей на чай пяти звонарям, артистам своего дела, звонили на 13 колоколах как бы по клавишам фортепиано.

Завтра еду снова на новую экскурсию, а именно: в Котлас, Сольвычегодск, Устюг Великий, Вятку и Вологду, и вернусь обратно к 29 июня, после чего буду просить где-либо меня принять по возложенному делу на наше историческое общество. Глубоко тронут за твой поклон, переданный мне Куломзинным.

Извиняюсь, что дважды отказался от чести быть президентом Академии Наук ²⁾, но это дело положительно не по мне, я это чувствую нюхом. Осмеливаюсь рекомендовать на это место двух лиц, но не великих князей, а именно: графа Вл. Н. Кокорцова или адмирала Алексеева ³⁾, которые были бы подходящими на сей пост, имея оба научный ценз ⁴⁾.

Моля Провидение о дальнейших успехах русского оружия под твоим руководством, остаюсь все тем же

Николаем М.

VIII.

26 июля 1916 г.

Грушевка (Херсонская).

Согласно обещания, пишу о здешних впечатлениях. Мое имение представляет громадную площадь в 75 тысяч десятин. Оно расположено в трех уездах трех губерний, Херсонской и Екатеринославской, уезды того же наименования, и Мелитопольском Таврической губернии. Всего деревень в имении шестнадцать и семь колоний немецких, из которых одна уже в прошлом году выселилась по собственному почину. Остальные колонии ждут

¹⁾ Принц Александр Петрович Ольденбургский, заведывавший санитарной частью.

²⁾ Это место было предложено Николаю Михайловичу после смерти президента Академии в. к. Константина Константиновича.

³⁾ Адмирал Е. И. Алексеев — стяжавший себе печальную известность в русско-японскую войну.

⁴⁾ Никакого «научного ценза» эти лица не имели.

решений правительства; большинство — менониты ¹⁾, которые склонны остаться, одна — вюртембергцы — думают убраться. Пока с ними недоразумений нет.

Менониты подчеркивают, что они уже 200 лет как ушли из Германии, были долго в Польше, при императоре Александре II перекочевали к нам и обретаются здесь более 50-ти лет. Хотя войны вообще не признают, но дали от себя солдат, которые все служат санитарам. Подчеркивают в беседах свой анти-германский дух, хотя всюду в домах имеются портреты кайзера, и не его одного, но и старого Василия Федоровича ²⁾, а также Бисмарка и Мольтке. Лично я надеюсь, что они по добру, по здорову уберутся вон после войны.

Полной статистики убыли в людях в наших русских деревнях установить не удалось. Пока имею данные лишь по одной деревне, Грушевке. Они выражаются цифрой 115 (10 убитых, 34 раненых, 71 без вести или в плену), а взято 829 душ. Значит, на деревню Грушевку потери выражаются 13% общего населения 3307 душ, из коих взято 829 душ мобилизацией. Подано в дер. Грушевке одной более 500 прошений вдов, жен и матерей сражающихся воинов. Пайки получают исправно, но вдовы убитых георгиевских кавалеров пока ничего не получали. Все сведения собрал и передал кому следует. Имеется также порядочное количество беженцев; главный процент приходится на Холмскую губернию, но есть беженцы Гродненской и Минской губерний. Все получают пайки исправно.

Урожай хлебов отличный, в некоторых экономиях даже великолепный; уборка хлебов всюду сделана во-время, а теперь повсеместно идет молотба, очень дружно, и есть надежда окончить все к осени в срок. Кроме женщин, детей и стариков, у меня работают 36 арестантов Херсонской тюрьмы и 947 австрийских пленных. Немцев нет. Австрийцы распределяются на чехов, русинов, словаков, хорватов, поляков и румын трансильванских. Последние ленивы и ворчат, остальные работают усердно и без понуканий.

Перехожу к другому вопросу, связанному с планами работ на будущей конференции. Вопрос сводится к следующему: кого следует унижить и расчлнить — Австрию или Германию, и каким образом их обезвредить для будущего. У нас склонны раскрас-

¹⁾ Сектанты.

²⁾ Так при русском дворе звали германского императора Вильгельма I (умер в 1888 г.).

сировать только Австрию, и все внимание обращено на эту несчастную империю. Газеты полны апетитов на расчленение Австрии в пользу России и славянских государств, а про унижение Германии говорят что-то мало — до того дух немцев и жидов силен в нашей прессе.

Мне кажется, что, говоря о центральных союзных монархиях, надо все взоры и все усилия сосредоточить на Германии. Если сотворить полный раздел Австрии, то получится такая картина: Венгрия станет самостоятельной, возможно, что и Богемия тоже, Галиция и часть Буковины попадут России, Трансильвания, вероятно, Румынии, а все остальное заберут сербы, черногорцы и особенно итальянды. Что же останется от Австрии? Крайна, Каринтия, Тироль и собственно эрцгерцогство Австрийское. Очевидно, на эти провинции наложит руки Германия, за немменем лучшего, и увеличит свои владения насчет своей союзницы.

Один из дипломатов XIX столетия сказал: «Si l'Autriche n'existait pas—il faudrait la créer». Мне кажется, он был прав, так как в центре Европы выгоднее иметь разноплеменную и слабую Австрию, чем сильную Германию. Вот и надо обратиться, в случае полной победы, к унижению и расчленению Германии. Шлезвиг-Гольштейн отдать Дании; Эльзас и Лотарингию — Франции; Люксембург — Бельгии; часть устьев Рейна — Голландии; Познань — Польше; часть Силезии (Саксонскую) и часть Баварии — отдать Австрии; заставить уменьшить флот до минимума, но отнюдь не вторгаться в ее внутренние распорядки, так как все эти принцы и князья переругаются сами между собой, равно как и бюргеры, и социалисты, и ученые, и пивовары — словом, все представители «Deutschland über Alles».

Но этого на бумаге и на словах мало. Исторические примеры бывают полезны и 100 лет спустя. В 1815 году во Франции были оставлены оккупационные корпуса России, Пруссии, Австрии и Англии до 1818 года, т.-е. 3 года, пока все не было исполнено и заплачено. Теперь придется сделать то же самое, но уже в настоящее время сговориться. По одному корпусу надо будет оставить внутри Германии до исполнения договора: России, Франции, Англии, Италии, Японии, Сербии и Бельгии, итого 7 корпусов.

Может быть, ты улыбнешься, что я опять забегаю вперед. «mais bien gouverner c'est prévoir», и необходимо заранее обо всем переговорить и прийти к соглашению между разнородными союзниками.

Не буду долго утруждать твое внимание. Сейчас кончу, но еще два вопроса. Если записка Грязнова¹⁾ тебя убедила в пользе удешевления топлива, то, оберегая его право изобретения, надо было бы заручиться согласием Штюрмера и Барка. Первый его давно знает и очень ценил в бытность ярославским губернатором. Второй может с ним познакомиться в любое время, если только ты этого пожелаешь. А потом, в порядке статьи 87-й²⁾, можно будет и приступить к делу, и если оно осуществится, то, право, сей Грязнов окажется великим человеком!

Обращу твое внимание еще на одно обстоятельство, в виду того, что многое после войны может измениться и лучше заранее учесть все признаки готовящихся явлений в русской жизни. Не знаю, по каким мотивам ты уволил С. Д. Сазонова³⁾, но вот что случилось. Почти вся пресса (кроме «Нов. Вр.» и «Земщины») сделала из Сазончика великого человека и своего рода сверхпатриота; все земства, общественные учреждения, союзы городов, промышленные комитеты и т. д. послали ему соболезнование по случаю его ухода и создали для него особую популярность, которую вряд ли он мог ожидать, продолжая быть министром иностранных дел. Это я считаю весьма опасным симптомом, и вот почему. Теперь, пока война, такие проявления возможны и даже отчасти естественны при всеобщем возбуждении нервов; но, когда наступит мирное время, нужно будет тоже заблаговременно принять меры, чтобы не создалось такого рода положения. Едва ли желательно, чтобы после нескольких годов кровопролития произошел бы разлад между правительством и обществом или, что принято называть, общественным мнением России (от митрополита Питирима⁴⁾ до Челнокова⁵⁾ и от Бориса Васильчикова⁶⁾ до Гучкова). Ce n'est

¹⁾ Это директор ярославской фабрики, о которой упоминается здесь на стр. 74.

²⁾ То-есть — помимо Госуд. Думы.

³⁾ От должности министра иностранных дел; уволен 7 июля 1916 г.

⁴⁾ Митрополит петроградский Питирим — известный соратник Распутина.

⁵⁾ Московский городской голова, председатель «союза городов» (кадет).

⁶⁾ Кн. Борис Александрович Васильчиков, член Государственного Совета; жена его в декабре 1916 г. написала Николаю II письмо относительно влияния «темных сил», — и вследствие этого Васильчиков был уволен из Государственного Совета и выслан вместе с женой из Петрограда.

pas pour blaguer, mais vraiment le fait que je vous signale à propos de la retraite de Sazonof est bien curieux et instructif ¹⁾.

Я останусь в Грушевке, вероятно, до 7-го августа, т.-е. целых три недели. Воздух здесь неподобный. Приволье полное. Не видно горизонта. Все поля, поля... до бесконечности. На заре охочусь на дрохв и на что понало. Пока убил 6 лисиц, 14 перепелов и 8 куропаток, делая загоны с шестью мальчуганами (поздешнему, хлопцами).

Прошу принять Алике и тебя мои наилучшие пожелания ко дню рождения Алексея. Да хранит вас всех господь-бог.

Весь твой

Николай М.

IX.

13 августа 1916 г.
Петроград.

Прежде всего приношу мою сердечную благодарность за милостивые строки, которые мне передал фельдъегерь 11-го августа. На-днях заеду к председателю совета министров и передам ему записку Грязнова, которого я вызвал из Ярославля для личных объяснений Штюмеру и Барку. Не сомневаюсь, что оба они обратят внимание на его предложение и обсудят, каким скорейшим способом провести в жизнь его проект об удешевлении топлива в России.

От души скорблю о потерях гвардии и об отрицательных результатах ее геройских подвигов, вследствие нераспорядительности и отсутствия руководства начальствующих лиц. Почти все офицеры в один голос обвиняют генерала Безобразова ²⁾, который, вследствие невероятного упрямства и воображения, что он даровитый полководец, вот уже 3-й раз напрасно губит без результата тысячи дорогих тебе жизней. Я видел офицеров всех трех родов оружия — одного гусара, одного преображенца и артиллериста, и все подтверждают то же мнение о Безобразове. Замена генерала Куропаткина генералом Рузским произвела ободряющее впечатление на всех чинов Северного фронта.

¹⁾ Перевод: «Это — не болтовня, но, в самом деле, то явление, на которое я обращаю твое внимание в связи с отставкой Сазонова, весьма любопытно и поучительно».

²⁾ Генерал-адъютант Безобразов командовал армией, в которую входили гвардейские корпуса. Особенно ужасные потери, происходившие от бездарности и «невероятного упрямства» Безобразова, были понесены гвардейскими частями во время операции при наступлении 15-го июля 1916 г.

Здесь из иностранцев я видел дважды пока итальянского посла маркиза Карлотти, самого умного из послов (после Мотоно ¹⁾). Он не сомневается больше, что Румыния выступит на-днях, но сильно ругает греков, упрекая их правительство в двуличной игре и в симпатиях к Германии. Еще более он подозрительно относится к роли нового испанского посла в Петрограде маркиза Villasinda, известного германофила, через которого всякие клеветы немцев стараются провести в правительственных бужках предложения о мирных условиях. Они стараются всячески проникнуть к тебе и до ее величества, чтобы вас уже теперь разжалобить, думая, что, при немецкой фамилии Штюрмера, этого легче достигнуть, чем до него.

Итальянец меня заверял, что те же испанцы ловко припутали ко всему и польский вопрос, чтобы оттянуть возможно на долгий срок объявление ожидаемого манифеста о судьбах Польши ²⁾.

Сообщаю все это тебе к сведению, а от себя добавляю, что, чем хуже пойдут дела немцев на полях брани и у них дома, тем усиленнее будут натиски их здесь, при чем будет пушено в ход все, начиная с родственных связей, до самых подлых обманов. Это мое глубокое убеждение, которое впоследствии могу подтвердить другими фактами. Как на войне применяются всякие пакости, начиная с удушливых газов, бросаний бомб в лазареты и т. д., так и для достижения мира будут пушены в ход все им доступные средства, но, очевидно, исключительно вопочие.

Другой дипломат Бьюкенен ³⁾, который почти мой сосед по набережной, часто меня посещал это лето, а после симпатий, которые я ему высказал после гибели Китченера и О'Берна, он начал еще чаще выливать мне свои чувства. Хотя я его не считаю за умного человека, но он действительно убежденный враг немцев и часто, под влиянием нового советника посольства Линдлея (Lindley), очень умного, говорит сам дельно и умно. Пока я жил в Грушевке, он дважды мне писал, и я ему отвечал на его письма вполне откровенно. Его второе письмо интересно, а потому и препровождаю оное тебе на прочтение, так как оно

¹⁾ Японский посол в России.

²⁾ Проект различных обещаний Польше был уже разработан Сазоновым, но, после его отставки, этот вопрос, по настоянию А. Ф. Романовой, движения не получил.

³⁾ Buchanan — английский посол в России. В своих мемуарах он не раз говорит о в. к. Николае Михайловиче. См. Джордж Бьюкенен. «Мемуары дипломата» Гос. Изд. 1924 г.

вполне сходятся с моими взглядами о дальнейшей судьбе Австрии и Германии.

Про француза Палеолога ¹⁾ я тебе не говорю, потому сей господин только путает, где может, болтает ерунду в разных салонах и вместо того, чтобы быть дельным представителем дружественной Франции, только думает о своей собственной карьере и шкуре, а потому ему доверять нельзя.

Относительно дел, связанных с чествованием будущего юбилея императора Александра II в 1918 году, работы идут медленно и тяжело. Господа историки почти все отсутствуют и отдыхают по разным углам России; когда они здесь соберутся — не знаю, но не раньше поздней осени. Пока дельно работают только трое: А. Н. Филиппов — по крестьянскому вопросу, кн. Н. В. Голицын — по юности и отрочеству Александра Николаевича, и Лаппо-Данилевский — по общему плану работ, хотя и он, временно, в Англии. Всё остальное дремлет. Потому я опасаясь, что вряд ли все намеченное будет кончено в срок, но могу тебя заверить, что я их всех подтяну à та façon и что все же справлюсь, если буду здоров и жив, с возложенным тобой поручением. Что касается медали, то здесь дело идет хорошо, так как к осени 1917 года будут тебе представлены все проекты и модели, которые поручены 4-м самым замечательным художникам и архитекторам. Директор монетного двора поставил осень 1917 года крайним сроком для изготовления медали и ручается за образцовую работу и художественное исполнение.

Остается, как всегда, вопрос финансовый. Расходы будут вообще велики, но Барк об этом предупрежден и уже принял к сведению мои заявления. Вот и все, что пока могу сообщить. Позволяю себе выразить твердую надежду, что, с выступлением Румынии и при успехах наступления армии генерала Серрайли ²⁾, будет время окончательного поворота успеха в сторону России и ее союзников. Ничего вечного на земле нет, и война должна будет когда-нибудь прекратиться. Лишь бы мы и союзники во

¹⁾ Французский посол в России, автор известных мемуаров, где он неоднократно упоминает и о в. к. Николае Михайловиче. Последнего Палеолог называет своим «другом»; но, вероятно, французский посол не знал, какого мнения был о нем в. к. Николай Михайлович. Надо заметить, что даваемая последним характеристика Палеолога представляется довольно меткой: по крайней мере, салонными сплетнями и болтовней переполнены и написанные Палеологом мемуары.

²⁾ Французский генерал, начальник армии «союзников» в Салониках.

время всех переговоров, как предварительных, так и последующих, действовали дружно, обдуманно и не делали никаких сантиментальных уступок.

Пожелав тебе от всего сердца дальнейших успехов нашего оружия на всех фронтах, да хранит тебя господь.

Весь твой

Николай М.

X.

20 августа 1916 г.

Позволяю себе возобновить в твоей памяти мой доклад 3-го декабря 1912 года, по возвращении из Румынии, так как в настоящее время она выступила с нами, и цель моей поездки не пропала даром! Мои записи сделаны по-французски¹⁾.

Беседа с королем.

Мой нейтралитет возможен, потому что я всегда вспоминал с чувством живейшей благодарности покойного императора Александра II, когда наши войска действовали совместно²⁾. Но, как Гогенцоллерн, я никогда не мог бы поднять меч на Германию, — это исключено. Союз и тесная дружба возможны между Румынией и Болгарией, но никакого соглашения не может быть с Сербией и, в особенности, с Грецией.

Я решительно против балканской федерации, в какой бы то ни было форме.

Беседа с председателем совета министров Тито Майореско.

Высказывается неопределенно.

Допускает возможность нейтралитета. Хотел бы оставаться совершенно в стороне. Против балканской федерации, которую считает опасным соглашением, могущим породить в стране беспорядки и революционные стремления. Хотел бы оставаться на дружеской ноге с тремя непосредственными соседками Румынии — Россией, Австрией и Болгарией — и сохранить полную свободу действий.

¹⁾ Даем в русском переводе. Подлинный, французский текст — в примечаниях.

²⁾ Во время русско-турецкой войны 1877—78 г.г.

Беседа с Таке Ионеско¹⁾.

Более широкая точка зрения, чем у председателя совета министров. Не хотел бы прежде чем дать какие-либо обязательства России, с целью согласования с ее планами политики Румынии, задевать Австрию, которую считает в положении «полного развала и в состоянии чрезвычайной нервозности». Надо очень щадить щепетильность старого короля, принимая во внимание его возраст и состояние здоровья.

Мое примечание. Умен, деятелен, фальшив, но большой личный друг Кидерлен-Вехтера²⁾.

Первая беседа с лидером оппозиции Братиано.

Сурово критикует политику нынешнего кабинета и короля.

Желал бы, чтобы Румыния заняла определенную позицию, повела более действительную политику и категорически заявила о своих требованиях. Полагает, что надо непременно вступить в балканскую федерацию, «перешагнув через такие пустые препятствия», как нелюбовь короля к Сербии и всей страны — к Греции.

Мое примечание. Широкая точка зрения человека, чувствующего, что наступает его время, когда он возьмет власть в свои руки. Уважает монарха, но жалеет, что он так поддается внушениям из Берлина и Вены.

Вторая беседа с Братиано.

«Страна сумеет найти выход из настоящего запутанного положения, перешагнув через личности». Третьего дня, как акт вежливости, визит Конрада фон Гетцендорфа³⁾ с письмом от императора Франца Иосифа, на которое король Карл ответил, что он готов поддержать всякое мирное решение. «Нас хотят заставить примкнуть к тройственному союзу, даже с оружием в руках, не предоставляя нам при этом каких-либо выгод, в особенности, если Австрия получит то, чего она желает».

В дальнейшем Братиано дал мне смутно понять, что, если Россия начнет войну с австро-германцами в благоприятных для нее условиях, т.-е. совместно с Францией и Англией, то на стороне

¹⁾ Лидер партии «консерваторов — демократов», тогда министр внутренних дел.

²⁾ Статс-секретарь по иностранным делам в Германии.

³⁾ Тогда был инспектором австро-венгерской армии.

русских будут бесспорно симпатии большинства румын, но не старого короля, который, даже в случае крупных успехов будет сочувствовать славе Гогенцоллернов.

Я спросил: «А если, в один прекрасный день, вы окажетесь во главе правительства, попытаетесь ли вы получить Бессарабию»? После минутного молчания он ответил: «Вы шутите, ваше императорское высочество. Даже в качестве пламенного румынского патриота я не могу желать невозможного. Во всяком случае, очутившись у власти, я выдвину прежде всего вопрос о Трансильвании, и сделаю все от меня зависящее, чтобы сблизиться с Россией. Но, повторяю вам, с нынешним королем это будет очень трудно... а с его преемником... можно будет столкнуться... Больше, увы, я ничего не могу вам сказать». Я спросил: «Могу ли я повторить это моему государю?» — «Если вы очень настаиваете на этом — да; в противном случае — лучше этого не делать!»

Мое заключение. Общее впечатление: Румыния не хочет решиться на что-либо определенное; все симпатии ее короля на стороне Германии, и он этого не скрывает; все политические деятели — фальшивы; Братиано кажется мне незаурядным человеком. Это фигура.

Весь твой

Николай М.

Копия депеши Братиано из Бухареста 17 августа
1916 г.

На мое поздравление с выступлением Румынии Братиано ответил:

«Прошу ваше императорское высочество принять выражение моей почтительнейшей благодарности за присланную мне телеграмму. Я вижу в ней новое и яркое доказательство того высокого расположения, которым вы не перестаете дарить меня с 1912 года.

Доверие, оказанное мне вашим императорским высочеством во время последних событий, послужило для меня могучей поддержкой и драгоценным ободрением.

Жан Братиано».

Р. С. Третьего дня Николай ¹⁾ греческий и поверенный в делах Панас объезжали все посольства, требуя, по поручению короля

¹⁾ Принц Николай греческий, брат короля Константина, приезжавший в Петроград хлопотать о защите правительства короля от требований держав «согласия», добивавшихся, чтобы Греция примкнула к войне.

Константина, немедленного отзыва из Афин Демидова, Эллота¹⁾ и Guillemain. Нахальство невероятное! Им ответили, что лучше бы король убрал Займиса²⁾.

Что меня поражает — что англичане и французы уже давно спавили Андрея³⁾, а что этот, уезжая уже, вернулся снова из Финляндии и интригуется здесь во-всю. Конечно, эти интриги слишком прозрачны, но напрасно волнуют общественное мнение. Я его, к счастью, не встречал.

XI.

27 августа 1916 г.

Глубоко тронутый твоими дорогими строками, осмеливаюсь представить некоторые дополнительные соображения по затронутым в письме вопросам.

Вполне согласен с тобой, что Австрия была зачинщицей войны, что все последние годы ее политика была коварна и подла и что она шла на буксире Германии. Следовательно, она вполне заслужила должное возмездие, и ее расчленение было бы обосновано, как логическое последствие ее двойственной политики. Но, насколько Германия была подготовлена к войне, все взвесила, все обдумала до мельчайших подробностей, настолько Австрия была взята врасплох и только слабо могла поддержать свою мощную союзницу, особенно за период 1914 года войны.

Когда немцы стали хозяйничать в Вене и забрали в свои руки все военное дело, Австрия временно оправилась в течение 1915 года, а теперь снова оказалась накануне общего развала и полной дезорганизации. Оно и неудивительно, так как трудно было германцам оживить уже давно разлагающийся труп. Потому, если Австрия и заслужила быть расчлененной, против чего я вовсе и не возражаю, то рядом с этим нельзя делать поправки немцам и дать им опять возможность что-нибудь заработать в мутной воде. Ведь первой задачей будущего явится общее требование всех союзников ослабить Германию всеми способами настолько, чтобы впредь она больше не могла угрожать миру Европы. А как этого добиться, если она сохранит полностью

¹⁾ Посланники в Афинах: Демидов — русский, Эллот — английский, Гильмен — французский.

²⁾ Займис — председатель греческого кабинета министров, в начале сентября 1916 года ушедший в отставку под давлением держав «согласия».

³⁾ Греческий принц, брат Николая, хлопотавший во Франции и Англии о защите короля Константина.

все свои владения, лишившись, может быть, только Эльзаса и Лотарингии? Правда, колония она потеряет, но Германию надо уязвить в корне, и если с Австрией хотят покончить, то и ее необходимо обезвредить. Вряд ли англичанам удастся лишить Германию всего военного флота, добиться уничтожения крупшовских заводов и, если эти требования окажутся неисполнимыми, то, по моему разумению, ее надо именно обрезать территориально со всех сторон. Потому я и допускал возможность вознаграждения Австрии насчет Германии, но не немцев во вред уже оголенной Австрии.

Есть еще другой симптом, на который следует обратить внимание теперь уже, чтобы впоследствии не было недоразумений между союзниками во время мирных переговоров. Уже раньше меня поражало благожелательное отношение англичан, и в частности Бьюкэнена, к Болгарии, а теперь это стало выражаться в более определенной форме. Если вообще англичане только считаются со странами, имеющими выходы к морям, что и есть преимущество Болгарии, то теперь явилась другая еще пота — привлечь болгар на сторону союзников¹⁾. Это уже не скрытое желание, а явное стремление выгородить именно болгар во вред прочим балканским народностям, и особенно несчастной Сербии, у которой нет нигде выходов к морю. Надо, значит, учесть заблаговременно эти английские тенденции, чтобы не дать им развиться и чтобы ко времени мирных переговоров не вышло бы неожиданного конфликта. Если советник посольства Линдлей осторожно только намекает на желательность щадить Болгарию, то добродушный Бьюкэнен только и говорит об этом за последние недели. Ни французы, ни итальянцы не поддаются на эту удочку, но было бы желательно теперь же отрезать и поплавок.

Вот те немногие соображения, которые мне пришли на ум при внимательном чтении твоего письма, мысли которого en gros я вполне разделяю.

У нас второй день началось «бабье лето»; пора, так как дожди шли не переставая со дня моего возвращения из Грушевки.

Весь твой

Николай М.

¹⁾ Такой вопрос возникал в августе 1916 г. (в связи с вступлением в войну Румынии) и в русском правительстве; но было признано невозможным входить в какие-либо сношения с царем Фердинандом.

17 сентября 1916 г.
Петроград.

Пишу по интересному вопросу, в связи с данной мною научно-исторической командировкой д. ст. сов. Папкову ¹⁾ в Стокгольм. Он пробыл в Швеции несколько месяцев, работал во всех архивах, и, при теплом участии Неклюдова ²⁾, закончил свое поручение блестящим образом.

Собранный материал касается донесений шведского посланника в Петербурге в царствование имп. Екатерины II, Павла I и Александра I. Этот посланник, известный Штединг (Stading) писал интереснейшие донесения, которые будут напечатаны в нашем Историческом Сборнике, начиная с зимы сего года, и займут 6 томов.

Считаю это приобретение материалов—как неожиданный исторический клад, особенно в виду наших полунатянутых отношений со Швецией.

Сей Папков, человек уже немолодой, состоит членом ученого комитета министерства народного просвещения, и лицо весьма подходящее не только для данной мной ему работы, но и как желательный будущий член нашего общества. Живя в Швеции и наблюдая за всеми происходящими там течениями, Папков представил мне обширный доклад, настолько обстоятельный и толковый, что я его передал товарищу министра внутр. дел Степанову, который меня благодарил за интересную присылку.

Теперь тот же Папков желает образовать маленький кружок лиц из русских, которые незаметно и исподволь могли бы оказать благотворное влияние на шведское общество. Это изложено подробно в приложенной к моему письму записке. Его прикомандирование к русской миссии в Стокгольме, на которое уже изъявил свое согласие Неклюдов, будет проведено на-днях бароном Таубе в министерстве. Остается, как всегда, вопрос денежный. Если ты мог бы помочь в половинном размере, т.-е. отпустить мне 3.500 рублей, то остальную половину я с удовольствием взял бы на себя из испрашиваемого расхода в 7.000 рублей.

¹⁾ А. А. Папков служил в «стате-секретариате великого княжества Финляндского».

²⁾ Русский посланник в Швеции.

На-днях я пришлю тебе подробную другую записку, написанную мною по вопросу о будущих мирных переговорах и о тех подготовительных мерах, которые мне кажутся полезными провести, не теряя дорогого времени ¹⁾. Надеюсь, что она заслужит твоего одобрения.

Мы здесь поглощены японцами ²⁾; завтраки, обеды чередуются непрерывно, но видно, что оказанный им всюду радужный и теплый прием их трогает и льстит их заморскому самолюбию. Что касается меня, то я все исполняю, но неавидя, как тебе известно, церемонии, страдаю и теряю вдохновение, а потому и записка моя еще не закончена до отлива японских лобызаний.

От всей души обнимаю тебя и молю всевышнего об успехах на полях брани и внутри России.

Весь твой

Николай М.

ХIII.

21 сентября 1916 г.

Вдумываясь все больше о вопросе будущих мирных переговоров, а главное предварительных работ, где все должно будет взвешено и учтено, я позволяю себе доложить еще следующие соображения.

Если война еще продолжится, скажем, год времени, то, тем не менее, надо подготовиться к конференции теперь же. Как это осуществить на деле? Полагаю, что хорошо бы было создать вневедомственную комиссию, из лиц по твоему выбору, которым дать вполне точные указания, осведомить их со всеми предыдущими соглашениями и договорами между союзниками и немедленно приступить к занятиям. Комиссия эта должна одновременно исследовать исторический, географический и особенно этнографический ход событий и ознакомиться со всеми подробностями научной техники сложных международных вопросов будущего.

Если бы выбор председателя такой комиссии пал бы на меня, то я ручаюсь закончить дело с успехом и с таким расче-

¹⁾ Под именем «записки» разумеется, повидимому, следующее далее письмо, написанное 21-го сентября 1916 года.

²⁾ Говорится о специальном японском посольстве, приезжавшем в Петроград, во главе с принцем Котохито Канин, в ответ на посещение японского микадо в. к. Георгием Михайловичем. Последний в декабре 1915 г. был отправлен в Японию под предлогом поздравления японского микадо; главною же целью поездки было выяснение разных вопросов относительно изготовления японцами боевого снаряжения для русской армии.

том, чтобы не попасть врасплох ко дню окончания военных действий. Но при выборе членов комиссии надо считаться со сложными обстоятельствами и с обстановкой внутри России, где доверие вообще к правительству более чем подорвано. Поэтому было бы желательно приобщить к делу и занятиям комиссии таких лиц, которые по своему общественному положению вселяли бы доверие не только тебе одному, но и вообще большинству твоих подданных. Не надо забывать, что и ответственность членов комиссии будет велика и перед тобою, и перед родиной.

Такая комиссия, по моему убеждению, должна быть замкнутой и состоять из ограниченного числа членов. Смеею предложить—из состава Государственного Совета Самарина ¹⁾ и Наумова ²⁾, двух бывших министров, но людей порядочных, высокочестных и любящих Россию—оба они люди вполне независимые; а из Государственной Думы—Шульгина и Н. Н. Львова, пользующихся доверием сочленов по Думе и вполне благородных по своему характеру. Первый—националист, второй—группы независимых депутатов. Все четверо тебе лично известны, но не ведаю, насколько они тебе симпатичны. Если к такому составу добавить одного военного, одного моряка, одного финансиста и одного дипломата (например, князя Григория Трубецкого ³⁾ или П. Н. Шебеко ⁴⁾, то девяти (9) членов достаточно для плодотворной работы.

Во Франции и Англии такие подготовительные комиссии давно уже действуют, и особенно удачно идет работа у французов по инициативе Бриана и под его руководством.

Теперь несколько слов о том, как я себе представляю ход работ в комиссии, а также роль министра иностранных дел и отношения комиссии с ним. Должно стремиться к единству работы, и необходимо, чтобы министр проникся убеждением, что комиссия есть только временный, вспомогательный орган, а не враждебное для него учреждение. Только при такой постановке вопроса я согласился бы стать членом или председателем означенной комиссии.

¹⁾ Бывший обер-прокурор Синода; состоял в должности с 5 июля 1915 г. по 27 сентября того же года, когда был уволен по воле Распутина и А. Ф. Романовой.

²⁾ А. Н. Наумов был ранее министром земледелия.

³⁾ Кн. Г. Н. Трубецкой состоял вице-директором 1 департамента министерства иностр. дел.

⁴⁾ Н. Н. Шебеко до войны был послом в Австро-Венгрии.

Если вообще ты признаешь образование вневедомственной комиссии желательным, то она должна быть негласной, т.-е. без опубликования в «Правит. Вестнике» указа об ее возникновении, а согласно твоего устного распоряжения, — конечно, через министра иностранных дел.

Если высказанные мною мысли по созданию такой комиссии заслужили бы твое одобрение и ты поручил бы мне вести это дело, то я попросил бы, в качестве секретаря, иметь при себе лицо, с которым я привык заниматься, например, член имп. истор. общ. князь Н. В. Голицын или профессор А. С. Лаппо-Данилевский.

Собрания комиссии могли бы происходить у меня во дворце, где и был бы сосредоточен весь необходимый архив для работ.

Возможно, что повторение моих забот о скорейшем осуществлении какого-либо органа или комиссии для приготовления материалов для мирных договоров ты найдешь назойливостью с моей стороны. В таком случае прости меня великодушно, ибо, что у кого болит, тот о том и говорит. *Arrivé à l'âge, plutôt avancé de presque 58 ans, on change difficilement et j'implore, Sire, Votre indulgence, mais je sais que Vous me connaissez assez pour me pardonner mes entraînements pour une cause sacrée — celle de la grandeur et du bien-être de notre chère Patrie¹⁾*. От волнения заболтал по-французски, как дипломат эпохи Александра I и Наполеона!

Японцы благополучно отбыли, унося с собой наилучшие впечатления отовсюду.

Дополню еще некоторыми подробностями писанное раньше. Военным членом комиссии был бы очень подходящим генерал Беляев²⁾, хорошо обо всем осведомленный и ныне вполне свободный; из моряков не знаю, кто тебе более симпатичен — адмирал Русин³⁾ или адмирал Муравьев⁴⁾; что же касается финансиста, то Барк, вероятно, рекомендует Феодосьева⁵⁾, прежде ездившего с ним за границу.

¹⁾ Перевод: «Достигнув более, чем зрелого возраста, почти 58 лет, трудно измениться, и я умоляю вас, государь, о снисхождении, но мне известно, что вы меня достаточно знаете для того, чтобы простить за мое страстное отношение к священной для меня идее величия и процветания нашей дорогой родины».

²⁾ Начальник штаба петроград. военного округа; с 3 января 1917 г. состоял военным министром.

³⁾ Начальник главн. морского штаба.

⁴⁾ Начальник гл. управления кораблестроения и снабжений.

⁵⁾ Товарищ министра финансов; позднее (с 30 ноября 1916 г.) — государственный контролер.

Все девять членов в комиссии были бы коренными русскими: Самарин, Наумов, Шульгин, Львов, князь Григорий Трубецкой, ген. Беляев, адмирал?? и Феодосьев, а только у меня одного течет немецкая кровь, но ее охлаждение и полнейшее притупление шло с самой моей колыбели.

Прилагаю коротенькую схему тех вопросов, которые пришлось бы разбирать проектируемой мной комиссии.

1) Что полезно приобрести России в Европе и на Востоке, а что вредно в земельном отношении? Выгоды экономические, политические и социальные. Способы управления вновь приобретенными землями.

2) Какие виды наших союзников: Франции, Англии, Италии и Японии на их земельные приобретения?

3) Как помочь территориальному восстановлению Сербии, Черногории и Бельгии?

4) Польша???

5) В связи с приобретениями в Малой Азии — постановка армянского вопроса.

6) Дальнейшая судьба Персии.

7) Что обещано Румынии?

8) Как поступить с Болгарией?

9) То же самое с Грецией.

10) Видеи нашего правительства и союзных держав на расчленение Австрии.

11) Те же вопросы относительно Германии.

12) Военные и морские вопросы.

13) Будущее в связи с Гаагской конференцией, и как понимать международные права после «клочка бумаги» (*chiffon de papier*) Бетмана-Гольвега.

14) Оккупация союзными войсками вражеских стран до исполнения всех пунктов мирного договора.

15) Вопрос о контрибуциях и финансовая сторона дела.

16) Должна ли будущая мирная конференция состоять только из держав согласия или работа должна наладиться совместно с вражескими государствами: Германией, Австрией, Болгарией и Турцией?

17) Что выгоднее для нас и для наших союзников?

Вот приблизительно те главные вопросы, которые придется обсудить подготовительной комиссии. Личность министра иностранных дел здесь не при чем, — лишь бы, кто бы он ни был, но проникся мыслью пользы дела и не смотрел на работающих,

как на врагов. Из указанных 8-ми фамилий я особенно ценю бы сотрудничество трех: Шульгина, Н. Н. Львова и князя Григория Трубецкого; на остальных я не настаиваю, но, например, генерал Беляев, хотя не умен, но осведомлен, Самарин тоже не орел, но ценим Москвой, Наумов мне лично симпатичен. Ты видишь, что я вполне откровенен, но, при нынешнем безподьи, ищешь благородных сынов родины, русских по духу, честных, бескорыстных и не политиканов.

Сознаюсь, что за последнее время я даже устал, много чего перечитал и все занят этими мыслями; поэтому хотел бы отдохнуть, хоть на недели две, погреться, так как здесь слякоть и холода настали ранее обыкновенного. Вероятно, в конце месяца поеду в Крым к Ксении, заехав, может быть, в Киев на день или на два.

Еще раз извиняюсь за назойливость.

От всей души твой

Николай М.

Письма в. к. Михаила Михайловича ¹⁾).

I.

30 ²⁾/12 августа 1914 г.
Лондон.

Мой дорогой Ники,

После объявления войны я хотел немедленно тебе написать, но я все ждал случая, с каким верным лицом я мог бы тебе послать письмо. И вот, наконец, представился случай: сегодня вечером уезжает обратно в Петроград ген. - м. Меллер (в отставке), которого брат Сергей ³⁾ сюда прислал с разными поручениями.

Я, конечно, тебе мог бы послать письмо с твоим братом Мишей ⁴⁾, но, к сожалению, я его совсем не видел и решительно ничего не знал об его отъезде в Россию. Как я тебе уже телеграфировал, я страшно рвусь возвратиться в Россию в такую святую для всех нас, русских, минуту, и я был бы более чем

¹⁾ Автор этих писем в 1891 г. вступил, без разрешения царя, вmorganaticкий брак (с графиней Меренберг), вследствие этого был исключен из службы и жил постоянно за границей.

²⁾ Июля.

³⁾ В. к. Сергей Михайлович, состоявший главным начальником артиллерийской части.

⁴⁾ В. к. Михаил Александрович.

счастливы и горд иметь великую честь быть неотлучным при тебе. Но мне нужно тоже было весьма серьезно подумать и обдумать мой святой долг по отношению к моей жене и моим детям, для которых я исключительно жил в продолжение этих 22-х лет, и взвесить, что, если бы я их оставил одних и так далеко от России, и случись что-нибудь со мною, они очутились бы одни на улице. В виду этого я и решился тебе телеграфировать, что моя совесть мне не разрешает их оставить.

Кроме того, будь я теперь в рядах армии, конечно, это было бы моим святым долгом немедленно возвратиться, но, к моему великому горю, я оставил действительную службу вот уже 22 года и в виду этого, к великому сожалению, я не мог бы быть полезным в поле и получить какое бы то ни было назначение в действующей армии.

Ты вспомнишь, когда мы оба служили в 1-й гв. пех. див., как я обожал военную службу, каким ярким военным я был, и какая военная карьера у меня лежала впереди; но много воды утекло с тех пор и, к великому моему горю, вот в какое положение я теперь поставлен. Ты поймешь, как я нравственно должен страдать, как я вечно горюю и душою болею не быть с тобою и сколько слез я проливаю.

Я никогда в жизни не допускал возможности, чтобы знаменитый Kaiser ¹⁾ осмелился бы тебе послать ultimatum и затем объявить войну России. Какой он мерзавец, нахал, наглый обманщик и бесчестный человек! Как он так и все немцы только показали и доказали всему миру, какие они бесчестные люди и варвары. Волосы дыбом становятся, когда читаешь о всех их варварствах. Вот эта первая, цивилизованная страна!

Один только единогласный голос звучит по всей вселенной, что нужно, как следует, наказать и доканать этих знаменитых немцев. А мерзавца Kaiser нужно было бы поймать и отправить на вечную каторгу на Сахалин. Я воображаю, как ты лично должен быть разозлен против него.

Слава богу, что у нас начало такое хорошее, как в Восточной Пруссии, так и, в особенности, в Галиции, где мы одержали такую блестящую победу под Львовом и продолжаем все еще так блестяще бить врага. Ура нашей доблестной, победоносной и непобедимой армии! Царство небесное всем храбрым воинам,

¹⁾ Кайзер — Вильгельм II.

положившим свой живот за веру, царя и отечество! Дай бог нам добрый час и поскорее победоносно вступить в этот проклятый Берлин и на веки веков покончить с ним и пруссаками. Дай бог тоже полного успеха французам и англичанам, которые, повидимому, дерутся отлично, и в особенности англичане. Подъем духа здесь замечательный, все рвется на войну, и в один месяц Lord Kitchener ¹⁾ завербовал 440.000 рекрутов.

Ты вероятно слышал, что все в Англии вполне убеждены, что из Архангельска идут десятки тысяч наших войск, которые высаживаются в Шотландии и затем, через Англию, идут во Францию. Несмотря на то, что Бенкендорф ²⁾ и я — мы говорим, что это чистейшая ложь, их не разубедишь, и все вполне уверены, что наши войска уже во Франции и на своих местах. Все этим страшно рады и надеются на нашу помощь. Я очень часто Georgy (короля) ³⁾ вижу, и мы с ним много беседуем о ходе общих военных действий.

Я тебе столько еще мог бы написать разных интересных вещей, но (не) смею отнимать у тебя дорогого времени. Я страшно страдаю тем, что решительно ничего не знаю о расположении наших войск и кто командует армиями и корпусами, и был бы тебе несказанно благодарен, если бы ты мог приказать военному министру мне, по крайней мере, прислать список последних, что, конечно, дальше меня не пойдет. Для меня это было бы таким утешением.

Да пошлет господь бог нам полного счастья на всех путях и как следует окончить твое святое, предначертанное дело.

Georgy меня просил тебе передать «his love» ⁴⁾.

Крепко тебя обнимаю, целую ручку Alix и обоями, пожалуйста, твоих славных деток. Мысленно неразлучен с тобою. Да поможет и хранит тебя господь!

Горячо тебя любящий и твой верный Миша.

Р. S. По получении моего письма, будь так добр мне телеграфировать.

¹⁾ Китченер.

²⁾ Русский посол в Англии.

³⁾ Георг I, английский король.

⁴⁾ Буквально: «его любовь».

II.

Лондон.

3/18 декабря 1915 г.

Мой дорогой Ники,

Во-первых, от всей души поздравляю тебя еще раз с Георгием 4-й ст. ¹⁾. Давно уже об этом были неофициальные сведения в заграничных газетах, но я не смел тебя поздравить, пока сам прочел об этом официально в «Русском Инвалиде». Могу себе представить, с какою радостью и гордостью ты возложил этот дорогой белый крест на свою грудь. Когда я прочел в «Инвалиде» все подробности, как все это было сделано, и твою идеальную телеграмму ген.-ад. Иванову, у меня слезы радости и умиления так и текли. Могу только от себя прибавить, как старый кавказец и воспитанный моим незабвенным драгоценным покойным папа ²⁾ до глубины моих костей в старом военном духе, что, начиная от старейшего генерала до последнего солдата, все наши святые чудо-богатыри должны гордиться, видя своего возлюбленного царя и верховного вождя с этим белым крестом.

Мечта всей моей жизни была заслужить когда-нибудь этот священный крест, но с моим здоровьем, увы! мне его так никогда и не увидеть.

Посылаю я тебе это письмо с адм. Русиним и будь, пожалуйста, настолько милостив, по его получении мне телеграфировать.

Слава Богу, добрый час, повидимому, у нас все идет благополучно, и на фронте Рига—Двинск мы не только геройски отстояли все стремительные атаки и постоянный ураганный огонь, но сами понемногу все продвигаемся вперед; так и на остальных наших фронтах.

Но, повидимому, германцы опять что-то предпринимают серьезное на нашем северном фронте. Да поможет тебе господь, чтобы все благополучно кончилось. Слава богу, что питание снарядами у нас сделало такой шаг вперед, и дай бог только, чтобы пополнение армии винтовками шло бы быстрее. Тебе, конечно, известно лучше, чем кому-либо, как винтовки вообще трудно достать и изготовление их сколько требует времени.

Мы все здесь из кожи лезем помочь этому делу, но это не легко. Адмирал Русин, которого я видел несколько раз,

¹⁾ Николаю II за военные «подвиги» был присужден «кавалерской думой» орден Георгия.

²⁾ В. к. Михаил Николаевич.

кажется совсем доволен всем тем, что он здесь видел и что ему было обещано.

Ген.-м. Гермониус (который представитель здесь для всех наших заказов в Англии, Сев.-Ам. Соединенных Штатах и Канаде) неделю тому назад вторично выехал в Америку, чтобы привести все в порядок. Это самая трудная страна по заказам, благодаря постоянным обещаниям и обманам.

Я сам тружусь и стараюсь, насколько могу, приносить посильную пользу, в особенности, когда я был поч. председ. русско-англ. комитета, где работа была крайне интересной и приносящей громадную пользу. Для меня было большим сюрпризом, страшным ударом и большим разочарованием, когда теперь, около месяца тому назад, вдруг ген. Ермолов в один прекрасный день мне говорит, что он получил депешу из военного министерства, сообщающую, что наш комитет уничтожен, и, вместо него, приказано основать новый, под председательством ген. Гермониуса, и ему в помощники ген. Рубан. Я ему на это ответил, что это меня крайне удивляет и что мне об этом ничего не известно. В этот же день я обедал у гр. Бенкендорфа, который кормил адм. Руссина и его миссию.

После обеда Бенкендорф взял меня в сторону и мне рассказывает, что он только что узнал от ген. Ермолова¹⁾ об уничтожении нашего комитета, чем он был крайне изумлен и оскорблен, и прибавил, что он никаких приказаний не принимает, исключая, если он на это получит прямо приказание от Горемыкина или Сазонова, и тем более, что я был утвержден на моем месте твоею волею и что таким образом не поступают. Я хотел немедленно тебе об этом телеграфировать, выразив тебе изумление мое и прося тебя, как мне действовать, но телеграммой такой трудно изложить все подробно и ясно и, кроме того, Бенкендорф просил меня подождать с моей депешей, пока он сам всего не узнает. Хотел я также немедленно тебе об этом написать, но не было верной okazji.

Тем более все это мне страшно больно потому, что несколько месяцев тому назад, описывая тебе подробно, как дело здесь поставлено и работа идет, я осмелился тебе выразить мое мнение, как следовало бы поставить дело для быстрой работы и подвинуть работу вперед, и умоляя тебя меня назначить во главе всего для общей пользы дела и чтобы все было чисто, честно и пре-

¹⁾ Русский военный агент в Великобритании.

дупреждать какие бы то ни были злоупотребления, которые могли бы быть, прося при этом мне дать в помощники ген. Гермониуса. Но, к великому сожалению, ответа на мою усердную просьбу от тебя я не получил, а теперь я вижу, к моему глубокому прискорбию, что меня просто совсем отстранили и об этом не потрудились даже меня предупредить. Душа моя очень скорбит этим, так я жаждал, по крайней мере, принести этим тебе и моей дорогой родине мою посильную пользу, а теперь у меня почти нет никакой работы.

Буду несказанно тебе благодарен и сообщи мне, пожалуйста, по твоей ли воле я уволен, а если нет, то ради бога назначь меня во главе всего здесь и мне в помощники ген. Гермониуса, за что буду низко кланяться тебе в ноги, и для меня это будет большим душевным успокоением.

Прости меня тебя с этим тревожить, но я должен знать всю правду, так как так часто злоупотребляют твои высочайшие повеления ¹⁾.

При проезде ген. Жилинского ²⁾ в Париж, я его видел, долго с ним беседовал, и он был весьма интересен.

Я часто вижу Джоржи (короля), имеем с ним всегда крайне интересные разговоры. Я был у него последний раз несколько дней тому назад и долго с ним гулял в саду; он до сих пор еще с трудом ходит, несмотря на то, что его падение было уже 6 недель тому назад. По этому ты можешь сам судить, что приключение с ним было гораздо серьезнее, чем газеты об этом писали.

Он мне сам рассказывал, что, когда он лежал под лошадью и та на нем валялась, он был совсем убежден, что он будет раздавлен до смерти. Он, несчастный, много перестрадал. Вообще все здесь смотрят очень спокойно на все положение дел, с полной верой, что все союзники вместе, в конце концов, будут победителями, но относятся с большим пренебрежением, отвращением, негодованием и с недоверием к Греции и Румынии. Действительно, поведение их всех непростительное и предательское.

¹⁾ Так в подлиннике.

²⁾ Начальник генерального штаба, затем главнокомандующий армией сев.-зап. фронта; после неудачных операций на севере в 1915 г. был смещен, а после этого назначен представителем русского командования во Франции (при ген. Жофре).

Набор рекрутов по схеме лорда Дерби¹⁾ идет очень успешно, и молодец Китчер, который из ничего довел теперь армию до 4-х миллионов.

Меня возили недавно показывать самый большой лагерь немецких военнопленных. Было крайне интересно, я застал там 3.170 человек. Было смотреть досадно, как их всех балуют. Меня всего более поразило, какая у них образцовая дисциплина и какие все отвратительные рожи—убийца на убийце. Мне они все были до того противны, что я почти ни с кем из них не говорил. Наши военнопленные все более и более сюда прибывают, и через наши руки здесь уже прошло 225 человек; большинство все из сиб. стр.²⁾ полков, народ все чудный; все они рассказывают ужасы про свое пленение. Здесь всюду очень популярно, что Ген. Френч³⁾ сменили и что на его место назначен Sir Douglas Haig, который пользуется всеобщей большой популярностью.

Я мог бы тебе еще целые тома написать, но, не смея затруднять тебя и отнимать у тебя твоего золотого времени, кончу на сегодня этим мое послание.

Пожелав тебе полного здоровья, ради бога не переутомляй себя только снпшком, твоя драгоценная жизнь нам всем слишком дорога, и дай бог тебе со всеми твоими святыми чудо-богатырями полного успеха на всех фронтах и скорейшего изгнания убийц из пределов матушки России. Да поможет тебе господь и хранит тебя на всех путях!

Нежно тебя обнимаю и мысленно я неразлучен с тобою. Целую ручки Аликс и обнимаю твоих чудных деток от меня. Как прелестно, что ты всюду с собою берешь твоего сынка, и воображаю, как это популярно в войсках.

Горячо тебя любящий и твой верный

Миша.

¹⁾ Лорду Дерби была поручена в октябре 1915 г. организация пополнения английской армии добровольцами. Но, в конечном итоге, эта мера не оправдала всех возлагавшихся на нее надежд, и в 1916 г. был издан закон о принудительной военной службе.

²⁾ Сибирских стрелковых.

³⁾ Ген. Френч состоял главнокомандующим английскими войсками, отправленными на французский фронт; его сменил упоминаемый далее ген. Хейг.

III.

Лондон.

14/27 января 1916 г.

Дорогой Ники,

Посылаю я тебе это письмо с полковником Николаевым, помощником военного агента генерала Ермолова, с которым я совместно работал с самого начала войны.

Этот человек во всех отношениях исключительный: он очень работающий человек, очень выдержанный, с громадным тактом, и человек, на которого можно вполне положиться, так что для нас это будет незаменимая потеря. Он назначен военным агентом в Вашингтон и уезжает завтра на несколько дней в Петроград, куда его вытребовал военный министр. Я тебе буду несказанно благодарен, если ты его примешь, чего он вполне заслужил, и, кроме того, тебя будет, вероятно, очень интересовать все, что здесь происходит, и как наша общая работа здесь идет.

От всей души благодарю тебя, что ты меня назначил почетным председателем русско-правительственного комитета, что меня весьма обрадовало, глубоко тронуло и, благодаря этому, я имею теперь очень интересную работу и могу работать на пользу моего горячо любимого царя и дорогой родины.

Сегодня наш комитет будет как раз заседать в первый раз, а в первый потому, что ген. Гермунус был в отсутствии 2 месяца в Америке, только что вернулся, а без него я не хотел заседать, так как он весьма полезное и ответственное лицо. Своей поездкой в Америку он остался очень доволен и поставил все, наконец, на твердую ногу.

Всевозможные заказы, сделанные нами еще 6 месяцев тому назад и больше, начинают только теперь действовать; вот какое было запоздание, но слава богу, что по крайней мере теперь все устроено.

Я очень часто бываю у лорда Китчнера и имею с ним всегда весьма интересные разговоры. Считаю своим долгом тебе сообщить две главные вещи из последних разговоров: во-1-х, относительно Архангельска. Его весьма беспокоит, что, в виду того, что Архангельск замерз, ледоколы более не пробиваются и, благодаря этому, грузы отсюда более не могут идти, а на Владивосток слишком далеко; вывоз отсюда сделается невозможным, и английское правительство поставлено этим в совершенно безвыходное положение. Так как Англия желает нам

непременно помочь в железнодорожном деле, как в постройке 2-й линии из Архангельска, так и ветви из Колы, то я сказал Китчнеру, чтобы он непременно лично о всех этих предложениях донес лично тебе со всеми подробностями. По-моему, это было бы громадною помощью для нас, ускорило бы дело, и тогда, во всяком случае, мы будем вполне обеспечены в этом деле для будущей зимы.

Затем он говорил мне (но это, пожалуйста, совершенно только между тобою и мною) совершенно конфиденциально, что он лично считает, что война должна быть непременно доведена до конца в этом году и что решено у них на этом фронте во что бы то ни стало перейти в общее наступление, не обращая внимания, какие бы жертвы на это ни потребовались бы.

Что касается до французской армии, которая теперь в блестящем состоянии, его беспокоит то, что у них совсем более резервов нет, а контингент новобранцев, прибывающих в год, дает только 110.000 человек, и 16-й год уже призван.

То же самое относительно резервов у французов я слышал и от наших офицеров, которые принадлежат к миссии полковника ген. шт. Кривенко, пробывших с французами и англичанами около 5-ти месяцев. Когда они все представлялись президенту Poinsacé, то это он сам им всем высказал, прибавив что этот вопрос его очень беспокоит. Я всегда думал, что народонаселение во Франции не менее 45-ти миллионов, а на самом деле оказывается, что всего только 37 миллионов.

Я очень рад тебе заявить, что наша общая работа теперь здесь идет отлично, ничего лучше желать нельзя, как теперешняя организация, и что касается до Китчнера, так и правительства, то, кроме большого спасибо, от нас более ничего сказать нельзя. Они все без исключения прямо из кожи лезут, чтобы нам во всем помочь. Обед (завтрак), данный всем союзным миссиям недавно Lord Mayor в Mansion-House, отличался большим радушием и сердечием. Я также на нем участвовал. Все миссии in corpore обратились ко мне с просьбой от них всех сказать слово благодарности Lord Mayor, что я и исполнил и, кажется, моя речь была удачная, — по крайней мере все ею остались очень довольны. Это удивительно, что Китчнер имел талант и энергию создать из ничего армию силой в 4 миллиона. Честь и слава ему!

Georgy (короля) я не видел уже более месяца; он все еще в Sandringham, но, повидимому, он совсем поправился теперь.

Весь январь погода стоит совершенно теплая.

Аэропланы вот уже неделя, что начали опять показываться в разных местах Англии, так что мы все здесь ожидаем опять нашествия цешелинов.

От всей души поздравляю тебя и несказанно радуюсь последними победами геройской кавказской армии. Подумать, что мы уже под Эрзерумом. Что бы незабвенный и драгоценный папа сказал бы теперь и какая бы это была для него радость. Дай бог поскорее бы взять Эрзерум. Добрый час — повидимому, у тебя на всех фронтах идут успехи, и мы всюду понемногу движемся вперед. Желаю тебе от глубины души с твоими святыми чудо-богатырями такого же продолжения успеха и перехода в скором времени в общее наступление и громких побед.

Ради бога, береги себя, не слишком переутомляй себя и помни, как твое драгоценное здоровье нам всем дорого.

На сегодня должен кончить, так как у меня много работы и я должен передать это письмо полк. Николаеву. Так что до свидания до следующего письма. Пожелав тебе и твоим полного здоровья и полного счастья, нежно обнимаю тебя, целую ручки Алике и обнимаю твоих славных деток. Мысленно неразлучен с тобою. Да хранит вас всех господь бог.

Горячо тебя любящий и твой верный

Миша.

IV.

Лондон.
4/17 Июля 16 г.

Дорогой Ники,

К великому моему сожалению, мое письмо, отправленное с бедным покойным лордом Китчнером, погибло с ним ¹⁾.

Это было весьма подробное письмо, в 12 страниц, над которым я работал 3 дня, и очень много весьма интересного я тебе сообщал в нем о лорде Китчнере. Я крайне сожалею, что не сохранил копию письма.

¹⁾ Английский военный министр, фельдмаршал, погибший на пути в Россию 21-го мая 1916 г., на крейсере, взорванном германской подводной лодкой.

Смерть и гибель бедного Китчера была большая, неожиданная драма, всех страшно поразившая. Для меня лично это весьма чувствительная потеря, я его душевно любил, был его большим поклонником и глубоко его уважал и ценил. Я его так часто видел, и он ко мне всегда очень сердечно относился. Последний раз я его видел за 3 дня до его смерти. Он меня продержал около часа и, главное, говорил про свою поездку в Россию, спрашивая разные советы. Он очень радовался этой поездке, был очень к ней нетерпелив и жаждал увидеть нашу героическую армию. Он непременно хотел начать свою поездку с Архангельска, а я его умолял ехать прямо, но, к глубокому моему сожалению, мои убеждения не привели ни к чему.

Гораздо безопаснее ехать на Newcastle и Bergen, чем кругом на Архангельск. Не знаю почему, но было всюду убеждение, что ему ехать через Швецию опасно. Его смерть обратила всю страну в глубокий, сердечный траур. Это был человек во всех отношениях исключительный, и Англия потеряла в нем незаменимого человека. Что же касается России, он для нас также незаменим. Он Россию очень любил, всегда восхищался нашей героической армией, глубоко ее ценил и глубоко в нее верил. Он был нашим лучшим и вернейшим другом.

Как только что я узнал о трагической гибели бедного Китчера, я немедленно отправился к королю, к Asquith ¹⁾ и sir William Robertson (начальник штаба и правая рука покойного) и всех их застал в слезах; это были очень трогательные минуты. Служба заупокойная в соборе св. Павла была очень торжественная и трогательная. Весьма жаль и чувствительно, что во главе всей великобританской армии теперь никого нет и что его заместителем назначен не военный, а Lloyd Georges, и я боюсь, что этим самым картина по отношению к нашей армии как бы не изменилась.

Посылаю я тебе это письмо с ген. Романовским и очень надеюсь, что в этот раз ничего с ним не случится.

Как я тебе писал в моем погибшем письме, что причина, отчего я тебе так давно не писал, та, что я крайне осторожен в моем выборе лиц, которым я могу доверить мои письма к тебе, и такие случаи бывают очень редко.

Начну это письмо с того, что позволь мне тебя еще раз от всей души поздравить и выразить мне невыразимый восторг

¹⁾ Асквит — премьер-министр.

с громкими победами, одержанными твоими святыми чудо-богатырями, и с общим, весьма радостным, отрадным и поразительным успехом на нашем всем фронте и дай только господь бог, чтобы так и продолжалось. А что касается молодца Брусилова, (то он) с своим гигантским, с быстротой молнии, наступлением, поразила весь мир. Слава богу тоже, что герой Юденич опять творит такие чудеса. Благодаря бога, англичане и французы перешли тоже, наконец, в общее наступление, чем наше дело этим очень облегчено, и пока подвигаются они вперед молодцами, но надо надеяться только, что и дальше они будут продвигаться вперед с полным благополучием.

Под Верденом французы дерутся героями, и удивительно, как они его до сих пор не отдали. Я лично глубоко верю в господи, что до зимы мы, наконец, с немцами, убийцами, в этом году покончим. На это есть много вообще указаний, начиная с того, что резервов у них почти более не осталось, а с 1-го октября настойчиво уверяют, что их более совсем не будет, кроме новобранцев (набор которых дает в год не более 500.000). Затем военнопленные, которых здесь прошло через наши руки уже около 1.000 человек, все заверяют, что мужского населения более совсем не осталось, часовых всюду гораздо менее стало, и прежние громкие фразы — капут русс, француз и англичанин (как наши солдатики выражаются) совсем более не слышать, а только слышно теперь — капут сам немец. Все это очень утешительно.

Я недавно показывал королю и королеве в саду дворца 46 наших военнопленных, которыми они очень интересовались и много их через меня расспрашивали, и в конце смотра мы прокричали королю наше русское, громовое ура, что ему очень понравилось, и он остался вообще всем очень доволен.

Я тебе составляю подробный список всем военнопленным, прошедшим через наши руки, по полкам и сколько от каждой части, надеясь, что это может быть будет тебя интересовать.

Вчера король и королева посетили мой госпиталь, где я состою президентом, после чего заехали к нам на чашку чая. Я вижу часто короля, и мы с ним часто беседуем обо всем. Он теперь совсем поправился, но, по-моему, он ходит все еще несвободно.

Теперь находятся в Лондоне: министр Барк, ген. Беллев со своими офицерами и ген. Романовский со своими офицерами. Они все чрезвычайно интересны. Я их всех часто вижу и их всех кормлю у нас. Ген. Беллева я нахожу весьма интересным и сим-

патичным, а также Барка. Повидимому, вопрос займа подвигается вперед, и надо надеяться на благополучный исход.

Когда здесь были члены Гос. Совета и Думы, они были настолько любезны все у меня расписаться, после чего я им отдал визит in согроре, долго у них просидел и много с ними говорил¹⁾. Они все произвели на меня самое отрадное впечатление. По уму и по умению говорить, на меня произвели более всего впечатления Гурко²⁾, Шингарев и Милюков. Некоторые из них присутствовали несколько раз на нашем русско-правительственном комитете. Как все, так и я, мы все были очень довольны, что Дума осталась весьма довольна нашей общей здешней работой; они никак не ожидали, что у нас здесь столько работы, и они убедились, что центр всех заказов Лондон. Я их всех у нас здесь кормил, чем они кажется остались все очень польщены и довольны.

Недавно ген. Санюжников, который стоит во главе нашего Русского комитета в Америке и по всем там заказам, делал подробный свой доклад нашему комитету. Его доклад продолжался 3 часа и был весьма интересен, но, что ужасно грустно было слышать, — что все заказы до того запаздывают, и недостает денег, чем платить.

Мне весьма отратно, что я могу тебе сообщить, что работа здесь у нас кипит, все работают, как каторжники, все отлично теперь организовано и налажено, и надо надеяться, что мы приносим нашей святой армии теперь нашим снабжением по всем отраслям чувствительную пользу. Ген. Гермониусом я весьма доволен — он замечательный работник и труженик, а, по своим знаниям по артиллерийской части, он исключительный человек. В комитете у нас сидит 24 человека, а всех служащих не менее 300 человек, так что у нас здесь форменное министерство.

Теперь я хочу поделиться с тобою моей радостью — помолвкой моей дорогой душки Нады³⁾ с Джоржи Баттенбергским⁴⁾. Во-1-х, позволь мне тебя от всей моей души поблагодарить от имени моей жены и моего, что ты дал на них твое благо-

¹⁾ Говорится о так называемой парламентской делегации, посетившей летом того года Англию; председателем делегации был Протопопов.

²⁾ Гурко, Владимир Носифович, камергер, член Гос. Совета.

³⁾ Дочь Михаила Михайловича; по его жене — правнучка Пушкина.

⁴⁾ Принц Георг Баттенбергский — лейтенант английского флота, племянник Александры Федоровны Романовой.

словение, чем мы были глубоко тронуты. Джорджи во всех отношениях милейший мальчик, все его очень любят в семье, он отличный моряк и очень популярен во флоте. Твердо надеюсь, что он будет хорошим мужем и сделает ее вполне счастливой. Как я ни счастлив, но мне весьма больно и горько ее потерять, и я с боязнью жду момента, когда мне придется расстаться с моим ангелом. Очень отрадно видеть, как Louis и Victoria ¹⁾ счастливы этой свадьбой и как они нежно полюбили мою Наду. Они недавно провели у нас в гостях 5 дней. Мне несказанно жаль бедного Louis, что он потерял свой пост, что для него было страшным ударом, и до сих пор он еще этим очень потрясен. Жених и невеста до того друг в друга влюблены, что нам придется, кажется, разрешить свадьбу этой зимой. Слава богу, что, повидимому, король и королева, так и вся семья, довольны этой свадьбой, и все к нам очень сердечно отнеслись.

Обращаюсь к тебе со следующей самой сердечной и убедительной просьбой. Это относительно перевода мне денег. Мне переводят деньги 3 раза в год и, благодаря невозможному курсу, я теряю колоссальные деньги, не менее 30.000 руб. в год, что для меня более чем чувствительно. Кроме того, мой капитал, оставленный мне драгоценным папа, находится в Берлине и конфискован, так что это тоже для меня громадная потеря. А тут приходится, кроме того, все обзаводить для моей Нады, что мне нелегко, и я просто не знаю, что мне делать. Так, прескренно умоляю тебя, помоги мне и прикажи министру Барку мне переводить деньги без курса и возвратить мне те деньги, которые я потерял при последнем переводе в мае месяце, за что я тебе буду глубоко и несказанно благодарен. Я не посмел бы тебя беспокоить, но поверь мне, что мне крайне жутко и тяжело. Всем нашим служащим здесь переводят деньги золотом.

Я не запомню такого лета и весны, все перепадает дожди, страшно сыро и холодно, так что часто приходится тошнить. Я мог бы тебе еще написать целые тома, но я боюсь тебя утруждать слишком длинным письмом. Желаю тебе и твоим святым чудо-богатырям продолжения такого же успеха и громких побед, и дай бог, чтобы удалось еще в этом году выгнать всех этих убийц и вернуть их обратно в их свинское отечество. Надеюсь, что ты совершенно здоров и что ты не слишком усташь. Не

¹⁾ Родители Георга Баттенбергского; Виктория — бывш. принцесса гессенская, сестра А. Ф. Романовой.

забывая, как мы все, так и вся армия и вся Россия, тобою свято дорожим и свято любим. Ради бога береги себя.

Пожелав тебе и твоим полного здоровья и счастья, нежно обнимаю тебя, дорогой Ники, целую ручки Аликс, и обними от меня твоих славных деток.

Мысленно я всегда неразлучен с тобою. Да хранит вас всех господь бог!

Горячо тебя любящий и твой верный

Миша.

V.

Лондон.

18/31 октября 1916 г.

Дорогой Ники,

Я посылаю тебе с этим фельдъегерем модель и чертежи, мною придуманной и по моим указаниям сделанной, зажига-
тельной шрапнели ¹⁾.

Вот как все это случилось. С самого начала войны я все думал, как бы что-нибудь придумать для сбивания цеппелинов. Главное, что меня мучило — это то, что круглые пули в шрапнели никакого действия на цеппелины не имеют и пробивать его не могут. Это главное, что меня интересовало и над чем я думал.

1/14-го апреля этого года мне как-то не спалось, и вдруг мне мысль пришла, как это сделать. На другое же утро, вставши, я немедленно сделал чертеж и в это же утро послал за одним из директоров фирмы Виккерса ²⁾ М-г Barker, которого брат Сергей ³⁾ лично знает. Ему очень понравилась как моя идея, так и чертеж, но он прибавил, что он не эксперт и мне лично свое мнение высказать боится и мне приведет на следующее утро эксперта М-г Buchan, которого Сергей лично тоже знает.

¹⁾ В. к. Михаила Михайловича в романовской семье звали «Миша-дурак», и относительно того «изобретения», о котором он здесь говорит, А. Ф. Романова спрашивала, в письме от 5 ноября 1916 г., Николай: «Что хотел сказать Миша-дурак, говоря, что он и Джорджи получили награды от Джорджа «за мое изобретение, что меня очень обрадовало?» — «Джорджи» — это муж дочери в. к. Михаила, принц Георг Баттенбергский; Джордж — английский король Георг.

²⁾ Известная фирма, выполнявшая заказы для русского флота.

³⁾ В. к. Сергей Михайлович.

Когда он ко мне пришел, и я ему разъяснил мою идею и показал мой чертеж, вот что он мне сказал: «I think your idea grand and I see a great future in it» ¹⁾. Ты поймешь мою неистовую радость получить такой комплимент.

На это я смотрю, как на послание мне свыше господом богом и никогда в жизни не мог ожидать такого несказанного счастья.

После этого мне были немедленно сделаны чертежи подробные и модель шрапнели, и мы приступили немедленно к опытам. Возились мы с этими опытами целых 6 месяцев, пока не добились до совершенства. Показывал я впервые с целою комиссиею от Виккерса чертежи и модель военному министерству и адмиралтейству 2 недели тому назад. Все отнеслись к моему изобретению с большим интересом, и я получил большую похвалу. Были немедленно заказаны несколько сотен шрапнелей этими министерствами для опытов, но шрапнели пока еще не готовы, так как пока эти пули изготовляются руками (пока они не будут приняты), на что уходит от 2-х до 3-х недель. Очень надеюсь, что опыты будут удачны и что после этого мое изобретение будет принято.

Я очень рад, что могу тебе сообщить, что как ген. Гермонius, так и все артиллеристы наши, здесь находящиеся, высказали мне большую похвалу. Нашли, что ничего подобного никогда не было, и видят в этом большую будущность. Ты себе можешь представить, какое это удовольствие мне это доставило и как мне было отрадно это слышать. Я хотел немедленно тебе их послать, но до сих пор, к великому моему сожалению, не было верного человека, с кем я мог бы их послать.

С этим же фельдшером я посылаю также чертежи и модель ген. Маниковскому ²⁾, и ген. Гермониус вскоре высылает 100 шрапнелей для опытов. Молю бога, чтобы артиллерия осталась довольна моими шрапнелями и чтобы они были приняты.

Что касается до цепнейных, то мы ручаемся, что мои шрапнели сделают свое дело и будут их легко сбивать, но я очень надеюсь, что они будут полезны и для других разных целей, в чем мы имеем глубокую веру. Повидимому, адмиралтейство здешнее видит в них большую будущность.

¹⁾ Т.-е.: «я нахожу вашу идею великой и предвижу ее большое будущее».

²⁾ Начальник главного артиллерийского управления.

Громадное преимущество в моих пулях то, что, после разрыва шрапнели, они еще летят до 1200 футов и зажигают. Мне было бы весьма лестно и я тебе был бы крайне благодарен, если, по получении моих чертежей и моделей, ты был бы настолько добр мне телеграфировать о их получении тобою и какое твое личное мнение.

В виду личных больших заслуг как самого Виккерса, так и Barker и Bucham (последние два часто бывали в России), по отношению к нашей артиллерии как в мирное, так и в особенности в военное время, приложивших столь труда и старания в продолжение 6 месяцев по izdelke моих шрапнелей и посылающих теперь в Россию 100 шрапнелей даром для испытания, считаю моим долгом тебя просить их как следует наградить и тебя усердно прошу дать Виккерсу и Barker Станислава 1-ой степени, а Bucham — св. Анны 2-ой степени, за что буду тебе несказанно благодарен.

С разрешения короля, свадьба моей дочери Надежды и Georgy будет в Лондоне 2/15-го ноября. Прошу твоего благословения на них.

Сначала бракосочетание будет в нашей церкви, а затем в Chapel-Royal. Король, королева, Alix и все семейство будут на свадьбе и затем все у нас будут завтракать. Я с большой грустью жду этого момента — и для моей жены и для меня будет большое горе с ней расстаться.

Мы для них наняли cottage в Queensferry, где находится судно, на котором Georgy служит, и эскадра адмирала Beatty ¹⁾.

Когда здесь был министр Барк, я его просил тебе доложить о моей сердечной просьбе мне устроить мой финансовый вопрос, так как продолжать так жить мне невозможно. Благодаря теперешнему курсу я теряю в год не менее 36-ти тысяч рублей, что для меня более чем чувствительно. Кроме того, благодаря тому, что моя дочь выходит замуж, мне еще труднее стало. Я никогда в жизни долгов не делал, и мне было бы весьма неприятно и грустно, если я принужден буду их делать. Всем русским, здесь служащим, переводят золотом и без потери при переводе. В этом-то и заключалась моя усердная просьба: мне переводить тоже деньги целиком и без потери.

¹⁾ Адмирал Битти.

После того, что Барк тебе представлялся в ставке, он мне телеграфировал, что он передал тебе мою просьбу и что ты приказал ему об этом переговорить с кн. Кочубеем ¹⁾. Несмотря на это, должен тебя предупредить, что, к моему великому горю, ничего из этого не вышло. Я не просил подарить мне денег, а просил только, чтобы переводили все целиком (без потери) то, что мне принадлежит. В виду этого обращаюсь к тебе с моей самой душевной и убедительной просьбой меня спасти в моем крайне безвыходном положении и приказать, чтобы твое желание было исполнено, за что буду тебе нежно и глубоко благодарен.

Повидимому, бои у ген.-ад. Бруслова идут ожесточенные, и ясно видно, что Hindenburg перенес все, что только мог, на этот фронт, так что силы у него должны быть громадные. Одних только войск, взятых с англо-французского фронта на наш, такое громадное количество, что немедленно здесь отозвалось, благодаря чему французы и англичане могли, наконец, продвинуться вперед, и французы имели такой поразительный успех под Verdun. Дай бог, чтобы у нас все благополучно продолжалось, и давай тебе бог успеть взять Ковель и Львов до наступления зимы.

Как больно, что бедную, молодецкую, непобедимую гвардию так потрепали.

Какая досада, что с тех пор, что Румыния, наконец, к нам присоединилась и можно было от нее ждать такой громадной помощи, вышла одна помеха и столько неожиданностей. Дай бог, чтобы успели во-время приостановить сильный напор неприятеля и ее спасти. Могу себе представить, сколько это тебе новых хлопот даст.

Попрежнему через наши руки здесь проходит масса наших военнопленных, и в особенности последнее время. На днях прибыла партия сразу в 160 человек. Гвардейцев прошло весьма мало. Вчера впервые прошел егерь 5-ой роты, георгиевский кавалер. Радость моя была велика, наконец, увидеть егеря. Так отрадно слышать, что родной, дорогой полк дерется такими молодцами. Что это за славный, боевой, бессмертный полк.

Вскоре я тебе вышлю 2-ой список наших военнопленных. 1-ый список я тебе послал с ген. Беляевым. Я не имею никакого понятия, получил ли ты его или нет и интересовал ли он тебя. Ген. Дессино, которого ты сюда прислал, мне ужасно

¹⁾ Начальник главного управления уделов.

нравится. Он крайне симпатичный человек, очень забавный, умница, крайне толковый, энергичный и отлично знающий и понимающий человек, и трудно было бы выбрать лучшего подходящего человека на этот пост, что он блестяще исполняет и сильно подталкивает sir William Robertson, чтобы англичане здесь быстрее и энергичнее наступали бы и нам более бы помогали на Салоникском фронте. Я его лично нежно полюбил, и он сделался здесь общим любимцем, начиная с короля. Все очень довольны, что он так хорошо говорит по-английски.

Что касается нашей общей здешней работы на твою радость и на пользу нашей дорогой армии, то, слава богу, работа кипит, и выполнение всех заказов идет теперь, к счастью, гораздо быстрее, и Англия всегда по всем заказам дает всегда России первой и делает для нас массу исключений. Никакого сомнения быть не может, что Англия нас теперь очень любит, имеет к нам, наконец, полное доверие и прямо для нас из кожи лезет.

Я должен к этому прибавить, что, к глубокому сожалению, единственное, что хромает — так это Петроград сам, который часто нас не хочет понимать, все задерживает и страшно медлит. В виду этого смею тебе доложить и тебя усиленно просить о том, что, если бы ты мог устроить так, чтобы впредь ты разрешил бы мне лично сноситься со ставкой и чтобы все распоряжения исходили из ставки по отношению нашего здешнего русско-правительственного комитета, благодаря чему дело крайне упростилось бы и очень ускорило бы всю работу и все изготвления. Я убежден, что ген.-ад. Алексеев будет тоже моего мнения.

Как тебе, конечно, известно, недавно был убит снарядом наповал на английском фронте генерального штаба полк. Фукс. За несколько дней до этого он у меня завтракал и произвел на меня очень хорошее впечатление. Он мне рассказывал, что перед отъездом из армии он имел счастье тебе представляться в ставке. Мне очень его жаль. Я убежден, что он был у тебя в армии на отличном счету.

Представлялся мне недавно ген. шт. полк. Гейслер, приехавший сюда прямо из ставки. Он на меня произвел отличное впечатление. В данный момент он находится на английском фронте.

Приехала сюда также военная комиссия из 6-ти офицеров от военно-технического отдела, главное — для заказов грузовиков и бронированных автомобилей. Все очень интересные люди.

Сегодня 16/29-го октября, воскресенье, мне представлялся и потом у меня завтракал прапорщик 86-го Вильманстрандского

пех. п. Филиппов, прибывший сюда вчера вечером из Голландии, куда он бежал из германского плена в Мекленбурге, и был в пути пешком 30 суток. Было крайне интересно слушать про его побег. Вот молодец! Честь и слава ему!

Мы все видели последние 2 рейда цеппелинов из нашего дома. Оба раза все это разыгрывалось от 10 час. вечера до 12. Мы слышали всю бомбардировку, смешанную с разрывами от бомб, бросаемых с цеппелинов. Должен сознаться, что картина была ужасная и страшная, но должен сказать, что моя жена и мои дочери вели себя большими молодцами. Я за них очень боялся, в особенности при 2-м рейде, так как цеппелин был от нас не далее 6 миль, и мы ясно видели, как аэроплан его зажигал и как потом он горел и падал. Небо было совершенно красное, и свет был так силен, что было светло, как днем.

Оба раза попадание в него было около 12 часов, и при втором рейде я был уже на месте, где упал цеппелин, в $1\frac{1}{2}$ 2-го ночи и застал его еще горящим. Картина была весьма интересная: он был разрезан при падении деревом на 2 части и одна от другой была довольно далеко; все было изломано и изогнуто на части, так что остался только один хлам.

При мне вытащили только один обгоревший труп, что было противно смотреть; повидимому, остальные все успели побросаться, но их не успели еще найти, кроме еще одного трупа, который висел без головы на дереве. Слава богу, это я не видел. Народа было уже тьма и неистовый общий восторг.

Возвратился я домой только около 4 часов. Был я тоже на месте падения цеппелина, подбитого орудием, и этот спустился сам и в совершенно нетронутом виде, исключая, что оболочку его немцы-убийцы успели же сжечь. Это было в Sussex, в 50-ти милях от Лондона. Это была грандиозная картина: длиною он был около 700 футов, совершенно как трансатлантические судна. Как остов, так и вся внутренность остались в полной целности, и было весьма интересно осмотреть все подробности. Это производит ужасающее впечатление. Слава богу, вот уже более месяца, что они нас не посещали, и дай бог, чтобы и никогда более до Лондона и не допускались, а то в эти последние 3 рейда в пригородных частях учинили очень много вреда и перебили массу жителей. Не дай бог опять этого повторения. Я очень надеюсь, что в следующий раз, если они только опять посмеют появиться, то к этому времени мои снаряды будут уже готовы и что мы их как следует

угостим. Кому честь и слава, так это здешним летчикам, которые так отличились, но зато сколько уже из этих молодых успело погибнуть.

Боясь затруднить тебя чтением моего долгого письма, я окончу на этот раз этим мое длинное послание. Очень надеюсь, что ты совершенно здоров и что ты не перетруждаешь себя твоей усиленной, постоянной работой; от всей души желаю тебе, дорогой Ники, полного здоровья, и да пошлет господь бог тебе полного счастья и поможет и благословит тебя на продолжение громких побед и вскоре разбить и уничтожить навсегда всех этих убийц.

Нежно обнимаю тебя, целую ручки Аликс и обними, пожалуйста, твоих славных деток.

Мысленно и душевно я неразлучен с тобою. Да хранит вас всех господь бог!

Горячо тебя любящий и твой верный

Миша.

Письма в. к. Александра Михайловича.

I.

Дорогой Ники,

То, что я буду писать ниже, собственно говоря, я должен был бы написать тебе официально, но не делаю этого из чувства глубокого уважения к генералу Алексееву.

Вопрос касается «муромцев». После неудачных попыток с моей стороны поставить эскадру ¹⁾ в общие нормальные рамки, я к этому вопросу больше не возвращаюсь, но есть вопросы, которые я ни в коем случае не могу оставить без протеста. К этому меня побуждает полученное вновь требование о командировании в эскадру 29 военных летчиков до первого февраля; исполнить это требование я не могу, у меня в отрядах большая нехватка летчиков, и вследствие усиленной работы в весьма тяжелых условиях требуется частая замена. Но с этим люди, ведающие «муромцами» (Кондзеровский, Шидловский и Гаслер), не считаются — для них в вопросах, касающихся эскадры, нет никаких пределов.

В апреле 1915 года, приказом верховного, эскадра была подчинена начальнику штаба верховного главнокомандующего.

¹⁾ Говорится об эскадре воздушных кораблей.

С тех пор эскадра стала для меня запрещенной землей — не только мне ничего не сообщалось о работе ее, но даже решительно все меры, которые принимались по составлению штатов, заказу аппаратов и проч., тщательно от меня скрывались: все, что делалось по этим вопросам, я узнавал или из приказов или случайно стороною. Между тем в приказе номер 291-й ясно сказано: «Эскадра воздушных кораблей состоит в непосредственном подчинении начальника штаба верховного главнокомандующего, который в отношении ее пользуется правами командующего армией». Вот и все, но ставка пошла дальше и взяла в свои руки даже заказы аппаратов и разработку технических условий — все это, никогда не запрашивая моего мнения ни по каким вопросам, что совершенно противоречит правам и обязанностям, возложенным на меня. В действительности, дело находится в руках генералов Кондзеровского, Шидловского и полковника Гаслера — что они желают, то и проводят. В ноябре они провели новый штат, в который включили школу и 42 малых аппарата, вероятно, для охраны «муромцев» во время полетов, так что теперь уже эскадра на бумаге состоит из 20 «муромцев» и 42-х малых аппаратов; если нужны для охраны отряды с малыми аппаратами, то они ни в коем случае не должны подчиняться Шидловскому и ставке. Я слышал, что готовится еще новый штат — в нем, наверное, будет новый сюрприз в форме уже авиационных отрядов, но под каким-нибудь другим названием; таким образом, совершится то, к чему стремятся Шидловский и Гаслер — будет одна общая авиация, которой ведаю я, и другая, которой будет веждать Шидловский. Я уже давно заметил это стремление и восхищаюсь, как умно оно проводится на глазах всех, которые этого не замечают. Вот против такого порядка вещей я протестую самым энергичным образом.

Я прошу тебя отдать генералу Алексееву приказание в самой категорической форме, чтобы никакие меры по изменению штатов эскадры, заказа новых аппаратов и моторов и вообще по всем вопросам, которые не касаются их прав и компетенции, не проводились без запроса моего мнения, как заведующего авиацией в действующей армии; я не претендую на права генерала Алексеева, выраженные в приказе номер 291, но остальное должно делаться по закону, как это делается по всем специальным родам оружия. Нельзя иметь государство в государстве — я удивляюсь, как генерал Алексеев не видит, что Кондзеровский и Гаслер заставляют его делать, что им угодно в вопросах, касающихся

«муромцев», не считаясь ни с чем. Ты не поверишь, и верится с трудом, но я ведь буквально ничего не знаю про «муромцев», — все опыты с этими аппаратами и их моторами составляют тайну, в которую меня не посвящают. В настоящее время я и наши авиационные заводы разрабатывают типы больших аппаратов, но все сведения по этим вопросам мы собираем за границей, а то, что делается в эскадре, от нас скрывают; продолжение такого порядка дальше невыносимо. Ты подумай, до какого безобразия доходит их отношение ко мне — у меня в управлении ведется учет всем офицерам, служащим в авиационных частях, я просил прислать мне список личного состава эскадры; ты думаешь, они мне прислали его, — нисколько; после целого месяца напоминаний они прислали мне только список летчиков, а о наблюдателях ни слова. Я не хочу перечислять всех случаев, когда они явно стараются уколоть меня и показать, что я не при чем во всех авиационных вопросах, касающихся «муромцев». На это я не обращаю внимания, на то хамы и существуют, но когда я вижу, что польза службы страдает, я не имею права молчать. Кончая это письмо, повторяю, что ни в чем не вишу генерала Алексеева: ему некогда вникать в суть всех этих вопросов, но пора приструнить трех лиц, про которых писал выше. Если желаешь получить от меня более подробный доклад, потребуй меня в ставку, и на другой день я приеду.

Да, я забыл еще, в эскадре есть школа; казалось бы, что она существует для обучения полетам на «муромцах», оказывается — нет, она обучает также полетам на малых аппаратах; это в то время, когда у меня в пяти школах обучается шестьсот человек, — но нет, это им не подходит, они хотят иметь своих летчиков. Твоим повелением в августе месяце мне даны инспекторские права над авиационными школами, но школа «муромцев» мне не подчинена, так как она вошла в штат эскадры. Из всего этого ты видишь, к чему дело клонится, и я прошу тебя прекратить это в высшей степени ненормальное и дальше нетерпимое положение вещей, — мое терпение лопнуло.

Когда ты вернешься в ставку, я приеду с докладом по текущим вопросам авиации.

Работы масса; выдаю Ольгу ¹⁾, она здорова, но вид у нее неважный. Крепко целую тебя, Алике и всех твоих душек-детей.

Твой верный Сандро.

19-го января 1916 г. Киев.

¹⁾ Сестра Николай II.

II.

20 сентября 1916 г. Киев.

Дорогой Ники,

Я предполагаю ехать в Петроград в понедельник, 26-го; мне было бы очень важно до приезда туда знать, решил ли ты утвердить мое представление о генерал-инспекторе авиации и воздухоплавания или же решил оставить все по-старому. Прошу, по получении этого письма, телеграфировать мне твой ответ. Я готовлю тебе доклад о «муромцах», — дело в том, что нелегально в дальнейшем оставлять существующую организацию; как ты знаешь теперь, в некоторых армиях находятся отряды кораблей, но составляют отдельные единицы, ничего общего не имеющие с остальной авиацией, — ненормальность этого положения не требует объяснений и ясна всем, за исключением, вероятно, генералов Кондзеровского и Гаслера. Надо же, наконец, положить конец привилегированности «муромцев» и влить их в существующую авиационную организацию и подчинить в армиях командирам авиационных дивизионов. Я предвижу, что тебе будут говорить, о невозможности такого порядка, в виду особенностей «муромцев», — не верь этим доказательствам, я тебя заверяю, что наши дивизионеры справятся с делом прекрасно. Кажется, опыт двух лет показал, насколько организация эскадры не выдерживает никакой критики. Я молчал почти год, а теперь вновь поднимаю этот вопрос для пользы дела. Меня попрежнему держат в полном неведении о делах эскадры, сообщая краткие отчеты о полетах и списки личного состава. Нельзя два одинаковых дела держать в разных руках. Я бы попросил тебя не показывать этого письма ген. Алексееву, я вовсе не желаю его раздражать, но польза дела диктует мне это письмо.

Стоит чудная осенняя погода, ясные теплые дни и холодные ночи. Надеюсь в Петрограде быть в день производства Андриюши ¹⁾, кажется, первого октября.

Согласен ли ты на его производство, если он выдержит все экзамены?

Твой верный Сандро.

¹⁾ Сын Александра Михайловича.

III.

Дорогой Ники,

Как помнишь, 26-го сентября я докладывал тебе и г.-ад. Алексееву об учреждении должностей ген.-инспектора воздушного флота и должностей инспекторов авиации фронтов. Оба доклада были, словесно тобою утверждены, затем, после некоторых несущественных изменений, оба доклада должны были быть утверждены окончательно г.-ад. Алексеевым, но, к сожалению, болезнь помешала ему это сделать.

В настоящее время оба доклада не утверждены генералом Гурко, и вчера я получил телеграмму, копию которой при сем прилагаю.

Как видишь, ген. Гурко предполагает поручить все дело авиации офицерам генерального штаба; я утверждаю, что офицеров ген. штаба, знающих авиационное дело, нет, а тем более — знающих его в совершенстве; пребывание два месяца на аэродроме этому пробелу помочь, конечно, не может. Я не сомневаюсь, что, если тебе будет угодно согласиться с мнением Гурко, то этим самым ты подпишешь смертный приговор всему авиационному делу, с таким трудом постепенно налаживаемому. Не мне тебе говорить о том, что из себя представляет большинство офицеров ген. штаба — так мало среди них людей талантливых, (способных) заменить дивизионеров и инспекторов, выбранных мною из лучших военных летчиков и прошедших на практике и в теории авиационное дело с самого начала войны; они не могут, они погубят все дело. Я не могу себе представить, каким образом я буду вести дело с 18-ью офицерами генер. штаба, не знающими авиационное дело. Телеграмма показывает полное непонимание ген. Гурко авиационного дела, если он считает, что два месяца на аэродроме могут создать руководителей авиационного дела в армиях. Очень прошу тебя, во имя дела, не пропускать проекта, я боюсь, что Гурко, со свойственными ему скоропалительностью и нетерпимостью к чужим мнениям, постарается провести это дело за моей спиной, тем более, что, конечно, мои друзья вроде ген. Кондзеровского будут на его стороне. Эта телеграмма повергла нас всех, любящих и понимающих авиацию, в полное уныние. У меня как раз собрались инспектора авиации фронтов для решения целого ряда важных вопросов по применению авиации, и мне

больно было думать о том, что их ожидает. Для меня одно непонятно, как человек умный, каким считают Гурко, может проводить такую меру. Прошу назначить мне день, когда я могу приехать в ставку, — имею несколько спешных докладов. Я полагаю, что следующей мерой Гурко будет назначение на места инспекторов артиллерии также офицеров генер. штаба, — дело, которое им во всяком случае ближе известно, чем авиация. Очень прошу, вникни в этот вопрос и не дай людям непонимающим губить дело, столь необходимое армии.

Твой верный Сандро.

13-го ноября 1916 г. Киев.

Поздравляю от души с рождением дорогой мамаша, она так безгранично мила и добра ко мне.

IV.

25 декабря 1916 г. ¹⁾

Дорогой Ники,

Тебе угодно было 22-го декабря дать мне высказать мое мнение по известному вопросу и попутно пришлось затронуть почти все вопросы, которые волнуют нас — я просил разрешения говорить, как на духу, и ты дал мне его.

Я считаю, что после всего, мною сказанного, я обязан говорить дальше.

Ты невольно мог подумать, слушая меня: «Ему легко говорить, а каково мне, который должен разбираться в существующем хаосе и принимать те или другие меры и решения, подсказываемые мне с разных сторон».

Ты должен понимать, что я, как и все болящие душой за все происходящее, часто задавал себе вопрос, что бы я сделал на твоём месте, — и вот я хочу тебе передать то, что мне подсказывает душа, которая, я убежден, говорит верно.

Мы переживаем самый опасный момент в истории России: вопрос стоит, быть ли России великим государством, свободным и способным самостоятельно развиваться и расти, или подчиниться германскому безбожному кулаку? Все это чувствуют — кто разумом,

¹⁾ Настоящее письмо, представляющее предупреждение Николаю II о гибельности его политики, писалось в четыре срока и было отослано по назначению только 4 февраля 1917 г.

кто сердцем, кто душою, — и вот причина, почему все, за исключением трусов и врагов своей родины, отдают свои жизни и все достояние для достижения этой цели.

И вот, в это святое время, когда мы все, так сказать, держим испытание на звание человека, в его высшем понимании — как христианина, какие-то силы внутри России ведут тебя и, следовательно, и Россию к неминуемой гибели. Я говорю — тебя и Россию — вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может; но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может; это надо раз навсегда себе усвоить и, следовательно, существование министерства с одной головой и палат совершенно необходимо; я говорю — палат, потому, что существующие механизмы далеко не совершенны и не ответственны, а они должны быть таковыми и нести перед народом всю тяжесть ответственности; немыслимо существующее положение, когда вся ответственность лежит на тебе и на тебе одном.

Чего хочет народ и общество? — очень немногого; власть (я не говорю избытие, ничего не значащие слова) твердую или крепкую власть (потому что слабая власть это не власть), разумную, идущую навстречу нуждам народным, — и возможность жить свободно и давать жить свободно другим.

Разумная власть должна состоять из лиц, первым делом чистых, либеральных и преданных монархическому принципу, отнюдь не правых или, что еще хуже, крайне-правых, так как для этой категории лиц понятие о власти заключается: «править при помощи полиции, не давать свободного развития общественным силам и давать волю нашему, никуда негодному, в большинстве случаев, духовенству». Председателем совета министров должно быть лицо, которому ты вполне доверяешь; он выбирает себе и ответствен за всех других министров, все они вместе должны составлять одну голову, один разум и одну волю, и каждый по своей специальности проводит общую политику, а не свою, как это мы видим теперь; ни один министр не имеет права высказывать тебе свои взгляды на общую политику, он является докладчиком по своей узкой специальности, — если же ты хочешь услышать их мнение по общим вопросам, то таковое они могут высказывать только в совете министров, под твоим личным председательством; при министерстве объединенном трудно ожидать, чтобы ты слышал противоречие в их мнениях, но оттенки, в связи с делом, порученным каждому из них, конечно, могут быть, и необходимо, чтобы ты их слышал.

Я принципиально против так называемого ответственного министерства, т.-е. ответственного перед Думой; этого допускать не следует; надо помнить, что парламентская жизнь у нас в самом зародыше — при самых лучших намерениях, тщеславие, желание власти и почета будут играть не последнюю роль и, главное, при непонимании парламентского строя, личной зависти и прочих человеческих недостатках, министры будут меняться даже чаще, чем теперь, хотя это и трудно.

Как председатель, так и все министры, должны быть выбраны из числа лиц, пользующихся доверием страны, и деятельность которых общеизвестна; конечно, не исключаются и члены Думы.

Такое министерство встретит общее сочувствие всех благомыслящих кругов, оно должно представить тебе подробную программу тех мер, которые должны проводиться в связи с главной задачей момента, т.-е. победы над германцами, и включить те реформы, которые могут проводиться попутно, без вреда для главной цели, и которых ждет страна.

Программа эта, после одобрения тобой, должна быть представлена Думе и Государственному Совету, которые, вне сомнения, ее одобряют и дадут полную свою поддержку, без которой работа правительства невозможна. Затем, опираясь на одобрение палат и став твердой ногой и чувствуя за собой поддержку страны, всякие попытки со стороны левых элементов Думы должны быть подавляемы, — с чем, я не сомневаюсь, справится сама Дума; если же нет — то Дума должна быть распущена, и такой роспуск Думы будет страной приветствоваться.

Главное условие, чтобы раз установленная программа ни в каком случае не менялась, и правительство должно быть уверено, что никакие побочные влияния на тебя повлиять не могут и что ты всей своей неограниченной властью будешь свое же правительство поддерживать. Теперь замечается как раз обратное: ни один министр не может отвечать за следующий день, все разрознены, министрами назначаются люди со стороны, которые никаким доверием не пользуются и, вероятно, сами удивляются, что попадают в министры; но так как людей честных вообще мало, то у них не хватает смелости сознаться перед тобой, что они не способны занимать посты, на которые назначаются и что их назначение для общего дела приносит только вред, их поступки граничат с преступлением.

1 января 1917 г.

Первую часть письма писал в вагоне, по пути в Киев; до сегодняшнего дня был так занят, что не было свободной минуты.

Состоявшиеся с тех пор назначения показывают, что ты окончательно решил вести внутреннюю политику, идущую в полный разрез с желаниями всех твоих верноподданных. Эта политика только на руку левым элементам, для которых положение «чем хуже, тем лучше» составляет главную задачу; так как недовольство растет, начиняет пошатываться даже монархический принцип, и отстаивающие идею, что Россия без царя существовать не может, не имеют почвы под ногами, так как факты развала и произвола налицо. Продолжаться долго такое положение не может; опять повторяю — нельзя править страной, не прислушиваясь к голосу народному, не идя навстречу его нуждам, не считая его способным иметь собственное мнение, не желая признавать, что народ свои нужды сам понимает.

Сколько ни думал, не могу понять, с чем ты и твои советники боретесь, чего добиваются? Я имел два продолжительных разговора с Протопоповым, — он все время говорил о крепкой власти, о недопустимости уступок общественному мнению, о том, что земский и городской союзы, а также военно-промышленные комитеты, суть организации революционные; если бы его слова отвечали истине, то спасения нет, но, к счастью, это не так; конечно, нельзя отрицать, что в этих организациях существуют левые, но ведь масса не революционная, и, вот, мерами запрещений разных стеснений и подозрений искусственно толкают петвердых в своих убеждениях людей в лагерь левых.

Можно подумать, что какая-то невидимая рука направляет всю политику так, чтобы победа стала немыслима. Тот же Протопопов мне говорил, что можно опереться на промышленные круги, на капитал, — какая ошибка! Во-первых, он забывает, что капитал находится в руках иностранцев и евреев, для которых крушение монархии желательно — тогда не будет препятствий для их хищнических аппетитов, а затем наше купечество ведь не то, что было прежде, — достаточно вспомнить 1905 год.

Когда подумаешь, что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, чего она жаждет, т.-е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам, при строгом контроле, конечно, что Дума, как один человек, пошла бы за таким правительством, что произошел бы гро-

мадный подъем всех сил народных, а, следовательно, и несомненная победа, то становится невыносимо больно, что нет людей, которым бы ты доверял, но людям, понимающим положение, а не таким, которые подлаживаются под что-то непонятное.

25 января.

Как видишь, прошел месяц, а письмо мое я еще не послал— все надеялся, что ты пойдешь по пути, который тебе указывают люди, верные тебе и любящие Россию не за страх, а за совесть. Но события показывают, что твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели; при таких условиях молчать является преступным перед богом, тобой и Россией.

Недовольство растет с большой быстротой, и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобой и твоим народом (когда я говорю народом, я понимаю в смысле тех, которые понимают нужды народные, а не тех, которые представляют из себя стадо, которое пойдет за человеком, сумевшим увлечь толпу.) Между тем, народ тебя любит и глубоко верит в достижимость полной победы и внутреннего устроения без всяких потрясений, но при условии существования правительства, состоящего из лиц чистых и пользующихся доверием страны; без этого нет надежды на спасение престола и, следовательно, родины.

Посмотри, что делается в союзных нам странах — править государствами призваны самые способные люди, без различия их убеждений; ведь все сознают, что в минуту, когда решается судьба мира, когда от победоносного окончания войны, той или другой стороны, зависит самое свободное существование целых государств, что в такую минуту нет места ни личным симпатиям, ни интересам тех или других партий, есть одно — призыв всех наиболее способных людей к делу спасения родины, именно к спасению родины—вопрос ведь в самом бытии России, как великой могущественной державы.

Ведь, никогда в истории Российского государства не было более благоприятных политических условий: с нами наш бывший исконный враг Англия, недавний — Япония и все другие государства, которые видят и чувствуют всю силу нашу и в то же время присутствуют при совершенно необъяснимом явлении, нашем полном внутреннем нестроении, которое с каждым днем ухудшается, и видят, что не лучшие, а худшие силы правят Россией в такой момент, когда ошибки, сделанные сегодня, отразятся на

всей истории нашей, и они невольно начинают в нас сомневаться, они видят, что Россия собственных своих интересов и задач не сознает, т.-е. скорее не Россия, а те, которые ею правят.

Такое положение продолжаться не может. Ты, вероятно, читал обращение к тебе новгородского дворянства; ведь, так можно говорить только тогда, когда глубоко сознаешь ту пропасть, на краю которой мы стоим, и уверяю тебя, что все, тебе истинно верные люди, именно так и думают.

Приходишь в полное отчаяние, что ты не хочешь впять голосам тех, которые знают, в каком положении находится Россия, и советуют принять меры, которые должны вывести нас из хаоса, в котором мы все сегодня находимся.

Ты, вероятно, думаешь, что те меры, которые принимает правительство, выведут Россию на светлый путь, на путь победы и полного возрождения, и считаешь, что мы все, которые держимся обратного мнения, заблуждаемся; но, ведь, для проверки, оглянись назад и сравни положение России в начале войны и сегодня, — неужели это сравнение не может убедить тебя, на чьей стороне правда?

В заключение скажу, что как это не странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию, — народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу.

Твой верный Сандро.

4 февраля 1917 г.

Письма в. к. Георгия Михайловича.

I.

11 ноября 1916 г. Бердичев.

Милый Ники,

Ты мне приказал написать отсюда, и я исполняю твое желание.

Вчера я приехал сюда в 10 часов утра. Ген.-ад. Брусилов встретил меня, вошел в мой вагон, и я ему доложил, какие армии я должен объехать по твоему повелению для передачи благодар-

пости и раздачи георгиевских крестов. Он мне сказал, что он запросил командующих армиями, и когда программа будет составлена, то тогда только отпустит меня. По его словам, дороги в ужасном положении, и во многие места даже трудно пробраться. При этом он мне выразил радость, что ты послал меня именно в период глубокой осени, распутицы и дурной погоды, так как именно в подобное время армия наиболее нуждается в подбодрении и в развлечении. Сам Брусилов предполагает переехать в Каменец-Подольск 21-го ноября.

Программу моей поездки в Особую армию я при сем высылаю; конечно, всегда могут быть некоторые изменения в зависимости от обстоятельств; в остальные армии буду высылать тебе по мере получения предположений.

Затем считаю долгом написать тебе, после длинных разговоров с доблестным и редко преданным тебе ген.-ад. Брусловым, о тех прискорбных явлениях, которые мне пришлось уже замечать не только в тылу, но и здесь.

Положительно у всех заметно беспокойство за тыл, т.-е. за внутреннее состояние в России. Прямо говорят, что, если внутри России дела будут идти так, как теперь, то нам никогда не удастся окончить войну победоносно, а если это действительно не удастся, то тогда конец всему. Ненависть к Штюмеру чрезвычайная.

Тогда я старался выяснить, а какие же меры могли бы излечить это состояние? На это могу ответить, что общий голос — удаление Штюмера ¹⁾ и установление ответственного министерства для ограждения тебя от обмана различных министров ²⁾.

Эта мера считается единственною, которая может предотвратить общую катастрофу. Если бы я это слышал от левых и разных либералов, то я не обратил бы на это никакого внимания. Но это мне говорили и здесь говорят люди, глубоко преданные тебе и желающие от всей души блага только тебе и России нераздельно; вот почему я решился написать это тебе.

¹⁾ Штюмер был уволен как раз в это время — 12 ноября 1916 г.

²⁾ Именно относительно этого указания в. к. Георгия А. Ф. Романова писала Николаю II 14 декабря 1916 г.: «Глупец тот, кто хочет ответственного министерства — как писал Георгий. Вспомни, даже — Филипп сказал, что нельзя давать конституции (см. вступит. статью, стр. 22).

Признаюсь, что я не ожидал, что я услышу здесь, в армии, то же, что я слышал всюду в тылу. Значит это желание всеобщее — глас народа, глас божий, и я уверен, что господь тебе поможет пойти навстречу всеобщему желанию и предупредить надвигающуюся грозу из нутра России.

Прости, что я тебе так откровенно написал, но совесть моя заставила меня написать это именно из армии, ибо я слышал это из уст самых преданных тебе, глубоко порядочных и отважных людей, и писал я тебе это письмо, как верноподданный и горячо тебя любящий человек. Да поможет тебе во всем господь.

Сегодня я посетил все здешние лазареты и госпитали (в них около 700 человек раненых) и раздавал от твоего имени награды. Раненых нашел бодрыми и веселыми. Завтра в 6 часов вечера выезжаю отсюда в Особую армию.

Обнимаю тебя и прошу обнять Алексея.

Георгий.

II.

14 января 1917 г., Киев.

Милый Ники,

11-го ноября я начал объезд корпусов, которые были в списке, переданном мне в штабе в ставке, и попутно я посещал также госпитали и лазареты. Всего твоим именем я наградил нижних чинов семидесяти одной (71) пехотной и одиннадцати (11) конных дивизий.

Все шло гладко до окончания объезда IX армии генерала Лецицкого. Окончив весь фронт генерала Бруслова, я поехал в Берлад к генералу Сахарову. Но здесь я попал в самый разгар больших боев, и генерал Сахаров сказал мне, что совершенно немыслимо раздавать награды в период горячих боев, так как выводить лучших людей из окопов невозможно; он мне сказал, что он мне сообщит, когда будет возможно ехать.

Я переехал в Яссы и там прождал пять дней. Чтобы не терять время и видя, что не скоро возможно продолжать мой объезд на фронте, я проехал в Одессу, в Вознесенск и в Березовку, где наградил от твоего имени нижних чинов сербской дивизии, которая так отличилась в Добрудже. Затем я ожидал в Одессе еще 7 дней. Не зная, что ты не находишься в ставке, я думал проехать в ставку для доклада, и ты мне телеграфировал прибыть

в ставку в конце будущей недели; это выходило 5-го или 6-го января. Я и выехал из Одессы, с тем, чтобы прибыть в ставку 6-го января, но в Киеве я узнал, что ты в Царском Селе, и неизвестно, когда вернешься в ставку, и тогда я остановился в Киеве. Я очень извиняюсь, что я еще раз телеграфировал тебе из Киева, но я хотел, чтобы ты узнал, где я нахожусь.

Во время объезда пяти армий мне не удалось наградить три с половиной корпуса пехотных (IV арм., IV Сиб., VII арм. и 15-ю пех. див. VIII корпуса), а также III и VI конные.

Ты знаешь из моих донесений, в каком блестящем виде представлялись все части, которые я имел честь видеть и награждать. Прямо трудно сказать, который корпус лучше: бодрые, веселые солдаты — молодец к молодцу, несмотря на различные лишения и трудные стоянки в горах в зимнюю пору.

Недели три после отъезда моего из Берлада, ген. Сахаров телеграфировал мне в Киев, что стало немного тише на фронте, но в это время я ждал со дня на день, что ты меня вытребуешь в ставку. Чтобы не терять времени, я занялся объездом госпиталей, сначала в Одессе, а потом здесь, в Киеве, куда свозят большое количество раненых, и мне удалось объехать до сегодняшнего дня всего 62 госпиталя и лазарета и благодарить и наградить от твоего имени безногих, безруких, слепых, паралитиков и вполне беспомощных георгиевскими крестами и медалями; эти несчастные радуются и с восторгом благодарят.

В общем почти все лазареты в блестящем виде, кроме здешнего военного госпиталя. Конечно, мне очень хотелось бы доложить тебе обо всем лично и порадовать тебя моими прекрасными впечатлениями о духе и о состоянии твоих доблестных войск.

Если бы тылы и снабжение и железные дороги работали бы так, как работают в армии на фронтах, то думаю, что час полной победы нашего приблизился бы.

Но тылы работают лениво и, во многих случаях, преступно; мне кажется, что необходим самый строгий нажим на начальников различных тылов. Дело снабжения особенно хромает, и пока я был на фронте, мне пришлось слышать слишком много жалоб на управление генерала Ропжина ¹⁾. Очень не любят в армии генерала Кондзеровского ²⁾.

¹⁾ Начальник военных снабжений.

²⁾ Дежурный генерал при штабе верх. главнокомандующего.

Румыны принимали меня всюду радушно — как офицеры, так и представители населения; что касается их войск, то я доложу, когда увижу тебя.

Буду ожидать дальнейших повелений пока в Киеве.

Целую ручки Аликс и обнимаю всех твоих детей.

Георгий.

Брак в. к. Михаила Александровича.

(Сыскной надзор за братом царя.)

Документы.

I.

Временно-управляющий
министерством
иностранн. дел.

Весьма секретно.

Сентября 6-го дня 1911 года.

№ _____

В Российско-императорские посольства,
миссии и консульства.

Податель сего генерал-майор корпуса жандармов Александр Васильевич Герасимов командировается по высочайшему повелению за границу с поручением принять все меры к недопущению за границей брака госпожи Брасовой (Вульферт) с великим князем Михаилом Александровичем.

Во исполнение высочайшего повеления поручаю Российским посольствам, миссиям и консульствам за границею оказать генерал-майору Герасимову необходимое содействие к успешному исполнению возложенного на него поручения и к производству, в случае надобности, ареста лиц по указанию генерал-майора Герасимова.

Временно управляющий

министерством иностранных дел А. Нератов.

II.

№ 2785.

3-го сентября 1911 года.

Его прев—ству.

А. В.
Герасимову.

Разбор шифрованной телеграммы.

Из Парижа.

От завед. заграничной агентурой на имя директора д-та полиции (лично).

№

Подана 21/4 сего $\frac{\text{ноября}}{\text{декабря}}$ 1912 г. 7 ч. 45 м. пополудни.

получена 22/5 сего $\frac{\text{ноября}}{\text{декабря}}$ 1912 г. 11 ч. — м. пополуночи.

По полученным сведениям, в субботу тринадцатого ноября к графу Брасову ¹⁾ в Кани явился флигель-адъютант государя императора для объявления ему от имени его величества запрещения въезда в Россию.

Означенное высочайшее повеление вызвано сделавшимся известным в Петербурге фактом бракосочетания графа Брасова с госпожой Вульферт, которое будто бы состоялось в Вене летом этого года и совершено было румынским священником. Граф Брасов очень удручен и никуда не выходит. № 382.

III.

Чиновник особых поручений

при

Министре внутренних дел.

Совершенно доверительно.

Ваше превосходительство

милостивый государь,

Степан Петрович ²⁾.

Телеграммою от 21-го ноября (4 декабря) с. г. за № 382, я имел честь донести вашему превосходительству, что, по полученным сведениям, бракосочетание его императорского высочества великого князя Михаила Александровича с г-жею Вульферт состоялось в Вене, будто бы, летом сего года.

¹⁾ В. к. Михаил Александрович.

²⁾ Это — донесение заведывающего заграничной агентурой Красильникова директору департамента полиции С. П. Беледскому.

Между тем, великий князь Михаил Александрович в течение минувшего лета пребывал в России, насколько мне известно, большею частью находясь в Гатчине, а за границу изволил отбыть лишь в сентябре месяце, при чем с самого приезда его императорского высочества в Берлин была установлена охрана, от которой, казалось, не могла бы укрыться поездка великого князя в Вену.

Произведя конфиденциально по этому предмету самое осторожное расследование как в Киссингене, так и в Берлине и Вене, ныне имею честь доложить вашему превосходительству, при каких обстоятельствах и в какое именно время состоялось вступление в брак его императорского высочества.

Выехав из России за границу 12/25 сентября, великий князь остановился в Берлине в отеле Эспланад и прожил там вместе с г-жею Вульферт до 24 сентября (7 октября), когда прибыл в Киссинген, где г-жа Вульферт лечилась в санатории д-ра Аполанта.

В последних числах октября, по окончании курса лечения г-жи Вульферт, великий князь решил свой отъезд из Киссингена в Кани. 27 октября н. ст. великий князь по телеграфу из Киссингена запросил отель Эспланад в Берлине, нельзя ли будет приобрести для него на 29-ое октября спальные места от Франкфурта на Майне до Парижа. На утвердительный ответ отеля, великий князь 28 октября просил по телеграфу записать ему на 29-ое октября 4 спальных места и 4 места I класса до Парижа. На другой день, 29 октября, его императорское высочество по телеграфу известил отель Эспланад, что места ему не нужны.

Видимо, вдруг изменив свое решение, великий князь 29 октября объявил своим спутникам, что выезжает с г-жею Вульферт в этот день в автомобиле через Швейцарию и Италию в Кани, а дети, сопровождающие их лица и прислуга поедут по железной дороге через Париж в Кани.

В тот же день, 29 октября, великий князь с г-жею Вульферт доехали в автомобиле только до г. Вюрцбурга, где они сели в поезд железной дороги, следовавший через Мюнхен и Зальцбург в Вену, куда его императорское высочество прибыл утром 30 октября и остановился в отеле Тегетгоф (Tegethof). В тот же день, в 4 часа пополудни, великий князь и г-жа Вульферт проехали в сербскую церковь св. Саввы (Weitgasse, 3), где и совершился обряд бракосочетания.

Запись произведена была при этом следующая: Михаил Александрович, русский великий князь, род. 22 ноября 1878 года

в С.-Петербурге, и дворянка Наталия Брасова, род. 7 июня 1880 г. в Резова, близ Москвы.

31 октября его императорское высочество с г-жею Вульф-ферт выехали из Вены через Мюнхен, где провели сутки, в Кани, куда прибыли утром 3 ноября.

Автомобиль и его шоффер были доставлены в Кани по железной дороге из г. Вюрцбурга.

Для всех окружающих великого князя и г-жу Вульф-ферт лиц поездка их в Вену осталась совершенно неизвестной. Но приезде в Кани, его императорское высочество заявил, что закончил путешествие по железной дороге вследствие усталости г-жи Вульф-ферт.

Из доложенных данных можно прежде всего заключить, что совершение брака решилось по каким-то неизвестным причинам, как будто бы неожиданно, ибо 28 октября его императорское высочество, телеграфируя в Берлин для заказа на 29-ое число спальных мест от Франкфурта до Парижа, видимо, совершенно не имел в виду быть 30 октября в Вене.

Выезд в Вену неожиданно решился лишь на другой день, 29-го октября, и уже 30-го, в день приезда в Вену, совершается и самый обряд венчания.

Вместе с тем, само собой объясняется, каким образом охрана, установленная при великом князе, могла не узнать о поездке его императорского высочества в Вену, а следовательно и о состоявшемся там бракосочетании.

Во время предшествовавших пребываний великого князя Михаила Александровича за границей, агенты заграничной агентуры во время поездок его императорского высочества на автомобиле повсюду сопровождали великого князя на особом моторе. В нынешний же выезд великого князя за границу командированный для ведения охраны старший агент Бинт получил в Берлине от генерала-майора Герасимова распоряжение при поездках великого князя на автомобиле не сопровождать его императорское высочество на моторе, а только следовать в поезде за лицами свиты и багажом.

Не сопровождая великого князя в его поездке на автомобиле, охрана ничего узнать не могла, ибо направление и цель поездки остались законспирированными от самых близких лиц.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в глубоком моем уважении и искренней преданности.

№ 1638. Париж.

А. Красильников.

17/30-го декабря 1912 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К письмам и запискам в. к. Николая Николаевича.

К запискам № I—II (стр. 27—50).

Записка Николая Николаевича (№ 1) вызвана речью Гучкова, произнесенной в Государственной Думе 27-го мая 1908 года.

Выступая докладчиком по смете военного министерства, Гучков подверг резкой критике систему военного управления. В заключительной части своей речи Гучков обратил внимание на деятельность «Совета государственной обороны» (он был образован 3-го мая 1905 г.).

«Составленный,—говорил Гучков,—из целой коллегии лиц, коллегии многочисленной, под председательством великого князя Николая Николаевича, этот совет является серьезным тормазом в деле реформы и всякого улучшения нашей государственной обороны».

После этого говорилось:

«Для того, чтобы закончить перед вами картину той дезорганизации, граничащей с анархией, которая водворилась во главе управления военного ведомства, я должен еще сказать, что должность генерал-инспектора всей артиллерии занимает великий князь Сергей Михайлович, должность генерал-инспектора инженерной части—великий князь Петр Николаевич, и что главным начальником военно-учебных заведений состоит великий князь Константин Константинович. Если,—продолжал Гучков,—ничего нельзя иметь против того, если можно даже считать естественным и справедливым, чтобы лица, по своему положению неответственные, служили в рядах армии, неся всю тяготу в мирное время и все опасности в военное время в качестве строевых начальников, то следует сказать, что постановка их во главе ответственных важных отраслей военного дела является

делом совершенно ненормальным.... Отношения их к другим равноправным инстанциям военного управления и отношения их к своим начальникам, несомненно, носят на себе отпечаток их общественного положения и связанной с ними фактической безответственности. Мы должны это сказать и вместе с тем мы должны признать наше бессилие в борьбе с этим явлением».

Речь заканчивалась так: «Если мы считаем себя в праве и даже обязанными обратиться к народу, к стране и требовать от них тяжелых жертв на дело этой обороны, то мы в праве обратиться и к тем немногим безответственным лицам, от которых мы должны потребовать только всего отказа от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия, которые связаны с теми постами, которые они занимают». («Стенографический отчет Государственной Думы», Третий созыв, сессия I, часть 3, стр. 1598—1600.)

Но хотя речь Гучкова, конечно, не могла заставить великих князей отказаться от «некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия», она произвела, как видно из печатаемой записки, сильное впечатление в том кругу, против которого непосредственно она была направлена.

Пункт 3-й записки Николая Николаевича имеет в виду то, что в принятой Гос. Думой формуле перехода выражалось согласие с речью Гучкова; в этой формуле признавалось необходимым произвести «коренную реорганизацию высшего управления военного ведомства на началах объединения и согласованности работ высших органов этого управления, при условии, чтобы руководителями дела государственной обороны являлись лица, по своему положению действительно ответственные» (предложенная трудовой группой поправка: к словам «действительно ответственные» добавить «перед постоянными представителями, избранными на основе всеобщего голосования», была, конечно, отклонена) — «Стенограф. отчет», стр. 1660.

Пункты 4-й и 5-й записки Николая Николаевича имеют в виду то, что выступавший по смете военный министр Редигер ничего не опроверг из указаний Гучкова, а председатель совета министров не считал также нужным сделать какие-либо возражения.

Заседание Думы, на котором был затронут вопрос о великих князьях, состоялось 27-го мая 1908 года, а через два месяца — 26-го июля Николай Николаевич был уволен от должности председателя совета обороны.

Написанный им самим проект благодарственного ему, от имени Николая II, рескрипта, напечатан здесь под № II (стр. 29—30).

Повидимому, и записка и рескрипт были поданы Николаю II одновременно. Подписи они не имеют, но принадлежность их в. к. Николаю несомненна по сравнению с почерком других его писем.

К письму IV (стр. 51—52).

Обвинения против русского посланника в Румынии Поклевского-Козелл были основаны на том обстоятельстве, что румынское правительство откладывало со дня на день свое вступление в войну на стороне держав соглашения, несмотря на то, что в известных слоях румынской буржуазии имелаась для этого подходящая почва.

Последствием настояний в. к. Николая Николаевича и доклада флигель-адъютанта Веселкина («личного друга» царя, начальника «экспедиции особого назначения» на Дунае) было распоряжение Николая II об увольнении Поклевского от должности. Об этом еще 25 января 1915 г. Николай II писал в особом письме к Сазонову (см. Лемке. «250 дней в царской ставке», стр. 567). Однако, через несколько дней Николай отменил это распоряжение, и Поклевский остался на своем посту.

Возникавшие против Поклевского подозрения нашли отражение также в переписке с Сухомлиновым начальника штаба верховного главнокомандующего (Верховным главнокомандующим тогда был Николай Николаевич) ген. Янушкевича. Отсюда видно, как возник этот вопрос.

В январе (20 — 21-го) 1915 г. Янушкевич писал из ставки Сухомлинову, между прочим, следующее:

«Приехал флигель-адъютант Веселкин с Дуная. Рассказывал ужасы про двух негодяев дипломатов: Козелл-Поклев(ского) и Савинского. Виселицы мало. Верховный задержал, чтобы лично доложить е(го) в(еличеству) и хочет просить выгнать и предать суду».

Упоминаемый здесь Савинский — посланник в Болгарии.

Через два дня Янушкевич писал:

«Ваше желание исполнилось, хотя и поздно. Пошло повеление немедленно убрать изменника поляка Коз(елл)-Покл(евского) из Бухар (еста). Государь возмущен его поведением. Лучше поздно, чем никогда».

Сухомлинов 24-го января отвечал:

«О «Козле» (Поклевском) я вам говорил еще до войны, что это человек негодный и наш враг».

Через некоторое время в письмах вновь попадают сообщения о Поклевском. В феврале 1915 года Янушкевич пишет:

«С ужасом узнал, что Коз (елл) - Покл (евский) оправдался и едет продолжать свое гнусное дело измены России. Неужели это упрямство С. Д. (С. Д. Сазонова)? Ведь и Пустошкин это утверждает, а теперь и Веселкин, ех-товарищ по лицую этого «Козла» в огороде».

Пустошкин — морской офицер.

Сухолинов отвечал 15-го февраля:

«О Поклевском я говорил с мин. ин. дел. — он и слышать не хочет никаких доводов,—говорит, что если уберут Козла, то и он уйдет».

Государю я все это доложил, и его величество прочитал показание Пустошкина.

Совершенно непонятное отстаивание этого господина, которого якобы и в. к. Сергей Михайлович защищает, зная его по лицую».

Наконец, в письме Янушкевича к Сухолинову (8-го — 10-го марта) встречается указание на роль в обнаружении «измены» Поклевского Семенова, военного агента в Румынии:

«За Коз. - Покл. (Козелл-Поклевского) не откажите дать отпор Саз—ву (Сазонову) в виде награды Семенову. Этим он подбодрится, и К.-П. (Козелл - Поклевский) будет осторожнее измену творить».

(См. «Переписку В. А. Сухолинова с Н. Н. Янушкевичем» — «Красный Архив», том II, стр. 168, 171, 172; том IV, стр. 30, 31, 43.)

Поклевский-Козелл, однако, по настоянию Сазонова, был оставлен на своем посту.

Последний абзац этого письма касается предпринятой союзниками дарданелльской операции, для выяснения плана которой в ставку в. к. Николая приезжал в феврале 1915 г. английский генерал Пэджет (упоминаемый в письме) и затем — французский генерал По. В отчете о переговорах Николая Николаевича с ген. Пэджет было, между прочим, сказано:

«Первая мысль об этой операции восходит к тому времени, когда оборот военных действий на Кавказе был такого характера, что позволял предвидеть возможность турецкого успеха. Естественно, обеспокоенный моральным впечатлением, которое такое событие произвело бы в мусульманском мире и общественном мнении, великий князь указал великобританскому правительству, насколько было бы важно для союзных держав создать противовес этому впечатлению общим действием, направленным против чувствительного пункта

Оттоманской империи» (см. Н. Валентинов, «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914 — 1918 г.г.», часть I, М. 1920 г., стр. 53).

К письму VI (стр. 54).

Приводим здесь полностью сохранившийся при письме доклад Николаю II в. к. Николая Николаевича о «краевом совещании», про который упоминается в этом письме.

Ваше императорское величество.

По вступлении моем, согласно высочайшего вашего величества повеления, в управление вверенным мне Кавказским краем, я счел себя обязанным подробно ознакомиться с наиболее важными насущными потребностями его жизни и с результатами деятельности бывшего наместника генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова в отношении удовлетворения каждой из таковых потребностей. В числе ряда вопросов, имеющих огромное значение для разноплеменного населения края, при первом же моем знакомстве с ним, особенно привлек мое внимание вопрос о введении в той или иной форме земства в Закавказьи.

Из сведений, почерпнутых мною из дел управления наместника, выяснилось, что вопрос этот возбуждался уже давно, при чем впервые он был поднят графом Воронцовым-Дашковым в 1905 году. Для лучшей разработки земской реформы графом Воронцовым было созвано в том же году Краевое совещание, каковое ни к каким результатам не привело, так как беспокойное настроение членов совещания, выразившееся в речах, не могущих быть допущенными краевою властью, принудило графа Воронцова-Дашкова совещание это приостановить. Дальнейшая работа по подготовке земской реформы велась в канцелярии наместника исключительно в смысле собирания материалов, могущих быть использованными для вопроса о введении земства в Закавказьи.

Придя к убеждению, на основании личных бесед с различными местными деятелями и депутациями, о неотложной необходимости дать вверенному мне краю земское самоуправление, в форме, отвечающей его культурному уровню, я поручил управлению наместника собрать все материалы, поступившие в канцелярию за последние 10 лет по данному вопросу, и тщательно рассмотреть их, с тем, чтобы дать теперь же дальнейшее движение вопросу о введении

земства в крае и приступить к составлению соответствующего законопроекта для внесения такового в установленном порядке, с высочайшего вашего императорского величества одобрения, в законодательные учреждения.

Желая получить более современные данные, я решил созвать Краевое совещание под моим председательством, при участии представителей различных групп населения и общественных деятелей Кавказа, с тем, чтобы путем обмена мнений получить от них не какое-либо решение вопроса о земской реформе, а исключительно лишь новый материал, могущий облегчить задачу составления законопроекта о сей реформе для Закавказья. Вместе с тем, сознавая, что в состоящем при наместнике совете не имелось достаточно знакомого с земскими вопросами лица, на которое могло бы быть возложено непосредственное составление означенного проекта, я, путем письменного личного опроса людей, крайне сведущих, коим я всецело доверяю, выяснил, что для таковой цели самым желательным явилось бы мое обращение к известному земскому деятелю, председателю губернской земской управы, действительному статскому советнику Ф. А. Лизогубу.

Следствием сего была моя всеподданнейшая просьба, обращенная к вашему императорскому величеству, о соизволении на назначение действительного статского советника Лизогуба членом совета наместника, каковое назначение ныне, в виду последовавшего высочайшего вашего величества согласия, уже состоялось.

Приемлю на себя смелость просить ваше императорское величество принять выражение моей глубокой благодарности за столь милостиво оказанное доверие к моему ходатайству и осмеливаюсь доложить, что сделанным мною, в лице действительного статского советника Лизогуба, для общей пользы дела, выбором, на основании исполненной им уже ныне работы, я вполне удовлетворен.

Созыв Краевого совещания состоялся 26-го минувшего апреля. Признавая необходимым, в интересах дела, широко привлечь к нему местных людей, я вполне сознавал возможность повторения со стороны некоторых членов совещания нежелательных выступлений, имевших место в 1905 году, но все же твердо верил, что, при проведении с самого начала заседаний намеченной мною руководящей идеи, мне возможно будет предупредить слишком несдержанные речи, предоставляя вместе с тем местным людям право высказаться по чрезвычайно интересующему их делу и удерживая их лишь от отклонения от существа каждого обсуждаемого вопроса.

Посему, по традиционному обычаю гостеприимства на Кавказе, я, в день открытия совещания, т.-е. 26-го апреля, пригласил всех членов его к завтраку во дворец наместника и провозгласил восторженно принятый тост за здоровье вашего императорского величества. Вечером того же числа я открыл первое общее заседание обращением к совещанию, призывая всех членов к плодотворной и спокойной работе на пользу края. Остальные заседания происходили в здании дворца под председательством помощника моего по гражданской части. В общем, считаю долгом с радостью отметить, что все прения и речи членов совещания носили характер полной деловитости и закономерности. В последний день совещания я председательствовал лично, при чем, закрывая его, сказал краткое слово, выражая членам совещания благодарность за их труды и за доставленный мне ценный материал для разработки законопроекта и характер их обмена мнений и сделанные мне устно доклады.

Не зная, возможно ли было вашему императорскому величеству ознакомиться с моими вступительными и заключительными словами, при сем дерзаю всеподданнейше представить текст таковых. Считаю долгом отметить, что в среде совещания заметно составилась блок между грузинами и магометанами против армянского меньшинства, при чем к этим группам примкнули и почти все русские члены совещания.

Отмеченное явление объясняется тем, что в Грузии есть дворянское сословие, достаточно сильное в Кутаисской и Тифлисской губерниях, а мусульмане надеются на дарование им в ближайшем времени сословных дворянских прав. Об этом вопросе я буду иметь счастье представить вашему величеству в будущем особый доклад, почему испрашиваю соизволения здесь его не касаться. Армяне же, не имея организованного дворянского сословия, опасаются, что сословное земство совершенно устранил их от участия в земской деятельности.

В виду такого коренного разногласия среди членов Краевого совещания и принимая во внимание, что мнение его, согласно предложенных мною задач, отнюдь не должно было носить решающего характера, а исключительно должноствовало ознакомить меня с пожеланиями и взглядами местных людей, я признал необходимым в заседаниях оглашать и выслушивать как мнение большинства, так и мнение меньшинства, считая, что и последнее безусловно должно быть принято во внимание при составлении советом наместника земского законопроекта для края.

Считаю для себя приятным долгом еще отметить, что, по засвидетельствованию присланных для участия в совещании представителей

министерства внутренних дел — управляющего земским отделом сего министерства тайного советника Неверова и управляющего земским отделом главного управления по делам местного хозяйства действительного статского советника Блюменау, они остались вполне удовлетворенными корректным ведением дела в совещании и никаких существенных изменений в намеченные программы работ управления наместника не внесли.

Ныне, в виду законченного собирания материалов по вопросу о введении земства в Закавказьи, совет наместника приступает к составлению соответствующего законопроекта.

С божьей помощью, я надеюсь разработку законопроекта о введении земства закончить к нынешней осени и представить его в совет министров, для дальнейшего направления в законодательные учреждения, не позже октября месяца сего года.

Таким образом, вопрос, имеющий исключительную важность для жизни и развития Кавказского края, и разрешения коего столь долго и терпеливо ожидали все народности Кавказа, наконец, вызван к жизни и поступит вскоре на окончательное рассмотрение его в законодательном порядке. О положении такого важного для всего Кавказа дела я считал своей священной обязанностью всеподданнейше непосредственно довести до сведения вашего императорского величества.

Если вашему величеству благоугодно будет одобрить настоящий мой доклад, то я буду и впредь иметь счастье по главнейшим вопросам, затрагивающим быт и благосостояние вверенного мне высочайшею вашего величества волею края, представлять повременно вашему императорскому величеству подобные краткие доклады.

Генерал-адъютант Николай.

31 мая 1916 года.

Гор. Тифлис.

К письму VII (стр. 56—57).

Упоминание в этом письме в. к. Николая о «восторге» населения относится к отмене, произведенного в июле 1916 г. вопреки закона, призыва для военных работ мусульманского населения. О том впечатлении, которое произвел этот призыв, в. к. Николай Николаевич сообщал Николаю II шифрованной телеграммой, от 24 июля 1916 г., сохранившейся при письме.

Из телеграммы в. к. Николая видно, что одно известие об этом призыве вызвало «глухое брожение», и в случае осуществления призыва предвиделись «беспорядки». И хотя великий князь тенденциозно объясняет мотивы этих волнений тем, что способные к строю мусульмане считают для себя позорным идти на военные работы, — тем не менее ясно, что это — обычные официальные слова, а суть дела заключается в том, что трудовое мусульманское население вовсе не желало проливать свою кровь за интересы русских империалистов. Не даром даже в. к. Николай заговорил об отмене обязательного призыва и о применении лишь добровольного приглашения.

Приводим полностью эту, сохранившуюся при письмах, телеграмму.

«Настроение мусульманского населения всего Кавказа даже в мирное время имеет свои характерные особенности, которые нужно принимать во внимание при проведении каких-либо мероприятий, даже самых незначительных, и кажущихся для лиц не знакомых с делом не имеющими никакого значения и не могущими вызвать никакого недовольства.

«В военное время, особенно при войне с Турцией, вопрос еще более осложняется и требует особой осмотрительности.

«В данное время агентская телеграмма, сообщающая о призыве мусульман на работы, уже имела последствием глухое брожение. Мусульмане считают себя оскорбленными призывом на работы, что они считают для себя зазорным вообще и особенно для тех, которые сознают себя способными нести военную службу. Всякое мероприятие, касающееся мусульманского населения, до его осуществления требует ряд подготовительных мер, что в свою очередь требует известного времени. К сожалению я не был заранее предупрежден о призыве на работы этого населения и не имел возможности все к этому подготовить.

«Для проведения желательного мероприятия, для успешного его выполнения, необходимо мне дать широкие полномочия относительно формы его применения и не стеснять меня временем. В данном мероприятии часть мусульман, годных и желающих нести службу в войсках, следовало бы допустить, сформировав из них отдельные части, которые могут быть использованы исключительно против германцев и австрийцев на Западном фронте; другая часть могла бы быть использована как рабочая сила, но только в форме как бы добровольного обращения к ним с призывом на работы на помощь армии. Проведение в иной форме этого мероприятия вызовет безу-

словно беспорядки, одна из опасных форм коих — порча железных дорог, на что уже есть указание.

«Вооруженной силы свободной у меня нет, с фронта взять не могу ни одного человека.

На основании изложенного, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству повелеть мне призвать мусульманское население Кавказа для нужд армии, частично использовать его в зависимости от его пригодности к тому или другому делу; тогда я обращусь к населению, объявляя о воле вашего величества в такой форме, которая будет им понятна и не вызовет надеюсь беспорядков.

«До объявления сего приму подготовительные меры.

«Буду ожидать всемилостивейшего ответа вашего императорского величества.

Генерал-адъютант Николай».

К письму в. к. Милицы Николаевны.

(Стр. 58—59).

Истинный смысл этого плана черноморской дипломатки можно выяснить только при помощи некоторых сопоставлений.

Запрос к Милице относительно вождедений Черногории был сделан в это именно время не случайно: она писала Николаю 5 апреля 1915 г., — а как раз тогда шел вопрос о переходе в наступление сербской армии; сначала предполагалось, что сербское наступление состоится после образования союзного фронта на Балканах, но ухудшение положения на русском фронте, после дунаецкого прорыва, поставило вопрос о необходимости немедленного перехода сербской армии в наступление. Об этом в. к. Николай Николаевич 4 (17) апреля телеграфно просил сербского главнокомандующего королевича Александра. Вместе с тем, в связи с решением союзников предпринять салоницкую операцию и в виду того, что Греция отказывалась от пропуска союзных армий по салоницкой территории, в ставке возникал вопрос (в феврале—марте 1915 г.) о возможности, для осуществления указанной задачи, действовать через Рагузу, опираясь на Черногорию. Таким образом, союзники, и в частности русское командование, были в этот момент заинтересованы в том, как отнесется к их планам Черногория. Именно потому Милица, в своем ответе Николаю II, постаралась «запросить» побольше; вместе с тем авантюристский

король Черногории Николай (отец Милицы) хотел поживиться на счет Сербии.

Почти в то самое время, когда Милица сообщала Николаю II о территориальных пожеланиях своего отца, русский военный агент в Черногории доносил в ставку—13 апреля 1915 г.—об истинном плане Николая Черногогорского, выработанном «членами черногорской королевской семьи при участии итальянской королевы Елены (сестры Милицы)»:

«План этот,—говорится в донесении,—от осуществления которого ожидается осуществление интересов как Черногории, так и Италии, преследует задачу усилить и укрепить Черногорию, сделав ее возможно более независимой от Сербии, и одновременно ослабить Сербию, которая иначе может явиться в будущем угрозою итальянским интересам на Адриатическом море.

«Для осуществления указанного плана — говорится далее,—установлена необходимость:

1) раздобыть извне, под видом кредитов на армию, крупные денежные средства, которые позволили бы Черногории, по окончании войны и по прекращении сербской военной субсидии, независимое существование в течение нескольких лет;

2) имеющие быть занятыми Италиєю в будущей войне с Австрией прибрежные пункты южной Далмации отнюдь не уступать сербам, а передать в черногорские руки;

3) путем соответствующего осведомления нашего верховного главнокомандующего подготовить почву к возможно большему расширению за счет Сербии будущих границ Черногорского королевства».

Осуществлению последней задачи и посвящено письмо Милицы, в котором она «осведомляла» самого царя. (Текст приведенного донесения и другие данные см. в труде Н. Валентинова «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г.г.», стр. 64).

Надо также отметить, что указанное сообщение русского военного агента было писано 13 апреля 1915 г. (письмо Милицы 5 апреля), и в тот самый день, когда он делал это донесение, союзники заключали в Лондоне тайный договор, согласно которому Италия привлекалась к участию в войне. На основании этого договора, Италии были обещаны Трентино, Триест, Герц и Градиска, Истрия, а также часть Тироля и различные острова. Таким образом, эти компенсации за вступление в войну отводили Италии ряд земель со славянским населением, на которые претендовали и Сербия и Черногория.

Письмо Милицы, по сопоставлении с донесением черногорского военного агента, проливает также некоторый свет на те закулисные махинации, которые были основаны на родственных связях итальянской и черногорской королевской фамилий.

К этому можно еще прибавить, что позднее представители черногорской династии изменили свою тактику,—и в январе 1916 г. король Николай (подозревавший и раньше в тайных сношениях с Австрией) обратился к австрийскому императору с предложением вступить в переговоры о сепаратном мире; но австрийскими империалистами были выставлены совершенно неприемлемые требования, и король после этого бежал в Италию.

К письмам в. к. Павла Александровича.

(Стр. 55—62).

В. к. Павел Александрович — младший брат Александра III. Он был женат (первым браком) на дочери короля греческого Георга, Александре Георгиевне, которая умерла в 1891 году. От этого брака были дети: Дмитрий Павлович и Мария Павловна.

Позднее П. А. Романов вступил в брак с женою адъютанта своего брата, Владимира, Пистолькорс, вследствие чего был исключен в 1902 г. из службы (он состоял командиром гвардейского корпуса) и выслан за границу. Жене его был дан титул графини Гогенфельзен.

П. А. Романов имел громадное состояние: получив от отца в наследство 3 миллиона рублей, он увеличил этот капитал до 7 миллионов. Три миллиона после свадьбы с Пистолькорс он успел перелести за границу, а остальной капитал переправить туда не было разрешено. («Дневник Половцова» — «Красный Архив», том 3, стр. 166.)

Над детьми П. А. Романова была учреждена опека, при чем главным опекуном был Николай II. В 1907 году опекуны, без согласия отца, решили выдать его дочь Марию, замуж за принца шведского, герцога зюдерманландского Вильгельма. V-ое письмо П. А. Романова (стр. 56 — 57) касается именно этого вопроса.

Письма №№ IX и X (стр. 59) касаются эпизода с дочерью П. А. Романова, Марией, которая, будучи замужем за принцем шведским, покинула его и вернулась к отцу.

Во время войны (1915 г.) П. А. Романову было разрешено вернуться с женой в Россию, и 28-го мая 1916 года он был вновь назначен командиром 1-го гвардейского корпуса.

Напечатанная под № XI записка (стр. 60) представляет собою перечень составленных П. А. Романовым пожеланий относительно положения его жены, которой, веледствие этих просьб, дан был титул княгини Палей (ср. также «Переписка Н. и А. Романовых», т. III, стр. 149, 150, 153).

В настоящей книге приводятся несколько данных из области того, как великие князья пытались уговаривать Николая II «спасти» Россию от революции. Нелишне потому рассказать здесь и о последней попытке этого рода, связанной с именем в. к. Павла, хотя это и выходит за пределы комментариев к письмам.

В письмах А. Ф. Романовой к Николаю, относящихся к тому времени, когда революция уже совершилась (2 марта 1917 г.), имеется такое место: «Павел, получивший от меня страшнойшую головомойку за то, что ничего не делал с гвардией, старается работать теперь изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил пидиотский манифест относительно конституции после войны и т. д.» (см. «Красный Архив», т. IV, стр. 216). Этот «манифест» заключался в таких словах (после «божью милостию мы Николай второй» и проч.):

«В твердом намерении переустроить государственное управление в империи на началах широкого народного представительства мы предполагали приурочить введение нового государственного строя ко дню окончания войны.

Бывшее правительство наше, считая нежелательным установление ответственности министров перед отечеством в лице законодательных учреждений, находило возможным отложить этот акт на неопределенное время.

События последних дней, однако, показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательных учреждениях, не могло предвидеть возникших волнений и их властно предупредить.

Велика наша скорбь, что в те дни, когда на поле брани решаются судьбы России, внутренняя смута постигла столицу и отвлекла от работ на оборону, столь необходимых для победоносного окончания войны.

Не без происков коварного врага посеяна смута, и Россию постигло такое тяжелое испытание, но, крепко уповав на помощь промысла божия, мы твердо уверены, что русский народ во имя блага своей родины сломит смуту и не даст восторжествовать вражеским проискам.

Осенья себя крестным знаменем, мы предоставляем государству российскому конституционный строй и повелеваем продолжить прерванные указом нашим занятия государственного совета и государственной думы, поручая председателю государственной думы немедленно составить временный кабинет и в согласии с нами озаботиться созывом законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи.

Да послужит новый государственный строй к вящему преуспеянию, славе и счастью дорогой нам России.

Дан в Царском селе марта в 1-й день в лето от рождества Христова 1917, царствования же нашего 23-е.

Великий князь Михаил Александрович.

Великий князь Кирилл Владимирович.

Великий князь Павел Александрович.

Факсимиле этого курьезного документа напечатано в журнале «Огонек», 1923 г., № 1.

К тексту этого «манифеста» любопытно присоединить рассказ самого П. А. Романова (вскоре после революции) о тех обстоятельствах, при которых он умудрился составить такую бумагу («Русская Воля», 1917 г., 11 марта, № 10).

«24-го февраля, — рассказывал в. к. Павел, — началась революция. Я следил за ходом событий и был в курсе всех дел. 28-го февраля меня вызвала во дворец Александра Федоровна.

— Поезжайте немедленно на фронт, — заявила она, — постарайтесь привезти преданных нам людей. Надо спасти во что бы то ни стало трон. Он в опасности.

Я отказался, ссылаясь на то, что мои обязанности как начальника гвардии, касаются только хозяйственной части. В душе же я был убежден, что звать войска бесполезно. Все равно присоединятся к революционерам.

1-го марта я вторично был вызван во дворец, но пойти туда отказался. В это время у меня в квартире готовился мани-

фест о полной конституции русскому народу. Его должен был подписать Николай Александрович. Заручившись подписями Кирилла Владимировича и Михаила Александровича и подписавшись под этим манифестом сам, я отправил манифест в Гос. Думу и вручил его под расписку Милюкову. А уже потом я отправился во дворец. Первые вопросы, заданные мне тогда Александрой Федоровной, были такие:

— Где мой муж? Жив ли он? И что нужно сделать для улаживания беспорядков?

Я передал Александре Федоровне содержание заготовленного мною манифеста, и она его одобрила.

3-го марта я опять был вызван во дворец. У меня в руках был свежий номер «Известий» с манифестом об отречении. Я прочел его Александре Федоровне. Об отречении Александра Федоровна ничего не знала. Когда я закончил чтение, она воскликнула:

— Не верю, все это — враки. Газетные выдумки. Я верю в бога и армию. Они нас еще не покинули.

— Мне, — говорит Павел Александрович, — пришлось разъяснить опальной царице, что не только что бог, но и вся армия присоединилась к революционерам. И лишь тогда бывшая царица поверила и, кажется, в первый раз поняла, или постаралась понять, все то, к чему она, Гришка Распутин и Протопопов привели страну и монархию».

К письмам в. к. Николая Михайловича.

(Стр. 65—92.)

Приводим здесь неизвестное нам в подлиннике письмо в. к. Николая Михайловича, от 1 ноября 1916 г. к Николаю II с указанием на гибельность для династии его политики. Письмо это после февральской революции было напечатано в газетах; мы даем его по тексту «Русского Слова» (№ 54, от 9 марта 1917 г.), где письмо было напечатано впервые, по тексту, полученному сотрудником газеты от самого Н. М. Романова. Текст письма такой:

«Ты неоднократно выражал твою волю «довести войну до победоносного конца». Уверен ли ты, что, при настоящих тыловых условиях, это исполнимо? Осведомлен ли ты о внутреннем положении не только внутри империи, но и на окраинах (Сибирь, Туркестан,

Кавказ)? Говорят ли тебе всю правду или многое скрывают? Где кроется корень зла?

«Разреши в кратких словах выяснить тебе суть дела.

«Пока производимый тобой выбор министров при таком же сотрудничестве был известен только ограниченному кругу лиц—дело могло еще идти, но раз способ стал известен всем и каждому и об этих методах распространилось во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немислимо.

«Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повторяться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному, сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст,—есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то, по крайней мере, огради тебя от постоянных, систематических вмешательств этих напештываний через любимую тобой супругу.

«Если твои убеждения не действуют,—а я уверен, что ты уже неоднократно боролся с этим влиянием,—постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой. Твои первые порывы и решения всегда замечательно верны и попадают в точку. Но, как только являются другие влияния, ты начинаешь колебаться, и последующие твои решения уже не те. Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобою доверие громадного большинства твоих подданных. Все последующее быстро наладится само собой. Ты найдешь людей, которые, при изменившихся условиях, согласятся работать под твоим личным руководством.

«Когда время настанет, — а оно уже не за горами, — ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность министров перед тобой и перед законодательными учреждениями. Это сделается просто, само собой, без напора извне и не так, как совершился достопамятный акт 17-го октября 1905 года.

«Я долго колебался открыть всю истину, но после того, как твоя матушка и твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился.

«Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше—накануне эры покушений. Поверь мне: если я так напираю на твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, которых у меня нет, — в этом ты уже

убедился и ее величество тоже,—а только ради надежды и упования спасти тебя, твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий».

Это письмо вызвало чрезвычайную ярость А. Ф. Романовой. Это отражается и в переписке ее с мужем. 4 ноября 1916 г. она писала Николаю II:

«Я прочла письмо Николая с полным отвращением. Если бы ты его остановил в середине его разговора и сказал ему, что, если он хотя бы раз еще коснется этого предмета или меня, ты его сошлешь в Сибирь — так как это выходит почти государственная измена. Он всегда меня ненавидел и дурно обо мне отзывался уже 22 года, и в клубе также (этот самый разговор у меня с ним был в этом году), но во время войны и в такую пору ползти за твоей мамашей и твоими сестрами и не встать отважно на защиту жены своего императора (все равно, согласен он со мной или нет)—это отвратительно, это измена. Он чувствует, что со мной считаются, начинают меня понимать и интересоваться моим положением, и этого он не может вынести. Он — воплощение всего, что есть дурного, все преданные люди его презирают, даже те, которые не очень нас любят, чувствуют отвращение к нему и к его разговорам,— а Фредерике стар и не годится и не смеет его заставить замолчать и намылить ему голову, а ты, моя любовь, слишком добр и мил и мягок—такого человека надо держать в страхе перед тобой: он и Николаша — мои величайшие враги в семье, не считая черных женщин и Сергея... Душка моя, ты должен заступиться за меня ради тебя и Беби. Если бы у нас не было Его, все бы уже давно было кончено—я в этом совершенно убеждена».

Из последней фразы видно, что, по мнению А. Ф. Романовой, только благодаря воздействию Распутина («Его») удерживался Николай на престоле. «Беби» — это наследник Алексей. Упомянутые раньше «величайшие враги» А. Ф. Романовой: «Николаша» — в. к. Николай Николаевич; «черные женщины» — вел. княгини Анастасия и Милица; Сергей — в. к. Сергей Михайлович.

В дальнейших письмах Александра Федоровна продолжает нападать на Н. М. Романова. «Сандро (Лейхтенбергский) сказал, — пишет она 9 ноября 1916 г., — что Николай Михайлович говорит ужасные вещи, все в ярости от того, что он рассказывает в клубе, и он постоянно видится с Родзянко и компанией».

10 ноября А. Ф. Романова пишет:

«Пожалуйста, прикажи Ник. Мих. уехать — он опасный элемент здесь в городе».

В результате 1 января 1917 г. Н. М. Романов был выслан из Петрограда в свое имение.

К письму V (стр. 71).

В этом письме, между прочим, упоминается о том, что постройка памятника Александру II была поручена его сыну, в. к. Владимиру Александровичу. Здесь можно указать, как выполнял он это поручение. В «Отрывках из воспоминаний» А. А. Лопухина рассказывается, что поступившие на памятник деньги,—более миллиона рублей,—были растрачены, при чем за растрату попал под суд, конечно, не великий князь (состоявший президентом Академии Художеств, которая ведала постройкой памятника), а секретарь; между тем эту растрату «молва приписывала великому князю» (см. А. А. Лопухин. «Отрывки из воспоминаний». С предисловием М. Н. Покровского, 1923 г. Госуд. Изд-ство, стр. 41).

К письму X (стр. 82—84).

Даем здесь подлинный, французский текст записей Н. М. Романова о беседах его с румынскими деятелями, которые приведены в тексте в русском переводе.

Conversation avec le roi.

Ma neutralité est possible car j'ai toujours gardé les souvenirs les plus reconnaissants à feu l'Emp. Alexandre II, quand nos troupes ont marché ensemble. Mais jamais je n'aurais pu lever mon glèbe contre l'Allemagne comme un Hohenzollern — ceci est exclu. Alliance et intimité possible entre la Roumanie et la Bulgarie, mais aucun accord avec la Serbie et surtout avec la Grèce. Je suis entièrement opposé à toute idée de confédération balkanique.

Conversation avec Tito Majoresco président Conseil.

Vague. Neutralité peut-être. Aurait voulu rester en dehors du tout, pas de confédération balkanique, accord dangereux, pouvait provoquer dans le pays des troubles et des tendances révolutionnaires. Il voudrait rester au mieux avec les trois voisins de la Roumanie: la Russie, l'Autriche et la Bulgarie, gardant sa liberté d'action complète.

Conversation avec Take-Ionesco.

Vues plus larges que le président du Conseil. N'aurait lui pas voulu froisser l'Autriche, qu'il croit en état «de décomposition complète et de nervosité extrême», avant de s'engager avec la Russie en concordant l'action de la Roumanie avec les vues de la Russie. Faut surtout ménager la subtilité du vieux roi, vu son âge et son état de santé.

Мое примечание. Intelligent, actif, faux, mais grand ami personnel de Kiederlen - Waechter.

1 Conversation avec Jean Bratiano, leader de l'opposition.

Critique acerbe de la politique du Cabinet actuel, aussi de celle du roi. Aurait désiré que la Roumanie prenne position, fasse une politique plus active et pose nettement ses prétentions. Faut absolument tâcher d'entrer dans la confédération balkanique «en passant par dessus les petitesesses» c. a. d. l'aversion du roi pour la Serbie et celle du pays pour la Grèce.

Мое примечание. Vues larges d'un homme qui sent arriver bientôt son heure et prendre le pouvoir. Respect pour le monarque, mais regret de le voir tellement attaché aux indications venant de Berlin et de Vienne.

2 Conversation avec Bratiano.

«Le pays saura se débrouiller dans la situation actuelle passant par dessus les personnes». — «La visite qu'il y a trois jours du Conrap von Hetzendorf purement de politesse avec lettre de l'emp. François-Joseph et réponse du roi Carol qu'il était disposé à soutenir toutes les solutions pacifiques. On veut nous forcer d'aller avec la Triplice, même les armes à la main, quitte à ne rien avoir d'avantageux, surtout si l'Autriche touchait ce qu'elle désire». Puis Bratiano m'a insinué assez vaguement que si la Russie s'engageait dans une guerre avec les Austro-Allemands dans des conditions favorables pour elle, c. a. d. avec la France et l'Angleterre, les sympathies de la majorité des roumains iraient incontestablement vers la Russie,

mais celles du vieux roi, même en cas de gros succès, resteraient acquises pour la gloire des Hohenzollern. — A ma question: «Et si Vous êtes un jour à la tête du gouvernement, feriez Vous des démarches pour avoir la Bessarabie»? Silence momentané et puis: «V. A. I. veut me blaguer; je ne puis même comme ardent patriote roumain désirer l'impossible, mais moi au pouvoir je mettrai la question de Transylvanie en première ligne et ferait tout pour me rapprocher de la Russie. Mais je Vous répète, avec le roi actuel cela sera très dure, avec le successeur... on pourrait s'arranger... je ne puis hélas Vous dire plus». — Moi: «Puis-je répéter cela aussi à mon souverain»? — «Si vous insistez — oui, autrement—plutôt non».

Мое заключение. Impression générale: la Roumanie ne veut pas s'engager à rien de précis; le roi est très allemand et ne le cache pas; les hommes politiques sont tous faux. J. Bratiano m'a l'air d'un individu de premier ordre. C'est quelqu'un.

Весь твой

Николай М.

К письмам в. к. Александра Михайловича.

(Стр. 112—116.)

Первые три письма Александра Михайловича, состоявшего во время войны «полевым генерал-инспектором авиации и воздухоплавания», представляют собою настойчивые домогательства о передаче в ведение этого великого князя эскадры «муромцев» — воздушных кораблей, построенных по проекту инженера Сикорского. Вопрос об этом имеет небезынтересную историю, которую мы вкратце здесь изложим.

Первый, сконструированный Сикорским, «муромец» был построен Шидловским летом 1914 года; после этого решено было выстроить еще 10 «муромцев».

С началом войны, «муромцы» были применены для военных целей; но первое время показались непригодными. В. к. Александр Михайлович, в качестве начальника авиации, согласился с решением о непригодности воздушных кораблей этого типа для военных целей. Вследствие этого было решено отказаться от пользования этими кораблями и их постройки.

Однако, Шидловскому удалось доказать, что вынесенное решение о непригодности этих аэропланов основано на неумении обращаться с ними; новые опыты с полетами на «муромцах» дали хоро-

шие результаты, вследствие чего в 1915 году Шидловскому было поручено создать эскадру воздушных кораблей этого типа и руководить ею. Но, чтобы оградить эту работу от «каких-либо влияний, способных колебать неокрепший внутренний строй и принципы, проводимые в боевой работе кораблей», эскадра была подчинена непосредственно начальнику штаба верховного главнокомандующего (помимо в. к. Александра Михайловича). В результате, по отзывам ген. Алексеева, «муромцы» вполне оправдали возлагавшиеся надежды, оказавшись особенно пригодными для дальних полетов, для разведок и бомбометания, при чем в этом последнем отношении «муромцы» находились вне конкуренции.

Такой отзыв (сохранившийся в копии при письмах) был дан ген. Алексеевым в ответ на домогательства Александра Михайловича о передаче в его ведение этих кораблей. Далее в этом докладе ген. Алексеев (26-го октября 1916 года) писал непосредственно относительно требований великого князя:

«Предполагаемая августейшим заведующим авиацией и воздухоплаванием в действующей армии реорганизация эскадры воздушных кораблей является не только ничем не заслуженным расформированием самостоятельной боевой части, только что с трудом созданной и уже заявившей себя многими выдающимися подвигами, но и упразднением организации, затратившей громадную энергию для создания этой части в тяжелых условиях военного времени.

«Проектируемое его императорским высочеством подчинение отрядов эскадры командирам дивизионов с поручением им и инспекторам авиации фронта постановки боевых задач, руководства и надзора за боевой подготовкой личного состава кораблей, т.-е. передача руководства этим новым оружием из рук людей, создавших его, в руки лиц, незнакомых ни с конструкцией кораблей, ни с порядком службы на них, не может способствовать успешной боевой работе и дальнейшему совершенствованию этого нового оружия.

«Едва ли желательно также и распространение на эскадру воздушных кораблей действия временного положения об августейшем полевом генерал-инспекторе авиации и воздухоплавания, так как всякое, даже самое благожелательное, вмешательство в деятельность организации, самостоятельно выработавшей приемы и методы работы по совершенствованию созданного ею дела, может иметь последствием не только замедление, но даже полное прекращение творческой работы, получающей особое значение теперь, когда

противник, располагающий до чрезвычайности развитой и совершенной техникой, выпустил, наконец, на фронт большой много-моторный самолет, и эскадре придется напроць все свои силы, чтобы сохранить превосходство над врагом.

«Вообще, стоя на точке зрения интересов армии, ведущей тяжкую борьбу с сильным врагом, полагал бы невозможным принести в жертву, хотя бы и правильной в теории идее объединения, организацию, давшую армии оружие, признанное ею своим мощным соратником, служащее предметом злобной зависти врага и являющееся славой и гордостью русского оружия.

«Повергая все вышеизложенное на благовоззрение вашего императорского величества, верноподданническим долгом своим считаю необходимым просить ваше императорское величество, дабы повелено было оставить эскадру воздушных кораблей на все время войны в непосредственном подчинении начальника штаба верховного главнокомандующего, сохранив существующую организацию ее и не распространяя на нее действия временного положения об августейшем полевом генерал-инспекторе авиации и воздухоплавания».

Во всей этой истории надо подчеркнуть роль самого А. М. Романова. Он неофициально хлопочет о «муромцах» только «из чувства глубокого уважения к генералу Алексееву» (письмо от 19/I 1916 г.); затем во втором письме по этому вопросу (20/IX 1916 г.) он просит Николая «не показывать этого письма Алексееву»: «я вовсе, — говорит А. М. Романов, — не желаю его раздражать, но польза дела диктует мне это письмо». Таким образом, все это предприятие обделывалось келейно, по секрету: «польза дела» тут не при чем, а главное великому князю надо было забрать все в свои руки и класть в карман соответствующие доходы.

Впрочем, по тону доклада ген. Алексеева видно, что, если А. М. Романов и питал к нему «глубокое уважение», то с обратной стороны этого заметно не было; наоборот, видно, что ген. Алексеев всячески хотел избавиться от этого афериста.

О браке в. к. Михаила Александровича и надзоре за ним.

(К «Приложению».)

Напечатанные здесь документы (стр. 127—130) изображают эпизод брака брата Николая II, Михаила Александровича, с Н. С. Вульф-ферт (после этого брака получившей титул «графини Брасовой» — по

имени одного из имений великого князя). Вел. кн. Михаил Александрович вследствие этого брака, состоявшегося в 1912 году, был взят под опеку и исключен из службы, с запрещением въезда в Россию. В начале войны Михаилу было разрешено вернуться, вместе с женой, в Россию; он был назначен командиром одной казачьей бригады.

Перед революцией Брасова пыталась играть некоторую «политическую роль». По крайней мере, Палеолог (французский посол) пишет об этом так: «Говорят, что графиня Брасова старается выдвинуть своего супруга в новой роли. Снедаемая честолюбием, ловкая, совершенно беспринципная, она теперь ударилась в либерализм. Ее салон, хотя и замкнутый, часто раскрывает двери перед левыми депутатами. В придворных кругах ее уже обвиняют в измене царизму, а она очень рада этим слухам, создающим ей определенную репутацию и популярность. Она все больше эмансипируется; она говорит вещи, за которые другой отведаль бы лет двадцать Сибири...» («Царская Россия накануне революции», 1923 г., стр. 44.)

Для общей иллюстрации «охраны», организовывавшейся над великими князьями, приводим здесь еще один документ. Он представляет собою донесение (в форме письма) к ген. Герасимову командированного для ведения охраны в. к. Михаила старшего агента Бинята. Письмо, писанное на плохом французском языке, дается нами в переводе.

Донесение агента о надзоре за в. к. Михаилом Александровичем.

Канн. 16-го декабря 1912.

Ваше превосходительство.

Имею честь довести до вашего сведения, что гвардейский капитан Трескин выехал сегодня из Канн, направляясь прямо в Петербург.

Адвокат Алексей Матвеев приходится мадам Жюли зятем, так как женат на ее сестре. Доктор Кадников и господин Хот (Noth) все еще находятся тут.

В первых числах декабря сюда приехал полковник Мордовин (Mordvinoff)¹⁾, и только после свидания с ними я узнал все, что касается господина Эрнеста²⁾.

¹⁾ Вероятно фамилия — Мордвинов.

²⁾ Повидимому под кличкой «Эрнест» скрывается тоже кто-то из великих князей.

Теперь уже не подлежит сомнению, что господин Эрнест проведет здесь весь зимний сезон. Все неприятности первых дней ныне миновали, и господин Эрнест развлекается во-всю со своими гостями; они совершают прогулки верхом, а вечером усиленно занимаются в салоне музыкой; автомобильные поездки временно прекращены с некоторых пор, так как мотор поврежден и ждут запасных частей. Мадам Жюли поправляется, но еще не выходит, так как страдает нарывом, мешающим ей сидеть.

По сведениям, полученным мною от одного из наших бывших тайных агентов,—которому я никогда не доверял, но который, может быть, доносит теперь правду,—нижеследующий разговор, который этот агент лично слышал, происходил между доктором Мандельбергом (хорошо знакомым нашим людям) и неким субъектом, бежавшим из русской тюрьмы и известным под именем Серафима:

Мандельберг. Я узнал от одного из друзей московского доктора Кадникова, что некто Брасов проживает здесь в настоящее время, в Парковой гостинице, и что этот Брасов—не кто иной, как Е. В. М. А. ¹⁾.

Серафим. Вот благоприятный случай показать, что мы еще живы: надо его устранить, что очень не трудно—стоит лишь поселиться в Парковой гостинице, и дело будет сделано.

Мандельберг. Это было бы бесполезно, так как он отрекся от всех своих прав, и повлекло бы за собою изгнание всех наших из пределов Франции.

Серафим. А мне наплевать на это!

Дальнейшую часть этого разговора бывший тайный агент, по его словам, не расслышал; но он его не забыл, ибо немедленно сел в поезд и приехал в Кани, в Парковую гостиницу, чтобы узнать, там ли господин Брасов и не сможет ли он с ним поговорить. Не найдя господина Брасова в отеле, он ему написал, желая выудить у него деньги за молчание, и я, встретив этого агента после его письма к господину Брасову, сумел, путем допроса и угроз арестом (ибо он лишен права проживать во Франции), узнать все происшедшее и получить от него письменное изложение вышеприведенных фактов. Не питая к этому человеку никакого доверия и, зная, кроме того, что он был совершенно без средств и постоянно носил при себе револьвер, я сам отвел его, действуя на него угрозами и запугиванием, на вокзал и взял ему билет в Италию, заявив, что если он покажется здесь еще раз, то будет арестован.

¹⁾ То-есть: его высочество Михаил Александрович.

Таким образом мне удалось избавить Кани от пребывания в нем субъекта, которого я знаю очень давно и считаю способным на все.

Я сообщаю все это вашему превосходительству, не ручаясь за достоверность вышеизложенного, потому что никогда не верил этому человеку и его словам; но, принимая во внимание, что, будучи в Италии, он мог узнать о проживании в Канне господина Брасова и обнаружить, кто он, — приходится допустить, что его рассказ не лишен правды.

Перед отходом поезда я ему сказал, чтобы он в Кани больше не показывался, но вместе с тем заявил ему, что если у него будет что-либо интересное (а в особенности достоверное) мне сообщить то он может это сделать, при чем я сумею оценить его услуги.

Вследствие всего вышеизложенного, я организовал охрану и принял здесь, в отеле, все меры предосторожности, чтобы никто из находящихся в гостинице посторонних лиц не был поблизости от господина Эрнеста и чтобы отныне о всяком, вновь прибывшем в отель, лице мне докладывали. Прошу ваше превосходительство сообщить мне, надо ли эту охрану продолжать.

Имею честь быть вашего превосходительства преданным

слугою *J. Bint.*

Из текста этого донесения видно, что агент сообщает о покушении на великого князя, которое будто хотел организовать какой-то «Серафим». Повидимому, подобные истории просто измышлялись с целью получения усиленных сумм на охрану. Такое наблюдение велось в течение нескольких лет и стоило значительных сумм. Так, из справки, напечатанной в журнале «Былое» (1918 г., кн. 3, стр. 56—67), видно, что одна только заграничная охрана в. к. Михаила обходилась департаменту полиции в такие суммы: с октября 1910 г. по январь 1911 г. было израсходовано 18.274 фр., с 31-го августа 1911 года по 1-е января 1912 года 16.030 фр. и с сентября 1912 года по август 1913 года—20.970 фр.

Эта охрана, как видно из той же справки, была организована, с ведома Николая Романова, по просьбе министра двора—для того, «чтобы о возможных случайностях своевременно предупреждать и избавить его величество от беспокойства неизвестности, если бы извещения о местопребывании его высочества им не сообщались своевременно государю».

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
Предисловие В. И. Невского.	5
«Плюгавая семейка». Статья В. П. Семенникова.	11
Письма великих князей к Николаю II.	
» Николая Николаевича	27
» Милуды Николаевны	38
» Дмитрия Павловича	40
» Павла Александровича	53
» Николая Михайловича	63
» Михаила Михайловича	92
» Александра Михайловича	112
» Георгия Михайловича	122
Приложение. Брак в. к. Михаила Александровича. (Сыскной надзор за братом царя.)	127
Примечания	131

В БЛИЖАЙШЕМ ВРЕМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

выпускает следующие книги по истории последнего периода монархии.

- 1) **Дневник б. великого князя** (Андрея Владимировича Романова) 1915 года.
- 2) **За кулисами царизма** (Архив „тибетского врача“ Бадмаева).

СОДЕРЖАНИЕ:

- а) Распутин — Илиодор — Бадмаев.
- б) „Тибетская медицина“.
- в) Закулисная работа Бадмаева в 1916—1917 г.г.
- г) Авантюра на Дальнем Востоке.
- д) Концессионные предприятия.

Приложения. Г. Распутин — „Мои мысли и размышления“. Записка Илиодора о Распутине и проч.

- 3) **В. П. Семенников. Политика Романовых накануне революции.** (По новым документам.)

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Романовы и сепаратный мир.

- а) Миссия Васильчиковой.
- б) „Стокгольмское свидание“ Протопопова. — Штурмер. — Отношение Романовых к „союзникам“.
- в) Последняя попытка сепаратного мира.

II. Банки и Распутин.

- а) Манус, Бурдуков и К^о; их закулисная роль и связи с германским капиталом.
- б) „Дело“ Рубинштейна.
- в) Протопопов — его отношение к банкам и металлургической промышленности.
- г) Металлургический трест и банки.
- д) Мотивы банковского „пацифизма“.

III. Распутин и верховное командование.